

ЧЕРЕЗ

ТРИ

ВОЙНЫ

Москва

Алашкерт

*100 км. восточнее Эрзурума.
До 1878 года постоянное
место жительства*

Сарыкамыш

КАРС

*1878-1915
после Русско-
Турецкой войны*

Гюмри

Канигюх

*Путь карских армян
после геноцида,
нашедших
вторую родину –
Северный Кавказ,
удаленную на 2000 км*

Валерий Якубов

ЧЕРЕЗ ТРИ ВОЙНЫ

Москва · 1999

Я 43 **Якубов В.В.** Через три войны. — М.: «Дизайн Клуб», 1999. — 200 с.: ил.

Эта книга о жизненном и боевом пути гвардии полковника Артура Исаевича Адельханяна. Она представляет хроникальный рассказ о военных людях, которые встали в армейский строй по жизненной необходимости или по требованию истории.

Для широкого круга читателей.

Редактор
Л.И. Шинкарев
Оформление
Д.Г. Мельник

ISBN 5-86304-103-8

© В.В. Якубов, 1999
© «Дизайн Клуб», 1999

ЛР № 062195 от 03.03.98 г.
Подписано в печать 30.06.99 г.
Формат 84 × 108/32. Печать офсетная.
Гарнитура Ньютон. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 10,5 + вкл. 0,42.
Тираж 2 000 экз. Зак. 261.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ИПО Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда рукопись книги была готова к печати, мы побывали в Министерстве Обороны России. Состоялись встречи. Нас тепло принял генерал армии Махмуд Ахметович Гареев.

Полвека он отдал службе в нашей армии. Вместе с героем книги Артуром Исаевичем Адельханяном сражался с врагом на Западном, 3-м Белорусском и других фронтах Великой Отечественной.

Фронтная дружба сохранилась в трудное послевоенное время. Генерал армии А. Гареев и гвардии полковник А. Адельханян вместе продолжали службу в Белорусском и Уральском военных округах. И где бы они не служили, бывшие фронтовики всегда были самыми авторитетными и уважаемыми командирами.

Последняя должность Махмуда Ахметовича — заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил страны.

Генерал — крупный ученый, президент Академии военных наук Российской Федерации. Автор многих популярных произведений и 200 научных работ по проблемам военной науки, лауреат престижной военной премии им. М.В. Фрунзе. Доктор военных и исторических наук, профессор.

Генерал познакомился с рукописью и согласился написать предисловие к этой книге.

* * *

Человек на войне. Эта тема всегда привлекала писателей и журналистов, а также историков, исследователей ратного дела, да и профессиональных военных тоже. Как ведет себя солдат в боевых ситуациях, как преодолевает страх, за счет чего побеждает, как выживает в условиях, где, казалось бы, ничто живое не только не может жить, но и существовать?..

Книгу о жизненном и боевом пути гвардии полковника Артура Исаевича Адельханяна можно считать удачной попыткой.

В книге почти не чувствуется налета какой-то необоснованной художественности или придуманности ситуаций и человеческих судеб, — она по-хорошему документальна. Автору удается воссоздать реальную атмосферу эпохи, которую выпало прожить герою этого повествования. Особенно времен польской, финской и Отечественной войн, долгих испытаний, которые выпали на долю лейтенанта Артура Адельханяна и его боевых друзей. Все было — горечь отступления, слепота боев в фашистском окружении, новые сражения в составе действующей армии от Смоленска, Москвы до Берлина.

В книге нет идеализации персонажа. Полковник А. И. Адельханян делает обычную тяжелую работу офицера, живет земными чаяниями, в чем-то ошибается, исправляет ошибки, теряет фронтовых друзей, тоскует по семье, оставленной в тылу, и в меру сил везде пытается творить добро, преодолеть обстоятельства и победить. Он — не главный герой войны, он — только ее частичка, но именно та весомая частица, без которой не было бы нашей общей Великой Победы.

Умение передать чувство собственного достоинства, составляющего основную черту характера офицера А. Адельханяна, а также его нестигаемый боевой дух, представляется мне одним из достижений автора. Оно придает книге не только познавательный, но и воспитательный характер, без чего, на мой взгляд, не может быть добротной военной прозы.

Не могу не отметить рассказы о встречах Артура Адельханяна с выдающимися полководцами Великой Отечественной войны, а также с теми из военачальников, которые оставили свой след в истории этой самой крупной битвы уходящего века. Среди них расстрелянный в 1941 году за потерю Киева командующий Западным Особым военным округом Герой Советского Союза генерал армии Дмитрий Павлов, когда-то командующий легендарной 1-й Конной армией, а в сентябре-октябре сорок первого руководитель Резервного фронта Маршал Советского Союза Семен Буденный, представитель Ставки Верховного главнокомандующего на Ленинградском и Волховском фронтах в 1943 году Маршал Советского Союза Семен Тимошенко, командующий 2-м и 1-м Украинскими фронтами Маршал Советского Союза Иван Конев, прославленный «полководец Победы» четырежды Герой Советского Союза Георгий Жуков...

Каждый из них увиден глазами боевого офицера, каждому даны свои характеристики, свои краски. И это делает исторические свидетельства героя повествования особенно ценными как для фронтовиков, ветеранов Вооруженных Сил, так и для других людей, которые знают об этих полководцах только по книгам, кинофильмам, учебникам.

Убежден, — новая книга об одном из активных участников второй мировой войны — гвардии полковнике Артуре Адельханяне займет достойное место в ряду произведений о наших солдатах и офицерах, послужит благородному делу воспитания новых защитников нашей Родины, ее граждан.

А быть достойным гражданином своей страны и не быть ее защитником — разве можно?

М.А. Гареев

*генерал армии, доктор военных
и исторических наук, профессор*

ИСХОД

Хотел бы я знать, найдется ли в мире сила, которая способна уничтожить этот народ, это малое племя скромных людей, чьи войны все отыграны и проиграны, чье государство полностью уничтожено, чья литература не прочитана, музыка не услышана, а на молитвы больше нет ответа.

Ну же, вперед! Уничтожьте Армению! Увидите, удастся ли это вам. Пошлите их в пустыню без пищи и воды. Сожгите их дома и церкви.

А потом посмотрите, не окажется ли, что будут они смеяться, петь и снова возносить молитвы. Потому что, если хотя бы двоим из них доведется встретиться в этом мире, увидите — они создадут новую Армению.

Уильям Сароян

I

Поднявшись на гребень холма, Мисак Адельханян оглянулся назад — будто бы для того, чтобы осмотреть свой маленький разношерстный отряд. На самом деле он хотел в последний раз запечатлеть в памяти родные места, куда ему не суждено будет вернуться.

Утреннее апрельское солнце в безоблачном небе начало пригревать остывшие за ночь скалы и молодую зеленую травку. В долине, залитой ярким светом, еще виднелись дома. Село Ханигюх, где после русско-турецкой войны, почти полвека назад, поселились его предки. Тогда Карс был освобожден русскими войсками. Здесь, среди гор, прошло его детство, в этом суровом краю он вырос и обзавелся собственной семьей. За всю свою жизнь он никуда не уезжал, разве что выбирался по делам в Карс, да туда дороги — два часа ходьбы.

И теперь, по злой иронии судьбы, когда в первых числах апреля, небывало рано по здешним меркам, пришла весна, когда самое время заняться просыпающейся от зимней спячки землей — именно он, Мисак Симонович Адельханян, должен вывести отсюда всех односельчан. Они проходят мимо него, с надеждой вглядываясь в его глаза под нахмуренными бровями.

Петрос, Мисак, Сукяс, Аршак и Назар возглавляют род Адельханянов и Давидянов. Здесь и Гаспар Манукян, и Томас Мангоян, и Татевос Асланян, и Сиракан Енгоян, и старейшины семейств Аветисянов, Куюмчянов, Аракелянов...

Их негласным лидером стал Мисак. Это право он заслужил своей безудержной смелостью и одновременно мудрой рассудительностью, а ведь ему всего сорок три.

Вот прошел в задумчивости старший брат Петрос. Когда-то их было шестеро, но война, болезни и суровый быт — тогда еще не знали слова «нервы» — унесли Хачатура, Аветиса, Сиракана и самого младшего брата Седрака. Но остались их вдовы Яхут, Ором, Серпун, Шушан.

Надо жить, надо спасти свои семьи, спасти детей.

С отрешенным взглядом прошла мимо него Перуз с маленьким Артавазом на руках. Понять жену можно: трудились на земле, Мисак даже держал лавку, как-то наладили житье-бытье, родились три сына и две дочери... И вдруг — в одночасье бросить все, оставить родные стены. Перенести такое и мужчине едва под силу. Но надо выдержать, надо выжить.

Сегодня самый несчастный день для всех них. Из Карса пришла весть, что новая власть в России подписала с германцами мирный договор, по которому все эти земли — родные земли! — переходят под власть Турции. Скоро здесь появятся янычары, и тогда оставшимся несдобровать. Память о кровавой резне в Западной Армении, когда турки истребили более миллиона их соплеменников, еще слишком свежа.

Значит, нужно спасать людей. Промедление смерти подобно. Решили выступить сегодня всем селом. Вместе сподручнее, можно как-то распределить обязанности, да и безопасность легче обеспечить. Хотя какая там безопасность! От банд грабителей еще уйти можно, но если придется столкнуться с регулярными турецкими войсками, их ничто не спасет. Остается не ввязываться в стычки и стараться проскользнуть незамеченными.

Надо идти в сторону восходящего солнца.

II

Сколько суровых испытаний досталось тебе и твоим детям, Армения! Одна из старейших колыбелей цивилизации, страна, первая принявшая христианство как государственную религию, на протяжении многих веков подвергалась войнам и насилию. Еще Древний Рим простирал к тебе властную руку. Лакомым кусочком была ты для Персии, поработить и ассимилировать тебя жаждала Османская империя. Но ты, истерзанная и измученная, теряя силы, но не теряя надежду, как птица Феникс, вновь и вновь возрождалась из пепла. Много земли твоей и поныне находится под чужой пятой. Множество сыновей и дочерей твоих, скрепя сердце, уходили под чужое небо и до сих пор разбросаны по всему миру. Но ты сумела сохранить главное: свою веру, свой язык, свою культуру, своих детей. Это значит, ты сумела сохранить себя.

III

Долгое время Армения находилась на стыке интересов трех держав: Ирана, Турции и России. Восточная Армения, жившая под властью отсталого феодального Ирана, была на грани полного истощения. В октябре 1827 года русские войска штурмом взяли крепость Ереван, а последовавшее за русско-иранской войной подписание Туркманчайского трактата закрепило Восточную Армению в составе России. Тем самым была похоронена попытка насильственной исламизации и разорения Армении.

Армянское ополчение принимало самое активное участие в войнах России с Турцией и Персией. Заслуженной славой пользовались армяне — герои Отечественной войны 1812 года — генерал-лейтенанты В.Г. Мадатов, Ф.И. Ахвердов, генерал-майоры Д.И. Ахшарумов, В.О. Бейбутов и другие.

Но западная часть Армении оставалась несвободной.

Русско-турецкая война 1828—1829 годов закрепила за Россией уже освобожденные области Закавказья, но не более, хотя армия Паскевича прошла дальше Эрзурума. Лишь в результате войны с Турцией 1877—1878 годов к России отошла область Карса.

Во время Первой мировой войны действия русских войск на Кавказском фронте при поддержке местного армянского населения приносили ощутимый успех. Армяне отказывались служить в турецкой армии, организовывали партизанские отряды.

Мисак Адельханян со своими братьями, к которым присоединились Авак Кархмазянц, Баграт Ростомян, Сиракан Енгоян, пошли в ополчение Андраника, чье имя стало легендарным. Еще в 1912 году, когда болгары, греки, сербы и другие народы Балкан развернули борьбу за освобождение от турецких угнетателей, Андраник Озаян возглавил армянский отряд, сражавшийся в составе болгарской армии. Отряду совместно с болгарскими удалось захватить штаб турецкого корпуса и взять в плен его командира Явер-Пашу с другими офицерами. Андраника наградили болгарским орденом «Крест храбрости». Командующий болгарской армией Петегоров тогда сказал: «Вы, армяне, все герои и сражались, как львы... Будущее такого народа светлое, его спасение близко».

С началом первой мировой Андраник стал во главе армянских добровольческих частей. В его отрядах сражались Анастас Микоян, Гайк Бжишкян, ставший затем героем Гражданской войны. Отряды Андраника стали туркам костью в горле.*

В мае 1915 года правительственным указом Стамбула предписывалось выселить армян из прифронтовой полосы. Это послужило сигналом к погромам и массовым убийствам. Почти поголовно было истреблено мужское население, женщины и дети погибали от холода и болезней. Было уничтожено более миллиона, а по некоторым оценкам — полтора миллиона армян.

Тем не менее уже к осени 1916 года после ожесточенных боев от турецких войск была очищена практически вся Западная Армения, включая озеро Ван, крепость Эрзурум, Эрзинд и черноморский порт Трапезунд.

Однако после Октябрьской революции и выхода из войны Советская Россия в начале марта 1918 года подписала в Брест-Литовске сепаратный мирный договор с Германией, по которому вопрос о судьбе области Карса должен был решаться на плебисците. Фактически униительные условия этого договора отдавали туркам не только Западную Армению, но и ту часть, которая до войны была российской.

Когда в Армении власть перешла в руки дашнакского правительства, в России полыхал пожар Гражданской войны.

* Генерал Озаян был настолько популярен, что в народе его называли просто Андраником, не упоминая ни фамилии, ни высокого воинского звания. В 1927 году прах умершего в Америке полковника перевезли в Париж и похоронили на кладбище Пер-Лашез. На гранитном коне восседает всадник с пышными усами в высокой папаше. Это памятник Андранику.

Тем временем Германия и её союзники потерпели поражение. Последний мирный договор со странами Антанты подписала Турция (в августе 1920 года). По его условиям, в частности, предусматривалось воссоединение Западной и Восточной Армении. Однако султан, подписавший договор, властью уже не обладал. Новый парламент Турции обратился к Советской России за помощью и дипломатическим признанием и встретил понимание со стороны Ленина. Турция получила более 10 миллионов рублей золотом, много вооружения и боеприпасов: Россия стратегически верно для себя рассчитала, что страны Антанты отвлекутся на Турцию. Однако турки совершили карательный рейд по Закавказью, захватили ряд областей Армении и вторглись в Грузию. Судьба Армении стала разменной монетой в большой политической игре. Предоставленный историей шанс на воссоединение был потерян.

В декабре 1920 года в результате рейда Красной Армии в Армении утвердилась Советская власть.

Договор 16 марта 1921 года «О дружбе и братстве» между РСФСР и Турцией окончательно утвердил отторжение Карсской области.

IV

До апреля 1918 года армяне жили с курдами бок о бок, и отношения между ними складывались добрососедские. Действительно, что им было делить, если и те, и другие жили в подавляющем большинстве бедно, а враг у них был общий — турецкий шовинизм.

Теперь положение круто изменилось. Курдам говорили, что армяне — враги, потому что они другой веры (а кто об этом вспоминал раньше?). К тому же турки прямо призывали к уничтожению армян, предлагая поживиться их имуществом.

Такого соблазна многие курды не выдержали. Они устраивали засады на беженцев и под предлогом «священной войны» убивали их, забирая скот и домашнюю утварь.

Мисак Адельханян уже был наслышан о таких случаях, поэтому избегал наезженных дорог, выбирая узкие горные тропинки. В трудных местах детей, стариков и больных приходилось нести на себе — волов самих надо было удерживать на крутых каменистых осыпях.

Подростки на конях разведывали дорогу и предупреждали об опасности. Однажды они доложили, что неподалеку за горой притаились вооруженные турки и курды.

Справа и слева — неприступные скалы. Туда смогут вскарабкаться мужчины, но что делать остальным? И тут Мисака осенило: параллельно дороге, но ниже ее, по ущелью течет река! Надо пройти по ней и выйти дальше засады.

Ледяная вода сводила судорогами икры, острые камни резали стопы и не давали твердо держаться на ногах. Зато шум горной речки заглушал стоны стариков и плач младенцев. Когда снова выбрались на дорогу и немного обсохли, на лицах людей появилась улыбка, ведь они избежали смертельной опасности.

Но не всегда река была другом.

На очередном привале беженцы расположились у ручья. День был погожий. Но в горах погода меняется очень быстро. Ливневый дождь погнал воду со склонов. Ручеек, через который несколько минут назад можно было без усилий перешагнуть, превратился в широкий бурлящий поток. Перуз с детьми оказалась на одном его берегу, Мисак — на другом.

Ливень закончился так же неожиданно, как начался, но речка превращаться в прежний ручеек не желала. Люди ждали до утра.

V

Восточная Армения встретила их неприветливо. Устроиться на ночлег было невозможно. Когда путники просили приютить их на ночь, везде они слышали одно и то же: «У нас уже полно беженцев, идите дальше!». Многие хотели бы помочь, да сами ничего не имели.

Во время одного из переходов Мисак с ужасом обнаружил, что потерялся десятилетний Симон, сын его покойного брата Сиракана. Расспросы и поиски ни к чему не привели. Оставалось только надеяться, что он попал к добрым людям.

Армения тогда напоминала перевалочный пункт. Беженцы шли потоками. Женский плач перемежался с плачем детей. Бесконечные вопросы о том или ином человеке — люди теряли друг друга. Крики погонщиков и скрип колес. Горе, горе...

VI

Отряд расположился у ореховой рощи. Сквозь голые ветки, на которых еще не набухли почки, видно высокое голубое небо.

Мисак сел, спиной прислонившись к влажному стволу. Ячменный хлеб казался медовой халвой, и он ел его, как халву, — мелкими кусочками.

Глядя в небо, в котором прохладный ветер гонял барашки облаков, Мисак вспоминал родное небо Карса.

...Он поднимает голову. Нет, дождя в ближайшее время не будет. Значит, можно продолжить работу. Чтобы очистить участок, надо убрать еще много камней. Потом он запрягает волов и обрабатывает землю, засеет поле, которое за короткое карсское лето — здесь говорят «июнь еще не лето, июль уже не лето» — успеет дать урожай. А семье его хватит, уж он-то постарается.

Ему помогает Нерсес, парню тринадцать лет, Серпун еще мала, ей всего восемь, но тоже собирает мелкие камушки и с деловым видом складывает их в общую кучу.

Перуз остался дома с малышами. Боевитый Агаси тоже хотел поработать, но мама пока не отпускает четырехлетнего малыша. Ей нужно сделать дела по дому, приготовить поесть да присмотреть за полуторагодовой Нвард.

В минувшем декабре она подарила ему еще одного сына, которого назвали Артавазом. У него уже три мальчика, а значит, не угаснет его род! Надо только поднять их, выучить.

Выучить... Самому Мисаку особенного образования не досталось. Так же, как все дети, ходил он к кехве*, где в большой комнате и была школа. Учились только зимой — летом нужно было работать. Учителя из Карса рассказывали всякие истории, научили читать и писать. Если кого-то и лупили за нерадивость, то Мисаку учение было интересно. Даже Закон Божий, который преподавал отец Аствацатур. Жаль только, что учиться довелось всего четыре класса, большего им дать не могли.

Отец Аствацатур и поныне ведет уроки. Шутка ли, уже полвека он читает детям Ханигюха Евангелие. Тем детям, которых он крестил, таинство брака которых освящал и многих из которых отпевал в старой церкви, стоявшей на двадцати каменных столбах.

Сегодня отец Аствацатур будет отпевать старого Месропа, умершего накануне в ночь. Семья у них бедная, поэтому хоронить Месропа будут в общем гробу, который по таким случаям просят у церкви. Донесут до кладбища в нем, а потом, завернутого в саван, опустят в землю на вечный покой. Гроб вернется в церковь — до следующего раза. А отец Аствацатур пойдет спать в свою часовенку среди крестов и могил.

Надо перед сегодняшними похоронами уплатить отцу Аствацатуре за место у каменного столбика. Мисак может себе это

* Кехва — староста (арм.).

позволить, упорный труд и предприимчивость приносят свои плоды. Он уже справил себе дом, камни для которого вытесал с братом Петросом. Это совсем не та дымная глинобитная лачуга с плоской крышей, в которой они ютились с Перуз первые годы после свадьбы. Здесь уже есть окна, а печь намного теплее тундыра*, хотя и тундыр у них есть — где же еще Перуз будет печь свои вкусные лавашы?

От мыслей, перескакивающих с одного на другое, его отвлек звук рвущейся кожи. Так и есть: задумавшись, он наступил на острый камушек и распорол чорох**.

Вот напасть! Теперь надо срочно сшить себе новые чуваки. Да и одежду обновить не мешало бы. Он отнесет самогон в Карсский гарнизон, выменяет его у солдат на обмундирование, а мастерица Перуз перешьет.

Молодцы солдаты. И те, которые в гарнизоне, и те, которые сейчас вышли к Вану и рвутся к Эрзуруму. Война началась в позапрошлом году, а в прошлом турки зарезали много армян. Лишь бы жертвы были не зря. Может, наконец, Армения снова обретет свои границы.

Мисак открыл глаза, потому что изогнувшаяся под ветром ветка ореха излилась росой, и вода попала на щеку.

Может быть, это слеза?

Ведь ему пригрезилась весна двухлетней давности, когда они жили на своей земле.

VII

Оставаться в Армении не имело никакого смысла, здесь и местные с огромным трудом находили средства к существованию, а пришлым и вовсе рассчитывать было не на что.

На общем совете голоса разделились. Некоторые предлагали направиться в сторону Баку, другие склонялись к тому, чтобы осесть в Грузии. Мисак настаивал на том, чтобы идти в Россию.

— Там ведь тоже война! — возражали ему.

— Где сейчас нет войны? — резонно ответил Мисак. — Если мы не будем ввязываться в стычки, кто нас заставит воевать? Россия — огромная страна, земли много. А нам сейчас главное — прокормить себя и детей. Чем дольше мы здесь будем оставаться, тем скорее погибнем. Вы же видите, нет ни работы, ни

* Тундыр — печь для выпечки хлеба в виде ямы в рост человека, вырытой в земляном полу и обложенной кирпичом.

** Чорох — обувь из сырой кожи, шитая по одному образцу как для мужчин, так и для женщин.

земли. К тому же, — привел он последний аргумент, — нам надо идти только до Сурп-Хача*, там живет много армян. Живут хорошо, нам помогут.

На том и порешили.

VIII

Пеший переход через Грузию к Владикавказу дался беженцам особенно трудно. От истощения умерло несколько стариков. Нет, никто не роптал, не возмущался. Даже обычно словоохотливые женщины сносили невзгоды молча. На ослабленных голодом людей было страшно смотреть: почерневшая от пыли дорог и нещадного солнца кожа висела на щеках, одежда истрепалась до дыр, чорохи оборвались. Но в изможденных глазах читалась уверенность отчаяния, они, казалось, говорили: «Мы дойдем во что бы то ни стало!».

В Осетии их приняли дружелюбно. Впервые после двухмесячных мытарств они вдосталь поели хлеба. Местные жители, осетины и русские, устроили их на ночлег.

А утром к Мисаку пришел незнакомый человек.

— Меня зовут Вардан. Я, как и твои предки, родом из Алашкерта. Сюда пришел из Сарыкамыша. Мы организовали во Владикавказе эвакуационный комитет, помогаем беженцам чем можем — спасибо Советской власти. Можете, конечно, остаться и в Осетии, народ здесь добрый. Но я бы посоветовал...

— Мы уже определились, — перебил Мисак. — Мы идем в Сурп-Хач.

— Правильно, — поддержал Вардан. — Там и земли побольше, да и город хлебный. Что ж, выдадим вам продуктов на дорогу, как окрепнете, отправитесь. Только извини, ни коней, ни волов дать не можем.

— Спасибо вам за все, — сердце Мисака дрогнуло. — Век вас не забудем и детям накажем, чтобы помнили.

IX

Во Владикавказе пришлось задержаться до осени, нужно было лечить больных, дать отдохнуть людям. Беженцы брались за любую работу с радостью, стараясь отплатить добром приютившим их горожанам. Хотя после стольких бед Осетия

* Сурп-Хач (Святой Крест) — так называли армяне Прикумск (ныне Буденновск).

казалась им раем, злоупотреблять гостеприимством они не хотели. К тому же надо было выйти до осенних дождей.

Путь до Ставрополя показался недолгим, хотя гражданская война давала о себе знать. В тех краях орудовали и махновцы, и «зеленые», один раз их остановила банда какой-то Маруси. Но брать у беженцев было нечего. Интересовались «идейные бойцы» молодыми женщинами, однако и здесь им поживиться было нечем: смекалистые армяне так ловко маскировали своих жен и дочерей, что те выглядели либо больными, либо кривыми и хромыми, а то и вовсе древними старухами.

Святой Крест беженцев из Карса поразил. Нет, они не увидели многоэтажных зданий или цветущих парков — в районном центре стояли обычные саманные либо каменные домики, он спокойно обходился без водопровода и канализации, а пыль и грязь были самым обыкновенным делом.

Но здесь было много-много хлеба, мяса, овощей и фруктов. Местные рынки не шли ни в какое сравнение с владикавказскими, не говоря уже о живущей впроголодь Армении. Беженцы поняли, что они не ошиблись. Только сначала нужно куда-то приткнуться.

Нашли местных армян, обосновавшихся тут еще лет сорок назад, и после долгих хождений от дома к дому все семьи наконец-то нашли временный приют.

Была работа, а значит, был хлеб. Женщины и дети рассматривали его со всех сторон, потом подносили к губам и целовали. Они помнили ужасы дороги, и потому ели всегда медленно, подбирая каждую упавшую крошку.

Но они дошли.

Х

В то время власть на Ставрополье переходила из рук в руки. Пьяные банды разносили лавки, опустошали базар, врывались в мало-мальски приличные дворы. Они были не прочь поживиться любой одеждой, едой, не брезговали и бедняцким скарбом.

В январе 1919 года к власти пришел генерал Деникин. Но белая гвардия уже не могла похвастать прежней дисциплинированностью. День и ночь в Святом Кресте были слышны пьяные крики, беспорядочная стрельба, сопровождаемая грабежом и насилием.

В один из таких мрачных дней на Садовой улице раздался душераздирающий женский крик:

— Помогите!

Девушка армянской наружности в простом деревенском платье изо всех сил отбивалась от троих в стельку пьяных белых офицеров. Волосы ее в беспорядке рассыпались по плечам, на шею висел ситцевый платочек.

Но никто не поспешил на помощь, лишь в нескольких окнах тенью промелькнули испуганные лица. Было еще светло, но вряд ли отыскался бы среди горожан смельчак, рискнувший связаться с беляками — расправа была бы короткой.

Уверенные в своей безнаказанности насильники, громко смеясь, уговаривали жертву проявить благоразумие и не сопротивляться.

— Что ты брыкаешься, как кобыла необъезженная? — цыкнул поручик. — Напоим тебя, накормим. А там и повеселимся, хлопцы, вишь, устали в сражениях. Иль ты за красных?

Когда они почти приволокли девушку к дому, где остановились, она укусила за руку офицера, который ее держал, и побежала по улицам.

— Помогите! — снова и снова в отчаянии кричала она, почти безумев.

Довольный гогот бежавших по пятам беляков говорил о том, что о неудаче они и не помышляют. Офицеры были уверены, что добыча от них не ускользнет, а раж погони только распалял охотничий инстинкт.

Вдруг перед бегущей девушкой распахнулась калитка, и чья-то сильная рука втащила ее во двор.

— Иди сюда, — сказал Мисак, заводя ее в дом и запирая двери. Перуз и дети смотрели на Мисака вопросительно. Они не раз видели насилие, кровь и смерть, поэтому ситуация их не испугала. Времени на обсуждение поступка главы семьи не было, к тому же здесь привыкли во всем полагаться на него. Действовало еще одно правило: перейдя порог дома, девушка становилась гостьей, а значит вся ответственность за нее перекладывалась на плечи Мисака Адельханяна. Таков обычай, завешанный его предками и имеющий силу закона.

Комнату вмиг забаррикадировали хозяйской мебелью, у недавно поселившихся тут беженцев своей еще не было. Конечно, нельзя не по назначению использовать чужое имущество, но разве до таких тонкостей, когда речь идет о человеческой жизни?

Офицеры пробовали навалиться на дверь, но та не поддавалась. Кинувшись к окнам, обнаружили, что и те почти полностью закрыты шкафами изнутри.

— Эй, ты там! Верни девчонку, не то хуже будет!

Брань и угрозы не действовали. Тогда беляки обещали укрывателям жизнь при условии выдачи пленницы, даже посулили награду. Ответом было молчание.

Один из офицеров выхватил шашку, просунул ее в форточку и начал вертеть рукой во все стороны — маленький Агаси, стоявший в простенке еле успел отскочить. Кровь ударила в голову Мисаку. В ту же секунду он с топором бросился к окну и, увернувшись от шашки, схватил офицера за кисть руки, поднял топор... И тут тихо ойкнула Перуз.

Мисак взглянул на нее, потом повернулся к окну и медленно сказал:

— Могу отрубить тебе руку, но не стану этого делать, хоть ты и заслуживаешь наказания. Не хочу крови. Уходи.

Вмиг протрезвевший беляк, получив свободу, отпрыгнул от окна. Он недоуменно уставился на свою руку, которой только что чуть было не лишился. Зато другие продолжали горланить, пока поручик не спросил:

— Что делать будем?

Предложения пострелять в окна или вообще подпалить дом, к счастью для осажденных, не были приняты. Порешили ждать ночи.

Когда офицеры, матерясь и чертыхаясь, удалились, к двери подбежал хозяин дома.

— Быстро уходите! — закричал он. — Ночью они вернутся целым гуртом и разнесут хату на щепки вместе с вами!

Но Мисак и без него понимал, что оставаться в доме нельзя. Куда деваться? Уйти из города в соседние села не получится, везде военные патрули.

Он вывел всех на улицу.

— Быстро иди к своим и больше на глаза этим офицерам не попадайся, — сказал он расплакавшейся вдруг девушке. Та кивнула головой, повернулась и засеменила прочь.

— Перуз, детей по одному, по двое надо на время пристроить к нашим карским и самим у них отсидеться. В лицо они нас не видели.

Так и сделали.

Когда ночью пьяные бандиты ворвались в дом, Адельханынов там уже не было.

XI

Девушкой, которую спас Мисак, оказалась Варсеник Сароян.

...Апрель 1915 года. В небольшое армянское селение, расположенное недалеко от Карса, по другую сторону границы, турецкие солдаты ворвались неожиданно. Мужчин, способных носить оружие, убивали на месте, девушек вытаскивали из домов и сгоняли к часовне. Когда старик Сароян бросился к схватившим дочь солдатам, его ударили саблём по голове. Крик Варсеник потонул в других голосах ужаса и горя.

Ночью спрятавшийся в скалах Бабкен, брат-близнец Варсеник, еле привел в сознание обезумевшую мать. Немногие оставшиеся в живых бродили среди лежавших на земле убитых, отыскивая своих близких.

Отца похоронили той же ночью.

Поручив мать уходившим в Карс соплеменникам, Бабкен отправился искать сестру.

Только через несколько дней он узнал, что пленниц содержат в темнице в соседнем обезлюдившем селе. Бабкен сутки следил за четырьмя жандармами, оставленными турками.

Ночью в ертыке* над головами пленниц появилось лицо женщины в платке. Варсеник тут же узнала нежное лицо брата, похожего на нее как две капли воды. Бабкен спустился по веревке и коротко объяснил девушкам план вызволения.

Жандармы ждали распоряжения насчет вверенных под их охрану, но решили не терять времени даром. Рассудив, что пропажи нескольких пленниц никто не заметит, офицер каждую ночь вызывал к себе девушку, насиловал ее, потом отдавал на утеху солдатам. Утром ее уже не было в живых.

Обычно к ночи девушки жались по стенкам, а эта «смуглянка» вызывающе вертелась у самой двери. Когда ее схватили, даже не пыталась кричать. Довольные солдаты — наконец-то сговорчивая попалась — передали ее офицеру, двое стали дожидаться своей очереди, а один остался на часах.

Через полчаса «девушка» позвала солдат к дому и передала им бурдюк** с вином от начальника. В это время сластолюбивый офицер уже лежал в кровати с перерезанным горлом.

* Ертык — отверстие в плоской крыше для доступа света, служило также дымоходом.

** Бурдюк — емкость для жидкости из шкуры животных.

Еще через час Бабкен, все еще в женской одежде, снова кликнул солдат. Ответа не последовало — они спали мертвецки пьяные.

Быстро переодевшись в офицерский мундир, Бабкен свободно подошел к часовому и вонзил нож в его грудь. Он освободил девушек, потом брат и сестра покончили с двумя спавшими солдатами.

К Карсу пробирались ночами. Оставив там сестру рядом с матерью, Бабкен ушел на запад — партизанить...

XII

Инцидент с белыми офицерами прошел для Мисака без последствий: Святой Крест, к тому времени уже переименованный в Прикумск, то находился под властью деникинцев, то оставался вовсе без присмотра. Все это время беженцы рвались изо всех сил, чтобы прокормить семьи. Редкой удачей было пристроиться постоянным работником к какому-нибудь богатому хозяину, неплохо считалось потрудиться на сезон сева или сбора урожая. В основном, беженцы были поденщиками: выходили с утра на «биржу» и жадно ждали любого предложения работодателей, с сожалением вспоминали Советскую власть, обещавшую раздать всем беднякам землю.

И когда поползли слухи, что Красная Армия бьет белых, симпатии беженцев были явно на ее стороне.

Весной 1920 года начались бои за город.

По окраине белые расположили огневые позиции своей артиллерии. Одно из орудий поставили впритык ко двору Сукяса Давидяна, двоюродного брата Мисака, личный состав расчета ночевал у него в доме.

Сукяс среди карских армян слыл хитрым лисом. Про него говорили: «Он плохо слышит, если ему так надо, зато, если ему выгодно, он слышит очень хорошо». О его смекалке шла молва еще с тех пор, когда он служил в царской армии.

По ночам артиллеристы спали, оставляя кого-то дежурить возле орудия. Сукяс рассчитал, что белые продержатся еще день-два, поэтому решил действовать без проволочек. С помощью двух взрослых сыновей он связал мирно орудейный расчет. Солдат с кляпами во рту перенесли в погреб, за ними тут же последовал незадачливый часовой. На всякий случай Давидяны позаимствовали у них мундиры, переодевшись, завели орудие под навес и забросали его ворохами соломы.

На рассвете белые стали в панике готовиться к отходу в сторону Георгиевска, исчезновение орудийного расчета прошло незамеченным.

Днем, как только в городе появились красные, Сукяс нашел их командира, привел его в свой двор и предъявил пушку, а заодно и изрядно продрогших в погребе беляков. Не страдая излишней скромностью, он в красках расписал свой подвиг. Расстроганный красный командир поблагодарил Сукяса за мужество, находчивость и политическую сознательность и выдал удостоверение, которое скрепил своей подписью и печатью.

XIII

Лето в Прикумске сильно отличалось от того, к чему привыкли беженцы: пыль, жара, почти полное отсутствие дождей. Однообразные степные просторы ничем не напоминали величественную красоту окружавших Ханигюх гор. Здесь росла другая трава, другие деревья. Здесь не было звенящих горных речек, а медленно несла свои воды мутная Кума.

Зато зима своей снежностью, выюгами и крепкими холодами часто напоминала Карс.

Когда набегавшиеся дети и намаевавшаяся за день Перуз уснули, Мисак подсел поближе к печи и стал глядеть на огонь.

...В один из морозных дней мимо Ханигюха в сторону границы с Турцией прошло воинское подразделение. А через пару часов в дверь сельского налбанда* Галуста Арцруни постучал запоздалый всадник.

— Эй, кузнец! Погляди, отчего это конь хромает?

Пока Галуст перековывал коня, казак рассказал собравшимся сельчанам такую историю.

«Конь начал хромать, как только мы вышли из Карса. Ну, я отстал, потом с дороги сбился. Вдруг Буран остановился как вкопанный, заржал жалобно, да все ушами прядет. Гляжу — летят на нас волки. Еле успел шашку вынуть. Уж не знаю, сколько я их там порубал, только без Бурана точно бы не выбрался — он задними копытами тыл держал да передними головы волчи раскалывал. Чуть не до села вашего зверюги за мной бежали».

Мужчины понимающе переглянулись, женщины зацокали языками. Волки были бичом здешних мест, нападали на скотину и человека ненароком могли взять. Зимой спасал

* Налбанд — кузнец.

только огонь, живность тоже держали в доме под охраной здоровенных кавказских овчарок. Хорошая собака тут стояла огромных денег и ценилась наравне с большой отарой овец.

Все наперебой стали советовать казаку остаться в селе — уже вечерело, а волкам потемну охотиться сподручнее. Но солдат только засмеялся: «Мне своих догонять надо. А ежели б я волков боялся, так лежал бы на печи, а не в поход ходил!».

Следующим днем в село вернулась часть вчерашних кавалеристов, отряженных на поиски отставшего.

— Есть подозрение на убийство, — без обиняков заявил старикам офицер. — Конь под ним был добрый, оружие справное. К тому ж, сюда могли турки пробраться.

Сельчане тут же присоединились к поискам, а вскоре верстах в пяти от села нашли место последней битвы солдата. На окровавленном снегу лежали обглоданные человеческие и конские кости, часть сбруи, клочья одежды, так и не выстрелившее ружье. Видно, не успел казак выхватить шашку из ножен — она примерзла к ним, потому что была в крови от первой схватки...

Мисак оторвал взгляд от огня. Та, прежняя жизнь, кончилась. Он с горечью осознал, что больше никогда не вернется в родной Карс.

Но жизнь продолжается. В углу мирно обнялись его девочки, Серпун и Нвард. Агаси с Артавазом даже во сне никак не могут поделить одеяло.

Рядом с ними спит его племянник Симон, недавно пришедший в Прикумск — сколько было радости, когда он появился на пороге дома! После того, как он отстал от отряда, целый год батрачил в Армении на богатого землевладельца, а потом, расспрашивая всех подряд, идя от общины к общине, чудом разыскал их на Ставрополье.

Нерсесу и Ншхун выделили отдельную комнату.

...Когда сельчане решили уходить из Ханигюха, после схода к Мисаку подошел сосед Аристах.

— Я давно хотел с тобой поговорить. Твоему Нерсесу уже пятнадцать. Пусть моя Ншхун на год старше, ты замечал, как они поглядывают друг на друга. Она будет хорошей женой для твоего сына и послушной невесткой для тебя и Перуз. Мне будет спокойнее за дочь в это тяжкое время, если она останется в твоей семье. Ты сумеешь ее защитить.

Так старший сын стал женатым человеком.

Спать, спать... Завтра будет новый день.

XIV

Советская власть не обманула. В 1922 году вышел указ о выделении беженцам земли.

Мисак пришел домой счастливый. По две десятины на душу! А за ним десять человек, всех в Совете зарегистрировали, только вот Артаваза записали Артуром, а только что родившегося Вагана — Иваном, но это ничего. На двадцати десятинах он так развернется, что дети ни в чем отказа знать не будут!

Перуз несколько охладила его пыл. А подумал ли он, как они смогут обрабатывать столько земли? Откуда взять лошадей? Да ведь у них ни семян, ни инвентаря...

Не нужно беспокоиться об этом, сказал ей Мисак. Советская власть дает деньги в кредит — купим и лошадь, и инвентарь. А работать я буду так, что и двадцати десятин мало покажется!

Работали все с утра до ночи, даже шестилетний Артаваз помогал пахать. Своим потом поливали они эту землю, и осенью она отплатила им сторицей: расплатились с долгами и остались со своим хлебом.

С помощью родственников выстроили саманный дом с такой же плоской мазаной крышей, как в Ханигюхе. Стали жить просторно, а главное — все-таки свой угол.

XV

Новая экономическая политика — НЭП, объявленная Советским государством, взбудоражила прикумчан. Повсюду стали появляться частные магазины и лавки, рестораны и увеселительные заведения. Народ кинулся в куплю-продажу. Торговали чем угодно: от дорогой мануфактуры и мебели до мыла и спичек. Спросом пользовались даже бумажные деньги: «керенки», царские и другие, выпускавшиеся местными Советами. В общую погоню за легкой прибылью пустились и некоторые беженцы.

Сукяс Давидян ловко воспользовался выданным ему удостоверением. Советская власть выделила ему дом с большим садовым участком, снабдила бесплатным инвентарем. Но упустить выгодный момент Сукяс просто не мог, и поэтому занялся «черной» торговлей золотом и купюрами.

— Здравствуй, Сукяс, — приветствовал его однажды смотревший исподлобья посетитель. — Меня зовут Акоп. Я приехал из Армавира. Енок Шахбазян посоветовал к тебе обратиться.

Его усадили за стол, приняли, как положено. После обеда гость изложил свою просьбу.

— Знаешь, я хотел бы прикупить немного бумажных денег... Сукяс молча вышел из комнаты, а когда вернулся, выложил из сумки на стол пачки купюр.

— Бери сам, какие и сколько хочешь.

У Акопа загорелись глаза. Он стал выбирать нужные ему купюры и откладывать их в сторону. Сукяс с безразличным видом наблюдал за процессом и заметил, что гость путает «десятки» и «сотни», причем не в свою пользу. Но промолчал.

После расчета сделка была закреплена стаканом молодого вина из виноградника Сукяса.

Довольный Акоп уехал в Армавир и рассказал родственникам, что Сукяс, о хитрости которого ходили легенды, оказался наивным, как ребенок, и позволил ему самому вести счет — постарел, видно, — так что удалось взять лишку и оставить его с носом. Все посмеялись над глупостью хваленного Сукяса, но когда снова сосчитали купюры, ужаснулись: не хватало чуть ли не половины.

Срочно вернувшись в Прикумск, Акоп захватил с собой Енока и пошел в Давидяну.

— Ты мошенник и обманщик! — набросились они с порога на Сукяса.

Невозмутимый хозяин дома дождался, пока посетители выпустят пар, и спросил:

— Акоп, ты купюры считал сам?

— Да! — в запале выкрикнул армавирец.

— Я стоял в стороне — так было или нет?

— Да, — ответил гость с меньшей горячностью.

— Потом ты сам назвал цену, а я, не торгуясь, согласился, — было такое?

Акоп, скрепя сердце, подтвердил и это.

— Чего же ты теперь хочешь? Почему я знаю — может быть, ты потерял купюры по дороге? Может, их у тебя украли, или ты прогулял выручку? Ты пришел сюда и поносишь меня почему зря — хочешь обидеть старого человека? Забирай свои манатки и больше не появляйся на пороге моего дома, а не то я сейчас же позову милиционера!

Эта перспектива Акопа не обрадовала. Пораскинув мозгами, он предпочел ретироваться. Ошарашенный таким поворотом событий, Енок хотел было последовать за ним, но Сукяс его остановил:

– Подожди, у меня к тебе есть один вопрос...

Тот послушно сел. Сукаяс позвал в комнату сыновей.

– Возьмите палку и побейте этого человека. Дети у Сукаясы были расторопные и послушные – не успел Енок опомниться, как на его спину обрушился град ударов.

– Хватит, – остановил через пару минут экзекуцию хозяин.

– Запомни, Енок, слова Сукаясы из Карса: больше никогда в жизни не суй нос в чужие дела!

Уходил Енок и, потирая ушибленные бока, беззлобно думал: хороший урок преподал ему хитрый старик...

XVI

Худо-бедно, но все беженцы из Ханигюха как-то обустроились. Появилась работа, появился хлеб, наладился быт, пообвыклись дети. И все-таки они тосковали по родным горам, по любимому Карсу, с большим трудом переходили на русский язык и иногда чувствовали себя здесь чужаками. Поэтому они жались друг к другу и, в общем-то, жили своей маленькой карсской общиной.

Всегда грустно, когда понимаешь, что какая-то часть жизни осталась позади. Она незаметна, когда ты занят, но подступает картинками прошлого в минуты расслабленности.

Карс остался в памяти.

НАЙТИ СЕБЯ

Прими меня с нежностью и мудростью,
о моя новая страна. Я иду пропеть свою
песню под твоим октябрьским флагом.

Арам Арман

«Песня вернувшегося поэта».

I

Артур встал в полный рост на перилах моста, привычно оценивающе глядя на лениво плывущую Куму. До воды было недалеко, но все равно именно в это мгновение появлялось упоительное ощущение опасности. Ведь если не войдешь в воду ровно, рискуешь отбить себе живот или спину: опыт на этот счет уже имелся.

Шаг вниз, полет — и вот он, всю работу руками и ногами, выплывает на поверхность. За ним бултыхаются другие ребята. Снова и снова, едва выбравшись из воды, бегут они к мосту и прыгают с него.

Лошади давно привыкли к этим играм с криками и взрывами брызг и пьют воду, не обращая на мальчигов внимания. Лошади устали.

Сколько бы ни выговаривали подросткам родители, сколько бы ни устраивали взбучек, а разве сумеешь удержать их от скачек! Такого соблазна пацаны преодолеть не могли. И сегодня, только выгнав табун за пределы города, запрыгнули они на натруженные спины своих лошадок да погнали что есть мочи наперегонки — кто первым успеет к реке...

Вчера они снова заезжали на учебное поле постоянно дислоцирующегося здесь кавалерийского эскадрона, и, наконец-то, сами вволю ивовыми прутьями порубали «врага» — деревянные столбы в человеческий рост с большими нарисованными глазами. За этим занятием солдаты их и застукали.

Сначала ребята немного испугались: кто его знает, как отнесутся военные к их играм? Однако кавалеристы только посмеялись, потом продемонстрировали восхищенным пацанам свой класс джигитовки, а на прощание даже сводили на ужин в столовую и показали казарму.

Солнце медленно катилось в горизонту. Артур окликнул товарищей, и они, еще не обсохшие от купания, погнали лошадей домой.

II

Учился Артур в армянской школе, заведовал которой Аванес Сагателян, беженец из Карса. В одноэтажном здании было всего две «аудитории», что предполагало не только совместное обучение мальчиков и девочек, но и смешивание учеников разных возрастов: в одной комнате сидели классы с первого по третий, в другой — занимались четвертый и пятый.

Учителей пригласили из Армении. Мушег Авакимян, Завен Никогосян и Манушаг Асатурян были полны энтузиазма и рвения и не только добросовестно исполняли свои обязанности, но и делали гораздо больше. Они устраивали в школе спектакли на армянском языке, причем привлекали и учеников, и их сестер и братьев. А на выступления ансамбля народных танцев и хора вместе с родителями приходило много других горожан.

Для Артура и других ребятшек камнем преткновения был русский язык. В семье разговаривали на родном, его друзья — Павел Монгоян, Арам Аракелян, Ваган Акопян — были детьми таких же беженцев из Карсской области, в школе тоже звучала только армянская речь.

Однажды армянскую школу в полном составе вывели на митинг.

Главная площадь была запружена народом. Сюда пришли не только ученики и учителя всех школ — казалось, целый город выплеснулся на узкие улочки.

Один из старшекласников, указывая на балкон старого дома, сказал:

— А вот Троцкий, великий революционер.

Другие заматали головами, стараясь получше разглядеть важного гостя.

— Где, где? — спрашивали самые нетерпеливые. Польщенный тем, что оказался наиболее осведомленным, мальчик пояснил:

— Вон, в очках, с бородкой, рядом с Серебрекином* стоит. Я его в газете видел.

Артур рассматривал невысокого курчавого человека в кожаной тужурке. Хотя ему еще не исполнилось и десяти, он уже знал фамилии вождей и смутно понимал, что сейчас перед ним человек, от которого зависят многие судьбы — и его, и его семьи, и их городка, и всей страны.

Лев Давыдович выступил с пространной речью. Пусть смысл сказанного не всегда доходил до аудитории — много мудреных словечек он употреблял — надо признать, что оратор умел зажечь массы. Особенно понравилось Артуру, как тот со всего размаха опускал вниз руку, будто рубил шашкой невидимого врага.

Говорили, что Троцкий остановился у местного богача Теренецкого, к которому простой народ относился уважительно: он сдавал крестьянам сельхозинвентарь за очень умеренную плату. После отъезда Троцкого в Москву куда-то пропал и Теренецкий, бросив на произвол судьбы дом, землю и все принадлежавшее ему имущество.

И снова потекла обычная школьная жизнь. Учебе не мешало и то, что дома Артур был по горло завален работой. Знания он хватал на лету, хотя не особо утруждал себя корпением над уроками.

Учеба учебой, но гораздо интересней, конечно, играть в альчики** на плоской крыше дома или в лапту на улице. Здорово скакать на лошади или купать табун в озере Буйвола. Однако есть игры и для самых отчаянных.

III

По субботам дрались «на кулачках».

Раньше бои носили ярко выраженный межнациональный характер, армяне дрались с русскими. Потом «кулачки» незаметно переродились в территориальные соревнования, теперь шли «улица на улицу». Правило «лежачего не бьют» соблюдалось свято, а на кровь особенного внимания не обращали. «Главные» от команд дрались исключительно между собой, не поощрялась и схватка в неравных составах. Если удавалось свалить своего соперника, нужно было найти другого.

* Один из тогдашних городских руководителей.

** Альчики — игра с высушенными костями животных.

Для десятилетнего Артура, как и для взрослых, это было не более чем острое развлечение. В эту субботу их вызвала на бой Октябрьская улица. В городе она пользовалась уважением. Мужики собрались как на подбор: здоровенные и жилистые. Но и их не запугаешь — посмотрим, кто кого!

Они с Агаси вышли из дома будто бы прогуляться, хотя мать прекрасно понимала, куда они идут. Мужчины и мальчишки с их улицы, оживленно беседуя, тянулись к Почтовой, которую избрали ареной схваток из-за большой ширины. Встретили Арама и Вагана, Павел, запыхавшись, нагнал их чуть позже.

На Почтовой собралась уйма народу, человек по семьдесят с каждой стороны. Невдалеке маячил наряд конной милиции. Стражи порядка были вовсе не против традиционного мероприятия и выступали скорее как болельщики, но могли и вмешаться, если кто-то в горячке пинал лежащего ногой или если в руках появлялись какие-то посторонние предметы.

Команды переглядывались, прищулив глаза. Каждый подбирал себе соперника, оценивая его, примеривался. Артур из всех «октябрьских» приметил себе рыженького паренька, откровенно насмешливо на него уставившегося. Пусть он будет постарше и покрупнее, зато у Артура написано несколько классных приемов...

«Старшие» вышли на середину Почтовой и после короткой словесной перепалки закружились, резко выбрасывая кулаки. Лавины бойцов с устрашающими криками рванули навстречу друг другу.

Рыжий оказался искушенным противником и поначалу сильно колотил разгорячившегося Артура: в готовности они друг другу не уступали, а за счет большего роста и веса «октябрьский» его несколько раз хорошенько достал. Когда Артур уже в третий раз встал из пыли, в голову пришел трезвый расчет. Каким-то шестым чувством Артур понял, что нужно сменить тактику и свои минусы превратить в плюсы. Не хватает роста? Значит, надо нырять под руки противника и переходить на близкую дистанцию. Он легче? Значит, должен быть чуть-чуть быстрее. Надо почаще попадать в живот и сбить сопернику дыхание, тогда он станет менее подвижным.

Артур больше не нарывался на тяжелые кулаки, уходя вниз, наносил серии ударов, отскакивал, успевал подойти сбоку и, в конце концов, изловчился и отвесил почти остановившемуся

рыжему полновесный удар со всего маху. «Октябрьский» упал надолго. Потом он встал, но инициатива была уже полностью на стороне Артура. Рыжий ушел в глухую оборону и едва отмахивался, все время попадая в воздух, пока не упал совсем.

Насладиться триумфом Артур не успел, получил в ухо от очередного соперника — черноволосого крепыша в алой рубаше. Обмениваясь ударами, они кружились в карусели, когда раздался резкий звук милицейского свистка, и соперники разбежались в разные стороны. Оказалось, кто-то из взрослых не выдержал и выдернул из забора кол...

Назад шли, обсуждая перипетии только что закончившегося боя. У Артура была разбита губа, саднило плечо, а скулы покрылись синяками. В оживленном разговоре он участия не принимал — говорили только о том, кто кому и как врезал — а обдумывал происшедшее. Раньше он всегда бросался в поединок с открытым забралом, и бой решали какие-то явные факторы. Сегодня он впервые продумал, что именно ему следует делать с неудобным противником.

Мальчишеские мысли иногда приводят к большим последствиям.

Дома встретили молча. Отец едва удостоил их тяжелым взглядом: драк он не поощрял, но считал, что пользу можно извлечь и из мордобоя. Вздохнула мать, обмакнув полотенце в воду, сначала остановила кровь, потом полезла за бинтами.

IV

После пятого класса Артура повели в городскую школу, но принять его отказались из-за слабого знания русского языка.

— Он у вас не только читать и писать, даже говорить толком не умеет. Как же мы будем его учить?

Мать расстроилась, а отец ей сказал:

— Подожди, Николай приедет, с ним поговорим.

Николай Хлебников был кунаком Мисака Адельханяна. Он жил в близлежащем селе Покойном и имел крупное хозяйство. Когда приезжал в Прикумск продавать на рынке то, что давала земля и труд, всегда останавливался у Адельханянов, где принимали его как самого почетного гостя.

За столом Мисак и начал разговор:

— Николай, у нас здесь кое-что не ладится... Артур из другой комнаты слушал, затаив дыхание. Ему не столько даже хотелось

учиться, сколько пугала перспектива остаться без дела. Скуку он просто ненавидел.

— ... понимаешь, Артура не берут в школу.

— Почему? Я слышал, он неплохо учится. Разве что-нибудь натворил?

— Нет... — Артур по интонации отца понял, что тому неприятно говорить. Ему вдруг стало очень стыдно, и снова не из-за учебы, а потому, что подвел старших.

— Нет, — продолжил Мисак, — учится он хорошо по всем предметам, кроме русского языка. Как-то запустил, и мы вовремя не уследили.

— Вот в чем загвоздка! Я думаю, это дело уладить нетрудно. Подождите, на другой неделе приеду, как-нибудь решим.

В следующий базарный день Николай объявил, что Артур зачислен в сельскую школу.

— Живет пусть у меня, место, слава Богу, есть, комнату ему выделю. Пускай ни о чем не тужит, лишь бы учился хорошо.

V

В Покойном жилось Артуру невесело. Нет, Николай и его жена Мария относились к нему очень хорошо, кормили, поили, не докучали лишними разговорами или косыми взглядами. Но после уроков мальчишке было тоскливо. В таком возрасте особенно хочется иметь рядом ровесников, с кем можно поиграть или заняться каким-то серьезным делом, с кем можно обсудить интересную тему или поделиться сокровенной тайной.

Поэтому, приехав на выходные домой, Артур обрадовался, увидев друзей. Потом показалось, что жизнь и вовсе пошла навстречу его желаниям.

Родители его товарищей Павла и Варкеса, узнав о том, что Артура смогли устроить в школу, обратились к Мисаку с такой же просьбой относительно своих сыновей. Мисак попросил за них Николая, тот согласился.

VI

Сентябрь для крестьянина — время страды, время тяжелой работы и короткого сна.

— Вот что, — Артур серьезно посмотрел на товарищей. — Мы должны помочь Николаю в хозяйстве. Вы не против?

Услышав предложение делегированного ребятами Артура, Николай искренне обрадовался:

— Слышишь, Мария, парни мне помочь хотят! Из таких трудолюбивых пацанов вырастут настоящие люди!

Хозяйство у Николая было огромное, только успевай с поля — в овин, из овина — в коровник. А позволить себе нанять работников он не мог, потому что тогда его объявили бы кулаком со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Спасибо, сынки, спасибо! — не мог нарадоваться Николай. — Лишние руки в хозяйстве всегда сгодятся!

Так они зажили дружной семьей. Мальчишки после школы трудились в поле и на скотном дворе. Мария старалась повкуснее накормить и пичкала их овощами и фруктами, вечером успевали они сделать домашнее задание.

Но в силу вступали новые реалии, остаться в стороне от бурной политической жизни не удалось.

Идиллия вскоре закончилась.

VII

Николай попросил перевести его подопечных в разные классы, чтобы те меньше разговаривали между собой на родном языке и лучше усваивали русский.

В один морозный день Артур пришел домой веселый — у них отменили последний урок — и неожиданно увидел Павла. Тот сидел на табурете со страдающим лицом, уставив глаза в пол. Обвисшая рука держала потрепанный портфель, а чемодан с его вещами был почему-то выставлен перед кроватью.

— Что случилось? Почему ты дома? — Артур почувствовал неладное. — У вас еще идут занятия... Ты заболел?

— Нет, — голос обычно жизнерадостного Павла был едва слышен.

— Так почему?

— Меня исключили из школы как сына челопека, лишенного права голоса.

В то время в сельской местности новая власть определила себе врагов и аккуратно распределила их на три категории. Ипользовавших наемный труд причислили к кулакам, у них конфисковывали все нажитое и вместе с семьями ссылали в глухие, отдаленные районы. Если бедняк или середняк не желал вступать в коммуну, его относили к подкулачникам. Наконец,

те, кто занимался мелкой торговлей (что было разрешено властями для насыщения внутреннего рынка), на общих сходах лишались права голоса. На видном месте вывешивался список классовых врагов, после чего их, а заодно и членов семей, лишали права на работу и учебу.

Артур знал, что фамилия Павла — Монгоян — числится в списке, его отец пробовал открыть лавку. Но откуда на селе узнали об этом, ведь список был только на доске объявлений Прикумского совета?

Николай подковывал коня, когда к нему прибежал взволнованный Артур. Он сказал, что Павла исключили, но о причине сообщить не решился. Николай отложил молоток.

— Не беспокойся. Директор школы — мой друг, даже родственником доводится. Здесь какое-то недоразумение. Сейчас схожу в школу и все выясню.

Павел, узнав об этом, чуть повеселел, но все же с беспокойством поглядывал на дверь.

Через час вернулся Николай. Он был не просто угрюм, он был зол. Сев за стол, потребовал у Марии стакан вина. Ребята ждали, затаив дыхание. Через минуту Хлебников, еле сдерживаясь, произнес:

— Все правильно. Павла исключили по доносу вашего же товарища Варкеса. — И вдруг набросился на Артура. — Кого ты привел в мой дом? Он же не сегодня-завтра донесет на меня, на тебя, на кого угодно!

Марии едва удалось его успокоить.

Вечером все собрались в горнице. Варкес вел себя как ни в чем не бывало. Павел, Артур и Мария с напряженным ожиданием смотрели на хозяина дома. И гроза разразилась.

— Вот что, Варкес, — начал Николай громовым голосом. Варкес застыл — ни жив, ни мертв. — Собирай свои шмотки и убирайся отсюда, чтобы духа твоего предательского в моем доме не было!

Доносчик, съевшись, вжался в табуретку. Импульсивному Николаю одних слов показалось мало, он вскочил со своего места и шагнул к согнувшемуся в три погибели Варкесу с откровенным намерением задать ему хорошую трепку, но между ними встала Мария.

Утром Павел и предавший его Варкес уехали в Прикумск. Артур, которого не покидало ощущение вины, тоже попросил разрешения вернуться домой.

VIII

Осенью 1929 года в Прикумске открылась школа колхозной молодежи, в шестой класс которой и отправился Артур. Ему было скучно без старших братьев — Нерсес, Агаси и Симон уехали на заработки в Кисловодск, да там и остались.

Тем не менее жизнь уже вошла в нормальную колею. Они почти забыли, что такое голод. Вся семья помогала отцу управляться с хозяйством. Адельханяны уже вышли на уровень середняков, даже после сдачи зерна государству оставалось кое-что на продажу. Подумывали о том, чтобы прикупить еще скотину.

Но Советская власть уже окрепла, поэтому не очень нуждалась в крестьянстве как в союзнике. Теперь землю можно было и отобрать.

Грянула коллективизация.

IX

Постановление ЦК ВКП(б) требовало от местных органов управления быстрее отчитаться о выполнении задания партии. С крестьянством особенно не церемонились. У тех, кто не хотел вступать в колхоз, отбирали имущество и ссылали в северные районы. Спротивляясь, люди брали в руки оружие и становились жертвами массовых расстрелов.

Мисак чувствовал себя обманутым. Всего несколько лет назад власть выполнила свое обещание и дала ему землю. Вся семья трудилась до упаду, в разверстку отдавала власти хлеб, оставляя себе только на пропитание. Уже здесь Советы выступили как помещик, с которым издольщик расплачивался за землю частью урожая, но это было по-старому привычно. К тому же беженцы и этому были рады, ведь они, по сути, пришли в чужие места и любые, даже кабальные условия принимали безропотно. Умудрялись даже что-то прикупать — голь на выдумки хитра. У Мисака, кроме мелкой живности, было три лошади и две коровы. И вот теперь он своими руками заработанное отдал в «общее пользование».

И то спасибо Сергею Карпову, ставшему председателем колхоза. Во время гражданской войны Мисак укрывал его от белых, теперь он спас Адельханянов от раскулачивания, хотя активисты из бедноты предлагали с ними не цацкаться: больно уж хорошо живут.

Что за натура у людей: самому бы разбогатеть — так нет, работать изо всех сил неохота, а чужое добро глаз колет...

Многие резали свой скот, чтоб не достался коммунарам. Мисак своих коровушек пожалел, а зря. В колхозе их слопали разом, а кто — концов не найдешь.

Но на голодающих лошадей Мисак спокойно смотреть не мог. Его гневные от бескормицы грызли корыта в стойле. В субботу Мисак уводил лошадей домой и прикармливал. Пораньше утром заявлялся председатель

— Доброго вам здравия, — осторожно начинал он от калитки, зная буйный нрав хозяина. — С утречком вас. Я вот по какому делу. Ты, Мисак, опять лошадок домой привел. Ну, сколько раз тебе говорено, нельзя так делать. Народ ведь что скажет? Мисак, вишь, своих коней забрал, значит, никакие они не коллективные, — выговорил он не совсем привычное слово. — А это, знаешь, момент политический...

Смотревший исподлобья Мисак Адельханян слушал председателя молча, пока его не понуждали к конкретным действиям. Перуз стояла рядом. Крутившийся по двору Артур наблюдал знаковую сцену, ожидая неизбежного взрыва.

— Ну, значит, я потворствую, — продолжал Карпов, поеживаясь то ли от утренней прохлады, то ли от своей незавидной роли. — Могут меня пособником объявить. Врагом, значит. А я хочу как лучше. Ты же знаешь, Мисак, я тебя уважаю очень. Но партия нам указала, что работать сподручнее коллективом, общиной, значит, так неужель мы не исполним? Назло мировому империализму наладим общее наше крестьянское хозяйство...

Монолог председателя продолжался в том же духе, но политические лозунги оставляли Мисака Адельханяна равнодушным. Пора было переходить к делу. Карпов вздохнул, покопавшись на раскрытую калитку, через которую лежал единственный путь скорого отступления, и сказал:

— Ну... ты это... лошадок-то обратно в колхоз приведи...

— Не дам! — вскричал Мисак, хватая стоявший у ограды топор. — Пусть приходят и заберут! Пусть попробуют! Не дам!

Заблаговременно подготовившийся к бегству председатель выбежал за ворота и на всякий случай отскочил еще метров на десять. Остановить разбушевавшегося Мисака могла теперь только Перуз.

Через час понурый Адельханян, с жалостью глядя на своих послушных лошадей, отводил их в полуразвалившуюся колхозную конюшню — до следующей субботы.

Но однажды произошел случай, в корне переменивший судьбу семьи.

Уже ближе к лету, когда на улице стояла теплынь, Мисак снова заглянул на конюшню и увидел, что лошадям накоротко обрезали хвосты. Его чуть не хватил удар. Внешний вид лошади, если только это не болезненная худоба, был крестьянину совершенно безразличен. Но хвост, которым она отбивалась от всякой летающей нечисти — мух, комаров, слепней, оводов... Нет хвоста — животное начнет нервничать и может заболеть.

Ярость Мисака не знала границ. Он ринулся на поиски человека, который обидел лошадок. Кто-то указал на счетовода. Бил его Мисак смертным боем. Если б не отташили четверо здоровенных мужиков, совсем бы порешил.

Еле удалось председателю замять дело, да Перуз ходила к счетоводу с подарками и просила прощения за мужа. Вечером состоялся серьезный разговор.

— Где твоя мудрость, Мисак? — с горечью вопрошала Перуз. — Из-за лошадей ты совсем разум потерял, чуть не убил человека. Пойми, наконец, что теперь эти лошади не твои, и ничего ты с этим не поделаешь.

Мисак чувствовал себя виноватым.

— Не могу удержаться. Говорю себе: «Все, забудь, что они когда-то принадлежали тебе», а сердце болит, тянет поглядеть, как они там. А как вижу, что голодают, хочу подкормить. У них глаза, как у людей, только добрые...

— Погубишь семью, детей погубишь, — говорила Перуз. — Если тебя объявят врагом, нас всех сошлют в Сибирь. Если тебя посадят в тюрьму, что будет со мной и детьми? Разве этого ты хочешь?

— Но я не могу себя остановить, — упрямо твердил Мисак. — Что же делать?

— Выход есть. Нам надо переехать в Кисловодск.

— И все бросить?

— Что бросить? Кроме кур, у тебя уже не осталось никакого хозяйства. У тебя забрали коров и лошадей, у тебя забрали плуг и борону, у тебя забрали семена. — Перуз горько усмехнулась. — У тебя забрали даже землю. Остался дом. Но его можно продать и купить такой же в Кисловодске. У тебя остались твоя голова и твои руки. Если наши сыновья сумели устроиться, ты тоже не пропадешь...

XI

Перуз оказалась права. На Кавказских Минеральных Водах шло строительство санаториев и пансионатов. Повсюду требовались рабочие руки, была огромная нужда в каменщиках, штукатурах, плотниках, малярах, а армяне издревле были прекрасными каменотесами и строителями.

Сначала Аделыханяны снимали квартиру на Суворовской, потом переехали на улицу Куйбышева, наконец, купили дом на Советской. К Кисловодску привыкли быстро. Во-первых, все было при деле, старшие работали, младшие учились. Во-вторых, и это самое главное, Кисловодск по рельефу местности напоминал родной Ханигюх. Такие же горы вокруг, такие же звонкие ручьи и капризные быстрые речки, такие же дикорастущие съедобные травы, традиционно украшающие стол армян: жах, сибех, зох, рехан, банджар. И лето тут не было душным и пыльным, как в Прикумске, разве что зима чуть мягче карсской. Армяне полюбили этот город, ставший для них второй родиной.

Артур пошел учиться в среднюю школу № 4* и быстро нашел новых друзей: Самвела Мартиросяна, Манвела Станбуляна, Андрея Сенокола, Арутюна Енгибаряна. Они вместе играли в футбол, записались в секцию и даже ездили на соревнования в Пятигорск и Ессентуки. Часто ходили к Кольцо-горе, поднимались на Малое и Большое Седло. Денег на билеты в Курортный парк у них не было, поэтому проблему они решали обычным мальчишеским способом: перелезали через забор возле школы или старой почты. В парке играли дотемна и кормили семечками тогда еще редко встречавшихся пушистых непоседливых белок.

XII

Самвел всегда отличался веселым характером. Но то, что нравилось одноклассникам, не всегда приходилось по душе учителям, и однажды директор потребовал, чтобы Мартиросян привел в школу родителей.

После уроков друзья собрались на совет. Если, как полагается, сообщить родителям, то Самвелу по первое число влетит от отца. Если ничего не говорить дома, будет еще хуже, ведь директор своих указаний не забывает. Артур нашел третий вариант.

— Выворачивайте карманы!

* Теперь средняя школа № 3.

— Ты что, собираешься взятку дать? — съехидничал Самвел. — Директору или моему отцу?

— Давайте, давайте! — Артур сдерживался, но блеск в глазах выдавал, что он считает свой план прекрасным.

— У нас и денег-то — всего ничего, — обеспокоенно сказал Манвел, когда вся мелочь из карманов перекочевала в руки Артура.

— Да, не густо... — озадаченно промолвил тот, но тут же снова повеселел. — Ничего, хватит!

Артур уверенно зашагал к маленькому рынку, расположенному недалеко от школы. Товарищи недоуменно поплелись за ним, теряясь в догадках. Оценив взглянув на продавцов, Артур подошел к бабке, торговавшей живыми курами.

— Здравствуйте, — смело начал он. — Как идут дела?

Бабка посмотрела на него с недоверием и на всякий случай подвинула корзину к себе поближе.

Артура такой прием не обескуражил, что было заметно по его уверенному тону. Вопрос прозвучал скорее как утверждение.

— Вы можете пойти в школу вместо родителей этого мальчика, — он указал на Самвела, который от удивления чуть не раскрыл рот.

— С какой это стати? — оторопело отозвалась бабка. — Пусть они и идут. Я-то тут при чем?

— У него отец на работе, а мать болеет, — не моргнув глазом, соврал Артур. — К тому же мы вас не просто так просим. — Он разжал ладонь и показал бабке деньги.

Та опытным торгашеским взглядом в секунду сосчитала блестящую на солнце мелочь.

— Да здесь и на полкурицы не будет! Добавь-ка еще!

Артур разочарованно вздохнул:

— У нас больше нет. Ну, раз не хотите...

Ладонь снова сжалась в кулак. Артур повернулся, всем своим видом показывая, что собирается уходить. Расчет оказался верным.

— Постой, постой! Все равно торговли нет. Давай деньги, — бабка засобиравшись, накрывая куском материи корзину с живым товаром.

Кур определили в чулан для хранения хозяйственного инвентаря. Бабка с Самвелом отправились в директорский кабинет. Она вошла в роль настолько, что из-за двери вместо неразборчивых нотаций директора все чаще слышался ее возмущенный

крик: «Негодяй! Хулиган! Вот придет с работы отец, он тебя проучит!». Самвел, опустив голову, гримасничал, еле сдерживая расправивший его смех. Директор принимал его ужимки за муки страха перед предстоящей экзекуцией и был весьма доволен.

Ребята, стоявшие в коридоре, хмыкали в кулак. План явно удался.

Они не заметили, как выслеживавший их мальчишка из параллельного класса тихо открыл чулан и сбросил покрывало с корзины. Получившие свободу куры выскочили на простор.

Заслышав их кудахтанье, старушка вмиг забыла о «внуке» и пулей вылетела в коридор. Ребята поняли, что пахнет жареным, и пустились наутек, распугивая ошалелых птиц.

Ловила их бабка уже на школьном дворе.

XIII

Летом 1933-го в Кисловодск из Ленинанкана приехала Майрам, дочь старшего брата Мисака — Хачатура. Увидев семнадцатилетнего Артура, она всплеснула руками:

— Артаваз! Как вырос! Совсем взрослый! В каком классе он учится?

— Уже работает, — с гордостью ответила Перуз. Артур действительно стал рослым юношей с пронзительными глазами и копной темных волос, по моде того времени зачесанных назад.

— Уже школу закончил?! Как время летит! — Майрам не могла успокоиться. — А почему дальше не учится?

Мисак и Перуз смущенно переглянулись. Все шло как-то по накатанной дорожке: школа — работа. О другой перспективе они и не задумывались.

Артур застыл. Он понял, что сейчас что-то произойдет.

— Пусть приезжает в Ленинанкан. Жить будет у нас. Пристроим его в институт.

Мисак вспомнил далекие годы детства, свою нереализованную тягу к учебе: не было возможности...

— Он поедет.

XIV

В Ленинанкане Артур сдружился с Павлом Петросяном, сыном их родственника Григора. Ровесники скоро нашли общий язык. К тому же Павел учился на рабфаке текстильного комбината и уговорил Артура поступить к ним.

Но для того, чтобы стать студентом рабфака, надо было где-то трудиться. Впрочем, выбора особенного не было, чуть ли не весь город работал на том же текстильном комбинате, куда входили прядильная и трикотажная фабрики, а также механический завод. Павел работал табельщиком на «трикотажке» и Артуру помог устроиться там же. Днем Артур работал подмастерьем, а вечером учился.

Рабочими на комбинате были в основном молодые люди, оставшиеся сиротами после страшного землетрясения 1926 года, когда был разрушен почти весь Ленинакан. Город отстраивался заново, но былая трагедия жила в памяти.

Кто знал, что пройдет немногим более полувека, и стихия вновь обрушится на многострадальный Ленинакан?

Мастерами на комбинате работали в основном русские ребята, завербованные в Иваново-Вознесенске. Жили они в благоустроенных общежитиях и, судя по всему, были довольны жизнью. Их ценили за профессионализм и открытый нрав. Они вносили свою лепту в пестроту местного колорита и в становление легкой промышленности Армении.

Но в основном производство держалось на плечах коммерческого директора Петра Малюгина. Он был сыном прежнего владельца комбината, а делу обучался на лучших фабриках Германии и Польши. Малюгин знал процесс от начала до конца, прекрасно организовал его и учил уму-разуму нынешнего директора Анаит Малхасян — прежде она была простой прядильщицей, а пост директора приняла по настоянию горкома партии.

Артуру здесь нравилось. Учеба давалась легко, работа тоже не была в тягость, а свободное время скоро заполнилось футболом — тогда началось повальное увлечение этим видом спорта.

Он пришел на тренировку местной команды «Текстиль» и предложил себя попробовать на месте центрального хавбека. Новичок, освоивший футбольные азы на лужайках в Кисловодске, пришелся по душе тренеру и сразу был зачислен в основной состав. Вскоре Артур вместе с командой начал разъезжать по всей республике.

Было интересно ему поддерживать контакт и с редактором комбинатской многотиражной газеты Ованесом, которого по-свойски звали Онык. Редактор многотиражки был веселым балагуром, но заметки с Артура требовал исправно.

XV

Жизнь состоит из случайностей и закономерностей. Люди стараются устроить свою судьбу, думают о будущем, подготавливают грядущие перемены. Иногда планы удаются, а иногда форс-мажорные обстоятельства заставляют человека поступать вопреки своим желаниям.

У нас есть склонности, которые, особенно в молодости, мы сами не в силах распознать. И лишь когда появляется шанс проявить себя, мы понимаем: вот оно, дело, к которому я стремился, то, что приносит удовлетворение и в котором я могу раскрыться.

Кто-то, почувствовав себя в родной стихии, выражает лучшие свои качества, кто-то не решается или не умеет использовать представленную возможность, кому-то просто не улыбается удача.

Когда в 1936 году Артур получил повестку, где ему предписывалось явиться в военкомат, он еще не знал, что это — судьба. Воинская служба не была для Артура самоцелью. Просто вся его предыдущая жизнь, воспитание и внутренний строй подготовили его к деятельной борьбе, выкристаллизовали суровую неуступчивость и нетерпение безделья, жажду ответственной работы.

Нельзя сказать, что тогда он рассуждал именно так. Просто в очередной раз ёкнуло сердце в предчувствии больших перемен.

XVI

На призывном пункте в Ленинанкане Артур неожиданно встретил своего друга детства Арама Аракеляна. Обрадовались, посмотрели друг на друга, вспомнили мальчишеские приключения в Прикумске, поговорили о сегодняшнем дне.

— Меня оставляют при военкомате, — не без гордости сообщил Арам.

— И кем же? — с удивлением спросил Артур.

— Писарем, — Арам смутился.

— Ясно! — засмеялся Артур. — Оценили твой каллиграфический почерк!

— А ты куда?

— Хочу попроситься в погранвойска. Время-то мирное, если и будет настоящее дело, так только там. Как ты думаешь, возьмут?

— Конечно, возьмут. Почему нет? Туда и со средним образованием берут, а у тебя незаконченное высшее. Я хотел на

танки, а мне говорят: «Останетесь здесь!» — высказал тайную обиду Арам.

— Ничего, не расстраивайся. Писари тоже нужны.

Комиссия просьбу Артура удовлетворила, направила в местный погранотряд. Он попал в школу младшего начсостава.

XVII

Хотя Артур не жаловался на физическую подготовку — футбольные тренировки не прошли даром — первое время ему было тяжело. Школа младшего начсостава находилась в Лени-накане, откуда до границы около десяти километров. Каждый день курсанты в полном снаряжении совершали марш-бросок до погранзаставы, занимались на турнике, преодолевали полосы препятствий. Часто выходили на стрельбище, и даже сделали по четыре прыжка с парашютом.

Когда погранотряду присвоили имя Берии, на торжественное заседание явился сам Лаврентий Павлович. В президиуме Артур увидел невысокого человека с пронзительным взглядом сквозь старомодные пенсне. Он зачитал текст дежурного поздравления. Берия держался просто, в то же время между ним и окружающими образовалось некое пространство — невидимая стена, стоящая между высокопоставленным государственным лицом и простыми смертными.

В марте должен был проводиться VIII Чрезвычайный съезд Советов Армении. К этому событию в школе младшего начсостава организовали «пешелыжный военизированный переход». Тридцать лучших курсантов во главе со старшим лейтенантом Авумяном и политруком Ивановым должны были преодолеть гору Арагац, потом на машинах приехать в Ереван и приветствовать участников съезда.

XVIII

Артур на лыжах ходил прилично, «четырёхтысячник» считал вполне достижимой вершиной, поэтому больших трудностей в переходе не ожидал. Но и он недооценил изменчивость погоды в горных условиях.

Когда они почти поднялись на Арагац, небо заволокли серые тучи и начался снежный буран. Мало того, что в трех метрах ничего не было видно, так ветер принес с собой нешуточный холод. Отряд сбился в кучу, а командиры лихорадочно думали,

что предпринять. Парадный поход грозил обернуться трагедией. Наконец, Авумян выкрикнул:

— Всем окопаться!

Открытые в снегу пещерки накрыли плащ-палатками. Сначала метель пыталась пролезть в щелочки, потом плащ-палатки полностью занесло снегом.

В маленьких уютных гротах было не так холодно, как на пронизывающем ветру. Часа через три Артур почувствовал голод, достал сухой паек с плиткой шоколада, выданный им накануне, и потихоньку прикончил его, обдумывая ситуацию. Не может же буря длиться вечно. Через час-полтора непогода закончится, и они продолжат путь...

Под убаюкивающие завывания метели он и заснул. Проснулся от холода — как ни крути, а домашними условия снежного плена не назовешь. Свист неугомонного ветра свидетельствовал, что стихия разгулялась не на шутку. Оставалось терпеть и ждать.

Он потерял ощущение времени, когда в его пещеру провалилась чья-то нога. Артур резко поднялся, откинул плащ-палатку и увидел бородатого человека в меховой шапке. Тот явно обрадовался.

— Ты участник военизированного перехода?

Артур кивнул, все еще не понимая, откуда буквально свалился на него незнакомец.

— А где остальные? Вас же тридцать человек...

Ямка Артура была крайней. Окопавшийся рядом командир, услышав голоса, тоже выбрался на поверхность и уставился взглядом в бородача.

— Командир отряда, старший лейтенант Авумян. А вы кто?

— Младший научный сотрудник Моргунов! — весело отрекомендовался новоприбывший. — Я из постоянной ленинградской экспедиции. Мы — астрономы, звезды наблюдаем. База тут рядом, на вершине. Нам по радио сообщили о вашем исчезновении. Когда ветер малость стих, решили вас поискать...

Оказалось, просидели они в снежном плену двенадцать часов. На станции ленинградской экспедиции были две большие комнаты и склад с двухгодичным запасом съестного. Ученые накормили пограничников, напоили горячим чаем. Через час, поблагодарив ленинградцев за помощь, отряд на лыжах начал спуск с Арагаца.

У села Аштарак они сели в машины и вскоре прибыли в Ереван. Так, как были — с оружием и лыжами, — вошли в зал,

который приветствовал их стоя. Политрук Иванов отрапортовал о прибытии. После того, как стихли аплодисменты и курсантов вывели в коридор, к ним быстрым шагом подошел нарком внутренних дел Армении и со злобостью сказал:

— Если бы вы прибыли к началу съезда, вас бы представили к наградам. А вы сорвали свое выступление! Опоздали, так останетесь ни с чем!

Артуру и другим курсантам было обидно. Разве ради награды они старались? Разве могли они прорваться через бурю? Но начальник всегда прав. Тем более, что нарком был известен как ярый поборник репрессий, начавшихся недавно, но коснувшихся уже очень многих людей в Армении. (Ирония судьбы: сам нарком позднее был объявлен «врагом народа» и исчез в недрах своего же наркомата.)

Ситуацию несколько сгладила начальник погранвойск полковник Петров. Он отвел расстроенных курсантов в сторонку и негромко сказал:

— Не знаю, как там с другими наградами, а именные часы я всем участникам перехода вручу. О выкрутасах погоды во время вашего перехода мне известно. Уже здорово, что выдержали такой бурю. Спасибо, ребята.

Так Артур стал обладателем большой карманной «луковицы» на длинной цепочке с выгравированной на внутренней стороне крышки дарственной надписью.

XIX

После окончания школы начсостава Артур Адельханян был назначен старшиной заставы в горном районе Ахбаба, одновременно замещал начальника заставы — единственного командира.

Пограничники в войсках слыли «белой костью», интеллигентами от армии. Артур сразу же отметил, что на заставе все отлажено, приказы зачитываются спокойно, а не «командирским голосом», от которого потом звенит в ушах, и также спокойно, деловито выполняются. Здесь он увидел, что ответственность, подтянутость, боевитость, полная готовность — понятия вполне обыденные и нормальные. Та же чистота на территории была сама собой разумеющейся. Поэтому все силы были направлены не на поддержание дисциплины и порядка, а на выполнение боевой задачи: перекрытие границы.

Участок попался сложный. Вокруг горы, а значит, потенциальные контрабандисты и шпионы могли ходить за кордон. Так оно и было. Желаящие подзаработать проникали сквозь границу и возвращались с «товаром» — наркотиками, которые в изобилии производились на той стороне. Зелье из индийской конопли и опийного мака турки переправляли через азербайджанских пастухов, выгонявших отары овец на горные пастбища.

За год службы на заставе Артур выработал «норму» — задержал пять наркокурьеров. По достоинству оценил он закалку, полученную в школе начсостава. Вывел для себя еще один урок: важность тесного контакта с местным населением, при помощи которого вылавливали больше половины нарушителей.

XX

Служба подошла к концу. Теперь Артуру Адельханяну предстояло определиться со своей дальнейшей судьбой. Впрочем, для себя он уже все решил. Ему оказали честь, направив в Московское военное училище имени Верховного Совета РСФСР. Как же можно отказаться от такого шанса? Теперь он станет лейтенантом, сможет решать большие задачи. Воображение рисовало его комбригом с синими нашивками кавалериста, несущимся на лихом коне и рубающим неприятельские головы с огромными, будто бы выписанными неумелым художником глазами... Артур усмехнулся своим мыслям. В промелькнувшей картинке враги напоминали тренировочные столбы из его детства на учебном поле в Прикумске. Потом — комбриг должен работать головой, а не шашкой. Романтика любимого в народе фильма «Чапаев» захватывала, но уже появившийся прагматизм, основанный на личном опыте, учил, что в современном бою командир не имеет права без крайней необходимости лезть на рожон. А продумывать план боя и мысленно громить противника ему нравилось. Время сейчас сложное. В Европе активизируется фашизм, беспокойно и на наших сибирских и дальневосточных границах. Возможно, будет война. Вот тогда-то военные будут востребованы по прямому назначению.

В Ленинанканском военкомате Артур снова увиделся с Арамом Аракеляном — в его петлицах красовалось по два кубика, новоиспеченный лейтенант стал начальником отдела. Артур порадовался за товарища, тот, в свою очередь, позавидовал ему:

— Везет же тебе! Мало того, что в Москву, так еще учиться будешь в самом старом, с традициями, училище! Смотри, станешь большим начальником, не задирай нос, не забывай старых друзей!

На том и расстались — с неистребимым оптимизмом молодости, с уверенностью в собственных силах, с верой в светлое будущее. Ведь впереди еще целая жизнь, и она должна, обязательно должна быть счастливой.

XXI

Раньше военное училище имени Верховного Совета называлось «циковским» в честь центрального исполнительного комитета и располагалось при Кремле. Позже его перевели в район Лефортова, на Красноказарменную улицу, но циковские курсанты по-прежнему охраняли Кремль и считались привилегированными, если только такое определение можно было применить в Красной Армии. «Привилегированность» проявлялась только в зависти курсантов других училищ, а по части боевой, политической и физической подготовки требования здесь были завышенными. Так что свою «избранность» курсанты отрабатывали семью потами и уже не знали, радоваться или огорчаться тому, что они попали именно сюда.

Училище по праву гордилось своими учениками, многие из которых стали признанными военачальниками. Все предметы здесь преподавали строго и скрупулезно — от стратегии и тактики до элементарной шагистики. Муштровка не проходила даром. Артур уже легко читал карты, выказал умение решать большие и малые боевые задачи и дважды проходил с винтовкой и отомкнутым штыком по Красной площади на парадах.

4 сентября 1939 года учеба закончилась. Начальник училища комбриг Котов и бригадный комиссар Фурт выстроили личный состав. Командующий Московским военным округом легендарный кавалерист Семен Михайлович Буденный зачитал поздравление и вручил выпускникам дипломы с присвоением звания лейтенанта.

Артур Адельханян был горд и по-военному сдержан, но душу бредила тревога.

Три дня назад в Европе началась война.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Жить и умереть для Отечества — вот задача, выбранная мною еще с самых юных лет!..

Хачатур Абовян

I

Еще в 1922 году в Италии к власти пришли фашисты во главе с Бенито Муссолини. Главным постулатом их партии было утверждение национально-расового превосходства одних людей над другими. В 1933 году фашизм победил в Германии. На волне ущемленной поражением в первой мировой войне национальной гордости и стремления к реваншу канцлер Адольф Гитлер объявил о необходимости «нового жизненного пространства» для арийской расы, недвусмысленно давая понять западным демократиям, что его устремления направлены на восток.

Нерешительность правительств Англии и Франции позволила германскому рейху быстро вооружиться вопреки условиям Версальского договора. Разгромив внутреннюю оппозицию в лице коммунистов и социал-демократов, Гитлер укрепился во власти и стал выдвигать новые требования. Поначалу за счет инвестиций и новых технологий, предоставленных странами-победительницами, он перевел немецкую экономику на военные рельсы. Играя на желании Англии и Франции столкнуть лбами немцев и русских, в марте 1938 года без единого выстрела присоединил к Германии Австрию. После безмолвного «аншлюса» возникли претензии к Чехословакии по поводу якобы притесняемых судетских немцев.

Еще раньше на путь агрессии вступила созревшая для велико-имперских амбиций Япония. В сентябре 1931 года она

развязала войну против Китая и за три месяца оккупировала весь север страны, образовав марионеточное государство Маньчжоу-Го.

В мае 1935 года фашистская Италия вторглась в Эфиопию. Встретив ожесточенное сопротивление, итальянцы применили отравляющие вещества. От распыления удушающего газа иприта погибли десятки тысяч африканцев, столько же людей унес голод. Но только в мае 1936 года пала столица Эфиопии Аддис-Абеба.

В Европе тоже пролилась кровь.

Февраль 1936 года принес победу партиям Народного фронта на выборах в кортесы (парламент) Испании. В июле того же года против законно избранного правительства вспыхнул мятеж, возглавленный реакционным генералом Франко и открыто поддержанный фашистскими Германией и Италией, приславшими на Пиренеи регулярные войска. На стороне республиканцев доблестно сражались добровольцы из разных стран Европы и Америки, были здесь и посланцы из СССР. Западные демократии объявили о своем «невмешательстве» и бесстрастно наблюдали за неравной схваткой. Несмотря на героизм защитников Испанской республики, в марте 1939 года Мадрид был сдан.

В ноябре 1936 года Германия и Япония подписали так называемый «антикоминтерновский» пакт, направленный против Советского Союза. Через год к германо-японскому альянсу присоединилась Италия. Япония продолжила агрессию против Китая. В июле-августе Япония решила проверить боееспособность Красной Армии, организовав крупную провокацию у озера Хасан на дальневосточных границах СССР, но получила должный отпор.

Конец сентября 1938 года ознаменовался Мюнхенской конференцией, ставшей самой позорной страницей в истории западных демократий. Франция и Англия вместе с Германией и Италией поставили свои подписи под соглашением, отдававшим Судетскую область суверенной Чехословакии германскому рейху. Стало очевидно для всех, что политика умиротворения фашистов имела своей целью подтолкнуть экспансию на восток. Не ожидавший такого подарка Гитлер тут же перестроился и стал требовать большего. Крохами от барского пирога воспользовались Польша и быстро скатывавшаяся к фашизму Венгрия, до конца осени присоединившие к себе другие области Чехословацкой Республики.

К декабрю Англия и Франция по отдельности подписали с Германией договора о ненападении, еще раз демонстрируя Гитлеру, что они останутся безучастными, если его агрессивные намерения реализуются в восточном направлении.

Брошенная своими гарантами Чехословакия утратила независимость 15 марта 1939 года, подписав декларацию, по которой ее судьба вверялась Германскому рейху. Через восемь дней была присоединена к Германии Клайпедская область Литвы. В апреле Италия начала неприкрытую агрессию против Албании.

В мае японцы снова предприняли крупную провокацию, на этот раз на реке Халхин-Гол в восточной Монголии. Связанные союзническим договором, советско-монгольские войска нанесли поражение мощной группировке противника. Общие потери агрессора достигли 55 тысяч человек. Урок пошел впрок. У Японии надолго пропала охота лезть на своего северного соседа.

Хроника лета 1939 года была насыщена неимоверной дипломатической активностью. Государства-победительницы в Первой мировой войне очень не хотели вновь скрестить шпаги с немецким милитаризмом, но наконец поняли, что уступая, только усиливают Германию. Поэтому в конце августа даже крайне осторожные англичане связали себя взаимными обязательствами с Польшей, еще раньше союзнический договор с Польшей подписала Франция. В свою очередь, Гитлер решил сначала расправиться с Великобританией и Францией, предварительно обезопасив себя договором с Советским Союзом. Сталин пошел на это, рассчитывая выиграть время, к тому же Германия притворно выказала полное безразличие к взаимоотношениям СССР со своими соседями. 23 августа 1939 года в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении сроком на десять лет. Секретный протокол к нему предусматривал раздел сфер интересов. Немцы развязали себе руки для действий на западе, СССР предоставлялось право накоротке и безболезненно «разобраться» с граничащими с ним странами. Существование государства Польша по этому секретному протоколу не предусматривалось.

В четыре часа сорок пять минут 1 сентября 1939 года под надуманным предлогом Германия напала на Польшу.

3 сентября Франция и Англия, руководствуясь своими договорами с Польшей, объявили войну Германии. Через неделю на стороне метрополии в войну вступили британские доминионы Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и Канада.

4 сентября немецкая подводная лодка «У-30» в Атлантике торпедировала и потопила шедший в Америку английский пароход «Атения». Погибло 100 человек.

США остались в стороне, объявив о своем нейтралитете.

Объединенные англо-французские войска преспокойно отсиживались за «линией Мажино», имея в своем составе 110 дивизий против 23 немецких, в то время как остальные 57 дивизий вермахта расправлялись с Польшей.

17 сентября танковый корпус генерала Гудериана опладел Брестом и соединился с передовыми частями 10-й немецкой армии, замкнув в огромный «котел» Варшавский район.

II

17 сентября 1939 года в 5 часов 40 минут командир взвода 1-го батальона 350-го стрелкового полка 126-й Московской пролетарской дивизии лейтенант Артур Адельханян, как учили в военном училище, отдал взводу боевой приказ:

— В цепь! Приготовиться к бою!

Их привезли в район Боровуха под Полоцком сразу после окончания училища. Как говорило командование, им предстояло освободить трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии от гнета польских помещиков. Надо было перейти границу, войти в соприкосновение с противником и уничтожить его. Приказ-обращение военного совета Белорусского фронта требовал защищать мирное население от жандармов, охранять имущество граждан и лояльно относиться к польским военнослужащим, если они не оказывают вооруженного сопротивления. Запрещалось применять артиллерию и авиацию при захвате населенных пунктов и нарушать государственные границы Литвы и Латвии. Предписывалось помогать местным жителям провиантом и рассказывать, почему произошел развал буржуазно-помещичьей Польши, растолковывать политику и государственное устройство СССР, помогать налаживать местное самоуправление.

«Может, сейчас нас встретят пулеметом из этого леса, — думал Адельханян, оглядывая лежащую впереди ложбину и рощицу перед ней. — Значит, короткими перебежками, прикрывая огнем и забросать гранатами...»

Его размышления прервал зычный голос командира роты, старшего лейтенанта Пospelова:

— Ура! За Сталина! Вперед!

Все вскочили и, слегка пригибаясь в ожидании огня с той стороны, выставив наперевес винтовки с отомкнутыми штыками, пошли через границу.

III

Поставленная задача — догнать противника и вступить с ним в схватку — не выполнялась. Кое-где встречавшиеся группы польских солдат сдавались без боя. Политработники объясняли этот факт авторитетом Красной Армии и возросшей сознательностью польских рабочих и крестьян, не желавших воевать против своих освободителей. Офицеров, нападавших на красноармейцев исподтишка, вылавливали по населенным пунктам, где те пытались спрятаться, и после коротких схваток брали в плен. Им гарантировали жизнь, возвращение на родину и отправляли в Полоцк. Что с ними было потом, никто не знал.

Как выяснилось много позже, их расстреливали.

Даже в армии в полном блеске проявилась царившая тогда в стране атмосфера «шпиономании».

Командир батальона был призван из запаса. В мирных условиях грамотный преподаватель литературы, он ничего не смыслил в военном деле, несмотря на то, что ему нацепили «шпалы». А топографические карты выдавались начальствующему составу рангом как раз не ниже комбата. В результате постоянно возникали сложности с выбором направления движения и элементарным ориентированием на местности.

В очередной раз увидев унылое лицо своего комбата, отрешенно склонившегося над картой, старший лейтенант Поспелов решил прийти ему на помощь.

— Дайте я посмотрю.

Командир батальона поспешно захлопнул карту, внимательно взглянул на комроты и отрицательно покачал головой.

— Нельзя. Строжайше воспрещено показывать кому бы то ни было оперативный тактический материал. Попробую все-таки разобраться сам.

Первые западно-белорусские деревни встречали наших солдат настороженной тишиной, но ни разу предположение о засаде не оправдывалось. Перепуганные крестьяне прятались по подвалам и сараям в ожидании «коммунистических репрессий». Приходилось собирать сходы и разъяснять, что бойцы Красной Армии не трогают мирное население, а наоборот, помогают ему.

Комиссар полка майор Аронович предложил изменить порядок входа в населенные пункты. Теперь солдаты приводили себя в порядок и заходили в села со строевой песней, это были обычно «Дан приказ ему на запад...» и, конечно, «Катюша».

Песня дала поразительный эффект. Теперь их встречали с радостью, иногда — с хлебом-солью прямо на околице. В центре села солдаты останавливались, и начинался импровизированный митинг, на котором крестьяне заваливали освободителей вопросами о Советской власти, о Минске и Москве, о возможности бесплатного образования и медицинского обслуживания... Слухи о миролюбии красноармейцев неслись от деревни к деревне, и рассказы о «зверствах коммунистов» теперь крестьяне вспоминали со смехом.

Изнурительные пешие переходы, когда красноармейцы проделывали по 30–40 километров в день, привели к тому, что отстали обозы. Сухой паек был давно съеден, а к местному населению обращаться с просьбами о провианте было, с одной стороны, неудобно, а с другой, боязно. Комиссары всех уровней призывали к пролетарской бдительности, говорили о том, что буржуазные элементы западных областей спят и видят, как бы отравить советского воина. Но когда становилось совсем уже невмоготу, бойцы все-таки пользовались добротой местных жителей и тайком у них подкармливались.

IV

Передвигаться по пересеченной местности без транспорта много дней подряд было трудно даже физически закаленному Артуру. Поэтому приказ остановиться в городе Поставы все восприняли как долгожданную передышку.

В городке раньше стоял уланский полк. Оставленные поляками казармы и заняли красноармейцы.

Комиссары опять развернули разъяснительную работу среди местного населения, помогали разобраться в новой ситуации административным органам. Адельханян от такой деятельности уклонялся, он самокритично, по привычке с недоверием относился к своим способностям в русском языке. Ораторствуют пусть другие, а он будет налаживать казарменную жизнь своих подчиненных. Опростоволоситься здесь можно и на ровном месте, так же как вляпались в историю их хозяйственники.

К заместителю командира полка по тылу вошел в доверие Шимановский, которого быстро окрестили «Пшеком»,

полуполяк-полубелорус, источавший любезности «пану командующему» и уверявший в своей лояльности к Советской власти. Особенно проверять его не было ни времени, ни возможности. Знали, что до прихода советских частей он занимался не очень чистым бизнесом — содержал казино и местный дом терпимости.

На ловца, как говорится, и зверь бежит. В столовую при военном городке разрешили нанимать персонал из местных, а подбор кадров поручили Шимановскому. Нетрудно догадаться, что он тут же пристроил своих оставшихся без работы девушек. Панночки добросовестно трудились на кухне. И все бы ничего, да, видно, не могли они забыть своей прежней профессии, и потихоньку стали соблазнять молодых солдат и командиров, в надежде иметь с этого какую-то прибыль, или хотя бы заручиться благорасположением победителей.

Все открылось, когда однажды ночью полк подняли по тревоге. Отсутствующих в строю находили в самых разных местах, но везде в объятиях «кухонных работниц». Жриц любви тут же отлучили от воинской части, а работать в столовой отрядили красноармейцев.

Разумеется, последовали взыскания. Но кроме таких полукриминальных ситуаций случались и настоящие трагедии.

Сколько ни предупреждали политруки о том, что нельзя терять бдительность, что наверняка найдутся недовольные приходом сюда советских солдат, что возможны диверсии и теракты — бескровное занятие территории и общая приветливость местного населения располагали к беспечности. Причем проявляли ее молодые командиры.

Ясным воскресным утром два лейтенанта, весело балагурия, прошли через КПП части. Они были свободны от дежурства и решили побриться в парикмахерской и прогуляться по городу. Через каких-то полчаса в полку была объявлена тревога.

— Что случилось? — на бегу спросил Адельханян Пospelова.

— Сам не знаю. Но это не просто проверка, — ответил мрачный комроты.

Целый батальон в срочном порядке отправился в город, а когда он вернулся, «солдатская почта» донесла, что молодых лейтенантов в парикмахерской резали, а сам цирюльник исчез.

Не особенно доверчивый Адельханян еще раз убедился, что война остается войной: всегда требует осторожности и взвешенности.

V

Вечером его остановил красноармеец Шапкин.

— Товарищ лейтенант, можно задать вопрос?

— Задавайте. — Артур был поглощен своими мыслями, но быть внимательным к бойцам считал прямой обязанностью.

— Как вы думаете, схлестнемся мы с немцами? — было видно, что для Шапкина это вопрос не праздный, с таким напряжением смотрел он прямо в глаза лейтенанту. — Мы вот тут в отделении покумекали — вполне может немчура на нас напасть, сейчас ведь граница у нас общая будет...

Адельханян отчеканил:

— У нас с Германией заключен пакт о ненападении, — но увидев в глазах Шапкина разочарование, перешел на неуставной разговор. — Послушай, я, конечно, всего знать не могу. Но думаю, что сейчас они на нас не полезут. Им надо с Англией и Францией разбираться, а войну на два фронта они не потянут, испугаются. А если что — мы им врежем.

— Спасибо, товарищ лейтенант! — Шапкин побежал в казарму.

VI

Именные часы, подаренные Артуру Адельханяну за переход через Арагац, служили предметом зависти сослуживцев. А однажды к нему обратились тот же Шапкин с другим бойцом из его отделения. С подчиненными у Адельханяна сложились хорошие, доверительные отношения, хотя дистанцию солдаты старались соблюдать сами. На этот раз Шапкина просто распирало.

— Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! — начал он скороговоркой. — Мы тут с Евстафьевым... — Он замялся и подтолкнул приятеля. — Давай покажем!

Напыжившись от удовольствия, они вытащили из карманов пару ручных часов.

— Конечно, не такие, как у вас, без дарственной надписи, но тоже ничего, да? — почему-то заговорщицки зашептал Шапкин. — Вон что-то по-заграничному написано...

Адельханян взглянул на часы, потом посмотрел на Шапкина и тихо произнес:

— Откуда?

— Вы не подумайте чего, — снова заспешил покрасневший Шапкин, — мы их того, честно...

— ... купили! — закончил фразу светившийся от счастья Евстафьев.

— И на какие же деньги? — удивился лейтенант, прекрасно зная, что с наличностью у солдат негусто.

— А вот, — Шапкин с готовностью показал цветастые билеты. Артур опешил.

— Это же ... лотерея Осоавиахима!

Шапкин широко улыбнулся.

— Так ведь каждый билет имеет нарицательную стоимость, вот написано... Может выиграть.

— Мы им даже переплатили, — обиделся Евстафьев.

— Ладно, — Артур придал своему лицу сердитый вид, — я у вас этих часов не видел. И чтоб больше горожанам лотерейными билетами головы не морочили!

— Есть! — солдаты вытянулись, довольные.

Наутро Адельханян увидел Шапкина с озадаченно-опечаленной физиономией. При виде своего взводного Шапкин почему-то повеселел.

— Товарищ лейтенант, помните вчерашние часики?

— Что еще? — Артур уже хотел разозлиться.

— Встали они ночью и больше ни гу-гу. Не тикают. Евстафьев разобрал, он там что-то соображает, говорит — можно выбрасывать. Они штампованные, так что я уже о лотерейных билетах жалею.

— Наряд вне очереди!

— Есть! — вздохнул Шапкин.

«Мальчишки! — думал Артур. — Как есть мальчишки! А если завтра война?»

Скоро поступила команда вернуться в Полоцк.

VII

Прибывшие в Полоцк представители штаба Белорусского военного округа привезли приказ, согласно которому Московская пролетарская дивизия расформировывалась, а командный состав мобилизовался для решения другой задачи и поступал в распоряжение отдела кадров. Часть командиров, в число которых попал и Артур Адельханян, посадили в товарные вагоны и отправили по железной дороге с кратким напутствием: «Куда, зачем — потом узнаете».

Вагоны шли на север.

Начало ноября выдалось холодным. В «тепушках» грелись у печи, скользящую запорную дверь держали закрытой, чтобы не выпускать драгоценное тепло. Обсуждали

международное положение, прикидывая, для решения какой боевой задачи они сейчас могут понадобиться.

В Кеми объявили остановку. Адельханян и его товарищи выскочили на перрон, поразмять косточки. Увидели около сотни женщин, работавших на путях кирками, лопатами и грузовыми носилками под вооруженной охраной.

Завидя красных командиров, женщины переглянулись и медленно пошли к ним. Охранники скинули ружья с плеч.

— А ну, осади назад! — крикнул старший, передернув затвор. Красивая девушка, которую не портила износившаяся на тяжелых работах одежда, выпростала копну волос из-под тяжелого платка и, недобро улыбаясь, пошла прямо на конвоира. Адельханяна поразили ее волосы: половина их была черна, как вороново крыло, другая половина — по-старушечьи седа.

— Что, стрельнешь? Ну, давай! — с вызовом сказала она. Женщины зашумели. В руках у них оказались увесистые булыжники.

— Осади! — снова сказал конвоир, но почему-то направил ружье в низкое свинцовое небо. Другие охранники, глядя на него, тоже не предприняли каких-то поспешных действий. Женщины, большинство которых годились им в матери, прошли мимо конвоиров.

Адельханян был поражен. Он знал о бушевавших в стране процессах, обличавших «шпионов», «вредителей» и других «врагов народа». Но он и представить себе не мог, что женщины тоже становятся «политическими». Что плохого они могли сделать Советской власти?

Подойдя к командирам, женщины побросали камни на землю. От их отчаянной агрессивности не осталось и следа, а лица начали светиться добром.

— Что, на войну едете? — спросила одна из них. Молоденькие лейтенанты, еще не совсем отошедшие от увиденной сцены, были ошарашены еще больше. Наконец, кто-то выдал из себя:

— На какую?

Заклученная лет пятидесяти с изможденным умным лицом горестно вздохнула:

— Э-э, сынки, будет война. С финнами война будет. Напрасно едете. Побьют вас там.

Опешившие командиры хотели было спросить, откуда такая осведомленность, но сами были завалены множеством вопросов. Женщин-заклученных интересовали обычные бытовые

новости с «воли», подробности польской кампании. Рассказ о том, что во время «освободительного похода» поляки не оказали практически никакого сопротивления, их не удивил.

— Правильно, — кивнула головой девушка, смело наступавшая на конвоира, — их до вас уже Гитлер разгромил. А вот с финнами помучаетесь.

— Так из-за чего ж война? — вырвалось у Артура. Девушка усмехнулась кривой улыбкой.

— Не у нас надо спрашивать. Мы войн не начинаем.

Пришедшие в себя охранники начали решительно оттирать «политических» в сторонку. Заключение, не сопротивляясь, — видимо, запал иссяк, да и любопытство их было удовлетворено, — побрели к прежнему месту работы и снова взялись за инструменты. Они тихо переговаривались, а когда оглядывались на своих недавних собеседников-командиров, во взглядах сквозила неизбежная бабья жалость.

«Ведь это мы должны их жалеть!» — подумалось Адельханы. Кто-то сказал, что женщины-заключенные приписаны к Соловецким лагерям.

VIII

Варшава под ударами гитлеровской военной машины пала 28 сентября. Еще через неделю с Польшей было покончено.

Выпавшие из-под протекции Германии прибалтийские государства попали в сферу интересов СССР. В сентябре-октябре 1939 года им были навязаны «договоры о взаимопомощи» с Советским Союзом. Потеря независимости для них стала неизбежной.

С Финляндией получилось по-другому. Когда произошла Октябрьская революция, Советская Россия была готова на любые территориальные уступки, лишь бы сохранить новую власть. Поэтому, подарив Финляндии суверенитет и оговорив ее границы, Ленин не заглядывал в далекое будущее, ведь тогда двадцать лет могли показаться вечностью.

Окрепнув в экономическом и военном аспектах, СССР вспомнил российские великоимперские замашки, прятавшиеся за лозунгами «мировой революции», и начал заниматься открытой экспансией. Единственное, чем можно хоть как-то оправдываться перед историей, это — стратегическое положение текущего момента. Чтобы сохранить баланс сил в преддверии надвигающейся схватки с Германией, в которой должен был

решиться вопрос о существовании СССР, Сталин хотел отодвинуть границы подальше от главных центров страны.

С таким, не подпадающим ни под какие нормативы международного права, требованием — отодвинуть границу от Ленинграда — и обратился СССР к маленькой Финляндии.

Сначала финны отказались от предложенного Москвой пакта о взаимной помощи, справедливо не доверяя своему соседу. Потом последовал издевательский вариант Советского Союза об обмене: Финляндия «добровольно» уступает обжитой район Карельского перешейка с городом Виипури (Выборг) в обмен на землю на глухом севере. Кроме того, сдает в аренду Москве часть своей территории на выходе из Финского залива в Балтику для строительства военно-морской базы.

Даже эти унижительные условия могли бы быть приняты Финляндией, если бы не два обстоятельства. Во-первых, предусмотрительные финны создали на Карельском перешейке глубоко эшелонированную систему оборонительных сооружений, получившую название «линия Маннергейма» (маршал Карл Маннергейм служил в русской армии при царе, участвовал в первой мировой войне и еще в 1917 году получил звание генерал-лейтенанта). Во-вторых, Финляндия рассчитывала в первую очередь, на помощь международного сообщества на Англию и Францию.

Однако столкнувшись с Германией западным демократиям стало уже не до Финляндии. Гитлер знал, что после такого конфликта, он, в лице Финляндии, получит верного союзника в будущей войне против СССР.

Имея недавний опыт боевых действий против Японии, Сталин рассчитывал для поднятия духа населения устроить «маленькую победоносную войну». Нужно было найти благоприятный предлог.

Военно-исторические справочники, изданные в Советском Союзе, гласят: «26 ноября 1939 г. финская артиллерия предприняла провокационный обстрел советских войск, находившихся под Ленинградом». Такая «трактовка» событий позволила денонсировать советско-финский договор о ненападении и издать приказ армии и флоту «быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны Финляндской военщины».

Как утверждают советские источники, провокация со стороны «агрессивного и опасного» северного соседа произошла на следующий же день.

30 ноября советские войска вторглись в Финляндию, а правительство СССР снова лицемерно предложило финнам подписать договор о дружбе и взаимопомощи. Этот «гуманный» шаг был отвергнут. Финны не испугались и не пошли на потерю независимости. Они решили бороться.

Наступление Красной Армии на главном направлении быстро зашло в тупик: на Карельском перешейке она уперлась в линию Маннергейма. Не получилось и проникнуть вглубь финской территории с востока. Война приняла затяжной характер.

14 декабря Советский Союз, как безусловный агрессор, был исключен из лиги Наций.

IX

Командиры из штаба армии встретили вновь прибывшие подразделения и повезли их к фронту.

Дорога была только до Ухты*, расположенной у озера Среднее Куйто. Дальше пришлось свой путь катить, подкладывая под колеса автомобиля бревна — иначе в этой изобилующей озерами, болотами, речушками и протоками местности продвигнуться было невозможно.

Согромным трудом добрались до ближайшей погранзаставы. Старшина Павел Рамешкин не удержался от вопроса:

— Как же вы тут без дорог обходитесь?

Встретивший их веселый лейтенант-пограничник ответил:

— А вот так и живем. Зимой, когда наш северный морозец ударит и снежка насыплет, завезем на санях припасы — вот на целый год нам и хватает. Не робейте, жить можно.

— У вас здесь чего больше, лесов или болот? — осведомился Артур.

— У нас здесь леса в болотах по уши стоят, — сказал лейтенант.

— «Леса занимают 72 процента территории, болота — около 33 процентов. Густая речная сеть. Около 60 тысяч озер» — процитировал Адельханян как по писанному. С памятью у него всегда был полный порядок.

Лейтенант посмотрел на него с уважением.

— Знаешь, ты вроде не местный. Откуда сведения?

— Читал о соседях в военных справочниках.

* Сейчас — г. Калевала (Карелия).

— Вот что, — лейтенант посерьезнел. — Эти самые болота, реки и озера — главные здесь препятствия. Широко наступать не получится. К тому же фронта сплошного здесь нет. Зато он тебя находит, когда его ждешь меньше всего.

— Значит, надо идти вперед, на чужую территорию, — не удержался от стратегического совета Рамешкин.

— Ишь ты, — ухмыльнулся лейтенант, — кабы все так просто. Вам сюда добираться легко пришлось?

— Да еле доползли, — развел руками Рамешкин.

— Так ведь в вас еще никто не стрелял, — сказал лейтенант уже сурово. — Под огнем ползти по болоту... Одними шапкозакладательскими настроениями победа не куется. Врага тоже уважать надо...

Х

В справедливости слов лейтенанта-пограничника новоприбывшие смогли убедиться очень скоро.

Адельханян получил взвод дорожно-комендантской роты, входившей в 14-й дорожно-эксплуатационный полк 9-ой армии под началом комкора Чуйкова. Раньше Артур даже не слышал о таких подразделениях. Поначалу он решил, что это нечто среднее между саперами и тыловой службой, и даже немножко обиделся: опять, как в польской кампании, не удастся поучаствовать в настоящем бою. Но странности этой войны продолжались.

Полк занимал уже покрытую снегом грунтовую дорогу, идущую от армейских баз снабжения до войскового тыла. Рота была самостоятельной единицей и, кроме комендантских взводов, имела в своем составе взвод охраны, пункт питания и медицинский пункт с врачом, фельдшером и тремя санитарями. Рота охраняла свой участок дороги, следила за ее исправностью. Здесь проходившие войска могли получить горячую пищу и первую медицинскую помощь. Базировалась рота в блокгаузах, дзотах, из амбразур которых велось наблюдение за противником.

Противник не заставил себя ждать. В условиях отсутствия сплошного фронта финны проникали глубоко в наш тыл и маленькими группами, а иногда поодиночке устраивали снайперские засады или же завязывали короткие стычки с быстрым выходом из боя. На лыжах они ходили превосходно, не используя лыжных палок. Рельеф местности для них был родным, поэтому ориентировались они здесь свободно.

Снайперов врага красноармейцы тут же окрестили «кукушками» — обычно позицию они занимали на деревьях. Только в отличие от птичьего, их «кукование» несло смерть.

В самом начале войны пуля снайпера сразила капитана Строгинова, командира роты. Адельханяну пришлось взять командование на себя. Смерть капитана его ошеломила: за десять минут до случившегося командир роты предупреждал его быть осторожнее, уж больно меткая «кукушка» проникла в их расположение.

Снайпера засекли. Прибежал командир отделения Вахрушев и, запыхавшись, доложил:

— На дереве «кукушка» сидит. Боеприпасы у него кончились. А слезать не хочет.

Артур взял себя в руки. Хоть и выиграло в нем чувство местности, да нельзя стрелять в безоружного. К тому же был объявлен приказ: пленных отправлять в штаб армии. Но пленных было маловато.

Артур с Вахрушевым подошел к дереву. Сидевший меж веток бородатый старик лениво оглядывал окрестности — так, словно он все это время любовался пейзажем, а не стрелял.

— Слезай! — потребовал Адельханян, жестом объясняя приказ. Старик и ухом не повел. Красноармейцы вокруг загалдели:

— Мы ему давно говорим, чтобы слезил, а он ни в какую!

Адельханян заметил, что старик на мгновение скосил вниз.

— Так. Тогда принесите пилу. Сейчас свалим дерево — сам упадет.

Не успел один из бойцов сделать и нескольких шагов в сторону блокауза, как сверху донесся смачный русский мат. Старик зло смотрел на них.

— Не надо дерево трогать. Я слезу. Были б патроны, всех бы вас здесь положил.

Уже в блокаузе Артур, удивленно глядя на старика, спросил:

— Ты что, русский?

— Такой же русский, как ты японец, — бросил дед. — Финн я. При царе Николае нас чухонцами называли. Я в русской армии, почитай, лет пятнадцать отслужил. Не думал, что с русскими воевать придется.

— Что ж тебе на печи не сиделось?

Старик сверкнул глазами.

— Когда враги пришли на мою землю, я на печи сидеть не стану. А больше я тебе ничего не скажу.

Следующая «кукушка», взятая через неделю, удивила Адельханяна еще больше.

Его уже утвердили командиром роты. Когда вернулся с передовой, Вахрушев доложил, что в плен взят еще один снайпер.

Адельханян вошел в блокаду и увидел тоненькую бело-брысую девчонку, над которой политрук Воробьев с помощью переводчика учинял допрос.

— ... Что же вы так сопротивляетесь? Мы ведь пришли вас освободить от гнета эксплуататоров, от помещиков и капиталистов. Мы пришли оказать вам помощь...

Девушка начала говорить. Переводчик-карел еле поспевал за ней.

— Кто вас просил о помощи? Мы жили хорошо, спокойно. Я училась в институте в Хельсинки. Вы на нас напали. Нам пришлось все бросить и идти защищать родину.

— Вот, студентка несознательная, — заметив Адельханяна, сказал Воробьев. — Из буржуев, наверное. Совсем не понимает причин нашего столкновения с белофиннами.

— Ну, как ты думаешь, почему война началась? — снова обратился он к пленной.

Ответ поразил Адельханяна.

— Об этом не меня надо спрашивать. Мы войну не начинаем. Артур сразу же вспомнил станцию Кемь и слова девушки-политзаключенной.

Так кто же начал эту войну?

XI

Поначалу частям 9-й армии удалось углубиться на финскую территорию километров на тридцать-сорок, но затем шюцкоровские* отряды при помощи местного населения сумели оттеснить их практически на прежние позиции.

В такой ситуации, когда наши части были оторваны друг от друга, применявшиеся финнами методы партизанской войны были очень эффективны. Проникавшие в наш тыл отряды из засад обстреливали проходившие по дорогам колонны. Быстро передвигаясь на лыжах, атаковали с разных флангов и создавали иллюзию окружения. Часто устраивали налеты на блокаду отделений, предварительно перерезав кабель телефонной связи. Красноармейцы отстреливались из бойниц и терпеливо ждали помощи из роты. Когда поспевал Адельханян с подмогой, финны бесследно растворялись в лесу.

* Шюцкор — военизированная организация.

Перуз Киркоровна
Мать. (1959 год)

Мисак Симонович Адельханян
Отец. (1951 год)

Сестры Серпун (справа),
Нвард и двоюродный брат Гурген
(1929 год)

Артур в начальной школе
(г. Прикумск)

Агаси Адельханян
(1940 год)

Лейтенант Ваган Адельханян
(1942 год)

Симон Сираканович
(конеч 50-х)

Нерсес Адельханян
(60-е годы)

Артур Исаевич
(1960 год)

Финская война.
Командир роты
Адельханян А.И.
Командиры взводов
Смирнов А.В.
Николаев И.Н.
(1939 год)

Во время Курской битвы
на батальонном
наблюдательном пункте
(1943 год)

Стрельбы
из личного оружия
проводит
гвардии майор
А.И. Адельханян
(1943 год)

Командующие 1-й гвардейской танковой армии.

Сидят: начальник оперативного отдела полковник Никитин, командующий 1-й Т/ генерал-полковник Катков, начальник особого отдела полковник Фединин.

Стоит 4-й слева подполковник Адебалдин (1945 год)

Артур Исаевич и Клавдия Георгиевна (1952 год)

А.И. Адельханян (1952 год)

К.Г. Адельханян (1972 год)

На стрельбище командир
танкового полка гвардии полковник
А.И. Адельханян
(Белорусский ВО, 1952 год)

На учениях
(Белорусский ВО, 1952 год)

На учениях в Зак ВО. В центре — командир полка А.И. Адельханян
(1956 год)

Первый заместитель командира дивизии гвардии полковник А.И. Адельханян вручает грамоты отличникам боевой учебы.
(Зак ВО, 1956 год)

Выпускники Курсов командиров дивизий
(Стоит первый справа полковник А.И. Адельханян. Москва, 1958 год)

**Многоуважаемый
господин Адельханян Артур Исаевич!**

Поздравляем Вас с наступившим 1999 годом
и светлым праздником Рождества Христова!

За активное участие в работе Армянской
общины города Кисловодска и Ваш великий
ратный подвиг перед Отчиной, награждаем
Вас Орденом Святого Вардана Мамиконяна
Епархии Юга России.

С наилучшими пожеланиями и молитвенным
благословением

**Глава Епархии Юга России
Армянской Апостольской Церкви**

С. С. С. С.

Кроме охранной, работы роте на своем участке хватало; строили небольшие мосты, подсыпали песок на подъемах и спусках, в труднодоступных местах дороги прокладывали деревянные гати и настилы из бревен. Финны же, в свою очередь, при каждом новом налете эти коммуникации разрушали.

Зима 1939—1940 года выдалась лютой, морозы нередко доходили до сорока пяти градусов. При такой температуре странно было видеть колонны красноармейцев в обычных шинелях и буденовках. Если учитывать, что в войсках были целые части, сформированные в среднеазиатских республиках, то становятся понятными наши потери в связи с обморожениями — их было гораздо больше, чем боевых. Не спасало и то, что по дороге на передовую люди грелись в блокаузах комендантских взводов. Лишь на последнем этапе войны впервые красноармейцы и командиры получили настоящее зимнее обмундирование: шапки-ушанки, полушубки, валенки, теплые белье, лыжи и специальные сани.

Так оно и шло: Адельханян со своей ротой латал «дыры» на дороге, со взводом охраны гонял летучие финские отряды да охотился на «кукушек».

XII

Сидя вечером у стола, Артур планировал завтрашнюю боевую работу. Размышления прервал старшина Рамешкин.

— Товарищ командир, в нашем тылу сосредоточена большая группа войск!

— Финны? — Адельханян потянулся к оружию.

— Вроде нет. Говорят по-русски. — Рамешкин замаялся. — Но форма у них...

— Что за форма?

— Да какая-то не наша. Я такой и не видел.

— Узнайте точно. — Адельханян пошел поднимать роту.

Но тревога оказалась ложной. Через двадцать минут в блокауз ивалились Семен Земелькин и Александр Пронин, с которыми Адельханян заканчивал училище имени Верховного Совета. После бурных приветствий сели ужинать.

— Так вот ты теперь где, — оглядывая блокауз, сказал Пронин.

— Сам видишь. Поставили в дорожно-комендантскую роту, — без смущения ответил Адельханян.

— Белофиннов-то хоть видел? — поддел Земелькин.

— Видел. И смерть наших бойцов тоже.

— Прости, — смутился Семен. — А вот у нас до сих пор настоящего дела не было.

— После того, как часть выпуска направили в Польшу, — начал рассказывать Пронин, — мы попали под Куйбышев* организовывать Финскую народную армию. Теперь можно сказать, что эта задача выполнена.

— И где же армия? — удивленно спросил Артур. Земелькин улыбнулся.

— У нас с Сашей по роте. А вся армия в расположении вашего и соседнего полков заночевала. Утром через ваш участок отправимся в тыл врага.

— Вы что же, целую армию финнов набрали? — в голосе Артура сквозило недоверие.

— Есть у нас финны, есть и карелы, но в основном русские ребята. Будем помогать братскому финскому пролетариату в классовой борьбе. — Пронин говорил уверенно. — Займемся агитационной работой. У нас и листовки, и громкоговорители, и радиоустановка. Думаю, простым финским товарищам надо просто объяснить, что наша цель — освободить их от гнета, установить демократическую Советскую власть...

Адельханян слушал, не возражая, а сам вспоминал слова захваченных в плен финнов. Нет, агитацией их не возьмешь.

— ... Так что, думаю, мы сумеем выполнить боевую задачу, — подытожил Земелькин. — А форма у нас — именно Финской народной армии.

— Будьте все-таки поосторожней, — буркнул Артур. — А сейчас спать. Утро вечера мудренее.

На следующий день Адельханян с удивлением увидел, как мимо них на запад прогарцевали несколько тысяч конников. Они улыбались, уверенные в успехе своей миссии.

«Это ж какой идиот вас сюда на конях послал, — с досадой думал Артур. — Только с дороги свернете, кони вам обузой станут! Хорошо, хоть лыжи выдали...».

Но свои мысли он давно научился держать при себе.

Через пять дней бойцы «Финской народной армии» стали возвращаться назад. На их лицах теперь не было и следа былой самоуверенности — взгляды выражали только растерянность.

Потом они шли массами — без лошадей, без листовок и громкоговорителей.

* Теперь Самара.

Из расспросов Артур узнал, что в тридцатикилометровой зоне их стали трепать шюцкоровцы, загоняя то в реку, то в болото, где красноармейцы становились для метких финнов бездвиженными мишенями.

Земелькин и Пронин погибли.

XIII

Приказ о пленных выполнялся не всегда. Командир взвода Васильев расстрелял снайпера, которого самолично и взял в плен. Накануне тот убил двоих солдат из его взвода и еще двоих ранил — вот нервы и не выдержали.

По законам военного времени за умышленное нарушение приказа Васильеву грозил трибунал. Лейтенанта спасло только вмешательство командира полка подполковника Наградова, который ходатайствовал за Васильева перед штабом армии, полагаясь на рекомендацию командира роты Адельханяна.

А однажды в расположение полка нагрянул сам комкор Чуйков. Неожиданно Адельханян получил приказ явиться на КП полка.

Теряясь в догадках о причине вызова, Артур вошел в помещение и отрапортовал о прибытии.

Чуйков предложил присесть.

— Взгляни, лейтенант, — он указал на карту. — Мороз до полсотни градусов доходит. Озера с протоками промерзли. Финны теперь усиленно охраняют всю ширину фронта, а в направлении юго-запад мы почти не засекли огневых точек. Надо разведать озеро. Может, сумеем через него прорваться?

Заметив недоуменный взгляд лейтенанта, командующий армией сказал:

— Удивляешься, почему я для этого задания выбрал командира дорожно-комендантской роты?

Адельханян не нашелся, что ответить.

— А это тебя член военного совета «сосватал». Когда подбирали кандидатуру на это задание — а учти, оно очень ответственное, ведь если неподготовленными по этому направлению пойдем, куча народу погибнет, — так вот, бригадный комиссар мне сказал: «Василий Иванович, Адельханян — мой воспитанник, ручаюсь, он твое задание выполнит».

Только сейчас Артур заметил сидевшего в сторонке Фурта, бывшего комиссара училища Верховного Совета. Фурт улынулся:

— И подтверждаю: лучшей кандидатуры не найти.

... Даже такие жуткие морозы не смогли заковать озеро в ледовый панцырь. Простукивая лед через слой снега, группа, возглавляемая Адельханяном, на ощупь продвигалась по предательски скрипящей поверхности. Но далеко зайти не удалось: раздался треск, и первая пятерка дружно провалились в образовавшуюся трещину. Артура и еще троих бойцов с помощью, заготовленных на всякий случай, длинных жердей, удалось вытащить, но одного красноармейца все-таки затянуло под лед.

Сразу же вернулись в штаб.

— Подо льдом имеется теплое течение, которое не дает льду схватиться основательно. — Адельханян все еще никак не мог отойти от холодной купели и откровенно стучал зубами.

Начальник инженерных войск армии, ранее предлагавший прорыв именно через этот участок, отнесся к сообщению более чем скептически.

— Такого быть не может! Какое, к черту, теплое течение в озере почти у полярного круга! — Он вошел в раж. — Вы просто трусили! За ложные сведения можно и под трибунал!

Адельханян опешил. Его душила обида. Только усилием воли погасил он закипавшую злость.

— Лед не выдержал. Мы еще мокрые, обсохнуть не успели. — Тут он не удержался и повышенным тоном добавил, — вы думаете, что мы устроили банный день и в обмундировании полезли в ванну? У меня красноармеец погиб...

Комбриг побелел.

— Это саботаж! Я требую...

— Прекратить сейчас же! — Чуйков редко повышал голос, поэтому на команду все отреагировали моментально. В наступившей тишине он продолжил, — лейтенант прав. Такие же теплые течения зарегистрированы и в озере Киянтаярви, которое лежит дальше в направлении нашего удара. А вам нелишне было бы знать, — обратился он к начальнику инженерных войск, — что, к примеру, Исландия расположена почти в этих же широтах, а там из-под земли горячие фонтаны бьют, и называются они гейзерами. Кипяток, между прочим...

Он повернулся к Адельханяну.

— За качественную разведку спасибо. Обязательно представим тебя к награде. Кадровика я уже вызвал.

Купание в озере вышло боком. С жесточайшим воспалением легких Адельханян попал в госпиталь.

XIV

Что на Карельском перешейке, что на вспомогательных направлениях Красная Армия больше чем на 30—40 километров продвинуться не могла. Как водится в таких случаях, начальники стали перекладывать ответственность за неудачи друг на друга. На поиски «виноватого» Сталин прислал главу Политуправления РККА Л.З. Мехлиса, тот считался специалистом по чрезвычайным обстоятельствам.

Лев Захарович Мехлис за дело взялся рьяно. Увидев список представленных к наградам, зло бросил: «Их не награждать, а судить надо». Через некоторое время он доложил Сталину, что главной причиной военных провалов является запущенность политической работы — по тем временам обвинение нешуточное, за ним могла последовать целая серия расстрелов.

Однако Сталин по результатам расследования принял решение довольно оригинальное. Фурт был всего-навсего отправлен в центр, а на место члена военного совета армии получил назначение верный Мехлис, которого такой вариант совсем не обрадовал. Но мнение «хозяина» не обсуждалось...

Новый член военного совета, словно челнок, курсировал по всем частям, устраивая разносы и накачки. Часто бывал на передовой, наведывался и в дорожно-комендантские роты. Разъезжал на плохоньком броневике БА-64, который солдаты между собой называли «гробом» — он был настолько неустойчив, что мог перевернуться и на мелкой кочке.

Труса Мехлис не праздновал, скорее наоборот, показывал полное пренебрежение опасности. Неоднократно его «гроб» попадал под обстрел противника, а однажды на участке роты Адельханяна он угодил в окружение — хорошо, что Артур со взводом охраны подоспел вовремя.

XV

В марте 1940 года после долгих бомбардировок и артналетов советским войскам удалось прорвать линию Маннергейма и развить наступление при явном численном превосходстве. Правительство Финляндии, осознавшее, что на активное вмешательство Запада рассчитывать не приходится, запросило мира. Договор был подписан 13 марта. По его условиям финны

потеряли больше территории, чем требовал Советский Союз перед войной.

13 марта по приказу командующего 9-й армией разом смолкли все орудия и пулеметы на Ухтинском направлении.

Наступила непривычная тишина. Артур слышал шум леса, которого прежде не замечал, увидел своеобразную красоту здешней природы, на которую не обращал внимания, приметил дятлов и белок — а ведь раньше он искал на деревьях только смертоносных «кукушек».

И сюда добралась идущая с юга весна. Снег вовсю таял, многочисленные ручейки размывали всю работу дорожно-комендантской роты, растеклись мосты и затопились гати.

Адельханян с группой воинов направлялся на первую после войны полковую комсомольскую конференцию. Вдруг кто-то заметил вдалеке медленно бредущего лося.

— Вон в нем мяса сколько... — глядя на сохатого, мечтательно проговорил Вахрушев. — Всю роту можно накормить. А давай, командир, я его завалю? Правда, далековато...

— По праву старшего беру выстрел на себя, — сказал Адельханян, чувствуя, как внутри разгорается охотничий азарт.

Он прикинул на глазок расстояние. До лениво перебирающего ногами сохатого было с полкилометра. Но снайперская винтовка подвести не должна. Долго целился и, наконец, плавно нажал на спусковой крючок.

Лось на секунду будто остановился, потом рухнул на бок.

— Ну вы даете, товарищ командир роты! — восхищенно заметил Вахрушев, когда они добрались до огромной туши. — Прямохонько в сердце...

Артур повернулся к нему и вдруг вспомнил падавших под его выстрелами финнов.

Он приказал двум красноармейцам оттащить лося на волокуше из лыж к полевой кухне, чтобы повар к их возвращению «сочинил» что-нибудь вкусненькое.

За последствия охоты Адельханян получил взыскание.

Бойцы с удовольствием умяли свежатину. Ели до отвала. Но после нормированного питания полроты начало страдать животом, а тут в гости пожаловал комполка...

Участь дикого лося разделили «служившие» в армии олени. Ни машины, ни лошади в местные условия не вписывались, поэтому материальные средства подвозились на оленьих

упряжках. Были даже созданы особые военно-транспортные единицы — оленьи батальоны.

После войны эти батальоны расформировали, а оленей пустили в расход.

Расползшиеся дороги полностью отрезали полк от внешнего мира. Заедал гнус. Получив приказ передислоцироваться в Ухту, красноармейцы побросали все тяжелое, в том числе и 45-миллиметровые пушки, — со всем этим скарбом было не выбраться, — и пешим ходом, по колено в грязи, вышли на «большую землю».

МЫ ВЫДЕРЖИМ

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!
Вот жизни смысл, вот боевая речь!
Микаэл Налбандян

I

Весной 1940 года «странная война» на западе Европы закончилась. Поднакопив сил и набравшись решимости, Германия резко изменила баланс сил в свою пользу, причем не поздоровилось и некоторым нейтральным странам. 9 апреля немецкие войска вторглись в Данию и Норвегию. Датчане сложили оружие в тот же день, норвежцы сопротивлялись два месяца. 10 мая вермахт начал агрессию на запад. Голландия капитулировала через четыре дня, бельгийцы продержались еще две недели. В начале мая английский экспедиционный корпус и часть французских войск эвакуировались на британские острова из Дюнкерка, где они бросили всю технику и тяжелое вооружение. 22 июня 1940 года в том же Компьенском лесу, где в ноябре 1918-го маршал Фош принял капитуляцию Германии в первой мировой войне, была подписана капитуляция Франции.

Если Германия занималась агрессией, то Советский Союз называл свои действия «освобождением». В июне 1940 года, когда Германия осуществляла концепцию «молниеносной войны» во Франции, СССР захватил Литву, Латвию и Эстонию. 26 июня Советский Союз передал румынскому послу ультимативное заявление с требованием уступить ему Бессарабию и Северную Буковину. В отличие от Финляндии Румыния предпочла согласиться и отвести свои войска. Теперь немцы получили еще одного союзника в будущей войне.

Гитлер начал бомбежки Англии, но британский флот все еще господствовал в морях, оберегая острова от высадки десантов. В континентальной Европе, кроме нейтральных Швейцарии и Швеции и союзников Германии, независимыми оставались только Югославия и Греция. В апреле 1941-го они тоже были оккупированы.

За небольшим исключением на фашистов теперь работал весь военный и экономический потенциал Европы. Решив, что с англичанами, отсиживавшимися на островах, можно будет покончить позже, Гитлер лихорадочно готовился к войне против СССР. Уверовавший в советско-германский пакт о ненападении, Сталин считал, что имеет в запасе несколько лет, но план «Барбаросса» был уже утвержден.

В июне 1941 года в Европе установилась теплая погода.

II

После финской войны полк, в котором служил Адельханян, перевели в Полоцк, а оттуда в Гомель — в Западный Особый военный округ.

Перемены следовали с калейдоскопической быстротой. Новый нарком обороны маршал С. К. Тимошенко, новые уставы и учения, учения, учения...

Адельханяна вызвали в Минск на совещание командиров отличных подразделений. После официальной части командующий округом генерал армии Д. Г. Павлов беседовал с командирами. Бритоголовый командарм первого ранга вызывал уважение у подчиненных тем, что воевал в Испании. Как танкист, он проповедовал новые взгляды на современные военные действия. Его авторитет подтверждали красовавшиеся на груди два ордена Красного Знамени, три ордена Ленина и Золотая звезда Героя Советского Союза.

Когда очередь дошла до Адельханяна, командарм первого ранга оживился.

— А-а, знаю. В личном деле прочел, что ты окончил училище Верховного Совета. Оттуда много толковых командиров вышло. Помогли ли на финской полученные в училище знания? Как передаешь опыт молодым бойцам?

Адельханян рассказал, что ему пришлось временно перекалифицироваться на командование дорожно-комендантской ротой, но знания по тактике боя на финской тем не менее пригодились.

— Тактика тактикой, но что же, по-твоему, решает исход крупномасштабных боевых операций?

— Выучка и напор! — не моргнув глазом, ответил лейтенант Адельханян.

— Морально-волевые качества и боевые навыки — это вещи неоспоримые, — обратился Павлов уже ко всем присутствующим. — Но в современной войне не победить без новейших технических средств. Поле битвы останется за танковыми и механизированными соединениями...

Командиры знали о «коньке» командующего войсками округа, однако его мнение о главной роли танков в будущей войне не состыковывалось с господствовавшей тогда точкой зрения, которая утверждала, что решающий фактор — политическая сознательность и героизм масс.

Но сказать вслух, что одной сознательностью танк не остановишь, никто бы не решился — даже косвенный намек на критику освященных сверху положений беспощадно карался наркоматом внутренних дел.

III

Сидя на дне рождения товарища в гомельском ресторане. Адельханян с удивлением увидел за соседним столиком комиссара Фурта.

— Порфирий Сергеевич, вот это встреча! — искренне обрадовался Артур. — Снова судьба нас свела!

Фурта пригласили в компанию. Выяснилось, что сейчас он — комиссар корпуса, расквартированного в Гомеле. Буквально после трех рюмок Фурт захмелел и вдруг... прослезился.

— Ты, Адельханян, зла на меня не держи, — по-детски утирая красные глаза рукавом, сказал он. — Вот тебя... не наградили... я в этом не виноват...

Артур был не из стыдливых, но тут смутился:

— Да что вы, Порфирий Сергеевич! Бросьте, не надо! Вы-то здесь причем!

Но корпусной комиссар уже ничего не слышал.

— ... и что людей много погибло... я не виноват... финны укрепились... а мне говорят: атаковать, атаковать... людей-то теперь не вернешь... а мне...

Только теперь Адельханян понял, что Фурт не может простить себе несправедливости войны, бессмысленной гибели

солдат, которых бросали в пекло ради успешных реляций командованию. Он поспешил прийти на помощь Фурту, пока тот не сказал чего-то лишнего.

— Будет, комиссар, будет. Я знаю, вы не виноваты.

IV

16 июня 1941 года Артур Адельхания вместе с другими командирами Западного Особого военного округа приехал в Брест. Им предстояло произвести рекогносцировку прямо на границе, как было указано, — в учебных целях.

Когда вышли к Бугу, увидели на другом берегу реки немцев. Они что-то выкрикивали, проворно снимали штаны и демонстрировали голые задницы.

— Совсем что ли сдурели? — не отрывая взгляда от противоположного берега, сказал капитан Василий Карнаухов.

— Разговоры прекратить! — прошипел в ответ выводивший их на рекогносцировку полковник. — Прекрасно знаете приказ: на провокации не отвечать!

— Но вы посмотрите! — не унимался Карнаухов. — Мало того, что они себя ведут нагло. На том берегу идет явное сосредоточение войск...

Командиры вопросительно посмотрели на полковника.

— Капитан! — старший по званию не был намерен разделять тревогу Карнаухова. — У нас с Германией заключен пакт о ненападении. Да, немцы стараются нас спровоцировать, но мы ни в коем случае не должны давать им повода обвинить нас в нарушении договора. Вы что, не помните позавчерашнего сообщения ТАСС? Там ясно сказано, что Германия не собирается нападать...

Адельхания доводы полковника не убеждали. Подумалось: «В Польше, Дании, Югославии и других странах тоже считали, что немцы на них не нападут, а в результате оказались совершенно не готовы к стойкой обороне. Наверное, бдительность у нас притупилась. Армии прикрытия к границе не подтянуты, занимаются боевой подготовкой в летних лагерях. Не дай Бог, начнется война... Нет, даже думать об этом не хочется».

Пока Адельхания отгонял от себя пессимистические мысли, на наблюдательном пункте появился командующий войсками округа Павлов. Он подошел к группе вытянувшихся по струнке командиров, скомандовал «вольно» и спросил:

— Ну, как оцениваете обстановку?

Упрямый Карнаухов, не обращая внимания на сверлившего взглядом полковника, сделал шаг вперед:

— Товарищ генерал армии! Немцы сосредоточивают войска и занимаются провокациями. Явно подталкивают нас к конфликту.

— А если мы на провокации не поддадимся? — насупился Павлов.

— Все равно нападут.

Командующий округом мрачно посмотрел в сторону границы и сказал:

— Вот и я так считаю. Если провоцируют, значит, ищут формальный повод для нападения. А не будет причины, нападут и так. — Он продолжал тихо, как бы говоря самому себе. — Они-то готовы, мы же — нет. Пропустим первый удар, значит надолго отдадим стратегическую инициативу. Не понимаю, почему Генштаб не разрешает подтянуть вторые эшелоны, развернуть в боевые порядки войска? Ведь рискуем не успеть...

Потом тряхнул головой, словно открешиваясь от сна.

— Будьте готовы. Будьте готовы ко всему.

Через три дня Артур выехал в лагерь Ветрино под Гомелем, где дислоцировался его полк.

Рано утром в воскресенье 22 июня Гомель подвергся бомбардировке фашистской авиации. Появились первые убитые и раненые.

V

Полк, где служил лейтенант Адельханян, с началом войны получил задачу выдвинуться к реке Березине в район Борисова в готовности атаковать прорвавшегося противника. Стоявшие неподалеку в летних лагерях саперы и артиллеристы тоже снялись с места.

Несмотря на бесконечные бомбежки, в полку поначалу царило благодушное настроение, обеспеченное пропагандой, которая утверждала безоговорочную веру в постоянные успехи Красной Армии. Лишь потом стало известно, что даже на самом верху, вопреки сведениям, полученным от разведки, считали, что Германия, подобно Японии, не пойдет больше чем на пограничный конфликт, а если милитаристы все же развяжут настоящую войну, то нет никакого сомнения в революционном выступлении немецкого пролетариата.

Полк двинулся в пешем строю по дороге на Бобруйск и по несколько раз в день подвергался налетам «юнкерсов». В отсутствие нашей авиации фашистские летчики чувствовали себя в небе по-хозяйски уверенно, делали столько заходов, чтобы сбросить весь бомбовый груз и полностью расстрелять боеприпасы. Когда красноармейцы увидели погибших товарищей, благодушие как рукой сняло.

После очередного налета к Адельханяну подошел командир взвода лейтенант Гума.

— Ничего не понимаю. Где наши истребители? С какой стати немцы тут разлетались, ведь до границы далеко? — Гума выглядел ошарашенным. — Политрук вчера говорил, что наши пограничные войска уже должны перенести боевые действия на территорию противника. Что происходит?

— Без паники, Алексей. — Артур прекрасно знал военную доктрину Красной Армии о ведении только наступательных действий, но хорошо помнил недавние сомнения командующего округом. — Доберемся до места, там все скажут.

Шел четвертый день войны.

VI

Движение на дорогах было перенасыщенным, но в нем не ощущалось того деловитого спокойствия, присущего организованному действию. Поднимая облака пыли, проносились штабные легковушки, натужно гудели грузовики, навстречу друг другу нестройным шагом шли разнокалиберные подразделения, но всех объединяло неведение обстановки. Политические работники частей убеждали, что наши крепко потрепали противника на границе, а среди солдат ходили слухи, что немцы подбираются к Минску.

За Бобруйском полк свернул на второстепенную дорогу. Через час впереди раздались выстрелы. Красноармейцы уже по привычке взглянули вверх, отыскивая зловещие очертания вражеских бомбардировщиков, но на этот раз небо было чистым.

Через пять минут по колонне разнеслась весть, что первая рота натолкнулась на диверсантов в нашей форме и после короткой стычки уничтожила их.

— Три человека! — запыхавшись, объявил сбежавший вперед ординарец Адельханяна Владимир Самойленко. — Переоделись, гады, в лейтенантскую форму, сказали, что из штаба округа,

и потребовали, чтобы мы свернули на Рогачев. А документы у них липовые оказались!

— Кого-нибудь живым взяли? — спросил Адельханян.

— Один еще дышит, но от него слова не услышишь — ранение в голову, — ответил Самойленко.

— Жаль. Их информация нам сейчас как бы пригодилась.

Артур покачал головой. Все это ему определенно не нравилось.

VII

Дойти до Борисова полку не удалось. 2 июля западнее Велятичей он был атакован фашистскими танками.

Собственно, боем это нельзя было назвать. Измученные долгим переходом, вооруженные старыми «трехлинейками», не имея противотанковых средств, бойцы полка были попросту сметены бронированными машинами и автоматчиками. Нестройный ружейный огонь не мог повредить танкам, и если бы не близость спасительного леса и надвигавшаяся темнота, этот бой мог стать для наших солдат последним.

Адельханяну удалось вывести роту почти без потерь.

— Двое убитых, шестеро раненых, — доложил старшина роты Завьялов после сверки.

— Где убитые? — спросил Адельханян.

— Остались на дороге.

— Когда стемнеет, похороните ребят. Негоже их так оставлять.

Совещание у командира полка Бойченко было коротким.

— Мы встретили связиста из тринадцатой армии. Он утверждает, что оставлен Минск. Противник атакует подвижными танковыми и механизированными соединениями и имеет численное превосходство. Связи со штабами нет. В данных условиях важно сохранить полковое знамя и вывести полк на соединение с войсками второго эшелона. Будем выходить на северо-восток к Орше.

Адельханян прекрасно понимал командира полка. Потеря знамени означала расформирование части и военный трибунал для ее командования. Но вот так безропотно бежать? Ведь комполка ни словом не обмолвился о каких-либо боевых действиях. Нет, они не позволят фашистам совершить легкую прогулку по своей земле!

VIII

Однако принимать бой днем было равносильно самоубийству. На открытой местности всеми преимуществами владели немцы. В воздухе постоянно барражировали их бомбардировщики и истребители, которые не считали зазорным гоняться даже за одиночными бойцами (позднее Артур узнал, что подавляющее большинство наших самолетов было уничтожено на аэродромах в первый день войны, а командующий воздушными силами округа застрелился). Встречались им только крупные силы гитлеровцев, к тому же танки...

Но однажды старшему лейтенанту Адельханяну довелось познать первый успех.

Южнее Толочина набрали на деревеньку. Артур с ординарцем устремились в местный магазин — сухой паек был давно съеден, а кормить бойцов надо.

У прилавка стояла молодая девушка. При виде красноармейцев она демонстративно фыркнула, уселась на стул и раскрыла старую газету.

— Девушка! Нам бы съестного чего-нибудь? — приосанившись, начал Самойленко. Увидев, что его слова не вызвали никакой реакции, он продолжал, будто задабривая. — Мы не просто так, а за деньги, понимаем, что магазин...

Взглянув на смятые купюры, девушка процедила:

— Эти бумажки нам незачем. Давай немецкие.

Самойленко оторопел. Еле сдерживая нахлынувшую злость, Артур произнес:

— Ты, наверное, комсомолка...

И тут продавщица взорвалась. Швырнув на пол через прилавок комсомольский билет, она чуть не завизжала:

— Из-за этого комсомола я погибать не хочу! А вы, если уж драпаете, так хоть на глаза не попадайтесь! Тошно!

Адельханян не знал, что ответить. В этот момент в раскрытую дверь вбежал Гума:

— Немцы!

За деревней рота наткнулась на оставленные кем-то траншеи. Позиция была выгодная. Артур прикинул, что, если силы будут хотя бы примерно равны, ее можно удержать, а потом и атаковать. Одна беда — маловато осталось патронов, ведь ни о каком снабжении боеприпасами не могло быть и речи. Он спросил:

— Сколько немцев?

Гума на секунду задумался:

— Человек двадцать на мотоциклах и три машины с пехотой. Танков нет.

«Драпаете» — вспомнил Артур слова продавщицы. Сейчас посмотрим, кто будет драпать. Он отдал приказ:

— Занять траншеи и приготовиться к бою!

Когда мотоциклисты были уже рядом, а грузовики развернули свои бока, он скомандовал:

— Огонь!

...Им удалось обратить немцев в бегство! Как не хватало в эти дни именно такого ощущения — что немецкий солдат тоже человек, и его можно бить!

— Что делать с этими? — указал на четверых стоявших с поднятыми руками фашистов комзвода Анатолий Смирнов, с которым Адельханян воевал еще на финской.

— Таскать с собой мы их не можем, сами в полуокружении. Отпустим — значит они снова будут убивать наших солдат и насиловать женщин.

Глядя Смирнову прямо в глаза, Адельханян коротко бросил:

— Расстрелять.

Горели брошенные фашистами машины, а бойцы уже рассматривали трофейные автоматы.

— Годится! — сказал Самойленко. — Правда, калибр у них другой, но ничего, патронов к ним мы еще наберем!

Боеприпасы появились после ночной атаки на расквартировавшихся в другой деревне фашистов. На следующий день почти у каждого бойца роты за плечами висел немецкий автомат. Ценным приобретением стали и топографические карты местности — у нас, как и в польскую кампанию, командирам рот они не выдавались.

IX

Рота передвигалась лесами, либо, при отсутствии немцев, по грунтовым дорогам. Связь со штабом полка и другими его подразделениями была потеряна. Это, конечно, осложнило обстановку, но Артур был твердо уверен, что все равно выберется к нашим основным частям, ведь должны же войска второго эшелона остановить врага.

А сейчас складывалось впечатление, что немцы были повсюду. В роте начался разброд. Некоторые бойцы уходили самовольно, и удержать их не было возможности. После каждого привала взводные докладывали об исчезнувших солдатах.

Зато в тех же лесах встречали разрозненные группы красноармейцев, которые примыкали к ним. Старшина Завьялов не успевал заносить в ротный «гроссбух» фамилии новичков и зачеркивать ушедших. Временами под началом Адельханяна оставалось сорок человек, а через день рота могла насчитывать сто пятидесят бойцов.

Некоторые уходили из-за боязни за собственную жизнь, надеялись добраться до дома, а там уже их как гражданских лиц — такой был расчет — немцы трогать не будут.

Другие просто устали пробиваться к своим и предпочитали остаться в лесу с оружием в руках.

Адельханяна очень опасался, что среди ушедших отыщется предатель, который укажет немцам на их отряд, но обошлось.

... К вечеру добрались до очередной деревеньки. Адельханяна послал двух бойцов разведать обстановку. Через час лейтенант Смирнов доложил, что они не вернулись.

— Но и выстрелов слышно не было, — добавил он.

Другие два солдата исчезли точно так же. «Нсужто засада? — подумал Адельханяна. — Уходить? Но люди страшно устали... Придется самому посмотреть».

Ни в первой, ни во второй хате никого не было. На стук в окно из третьего дома вышла женщина лет сорока, глянула тусклым взглядом и завела в избу.

Осмотрев замызганных и истрепанных старшего лейтенанта и его ординара, женщина спросила:

— Из окружения выбираетесь?

Адельханяна кивнул и, в свою очередь, спросил, не видела ли она его бойцов. Крестьянка поправила платок и сказала:

— Через деревню теперь много вашего брата идет, все одинаковые — грязные, небритые, усталые...

Выйдя из хаты, Адельханяна решил пройти на другой конец села, ближе к лесу. Из крайнего сарая доносился гомон голосов. Осторожно подобравшись к двери, они с Самойленко обнаружили в просторном хлеву человек десять гражданских, по виду больше похожих на жителей города.

— Мы из Смоленска, — выступил вперед один из них. — К родственникам перебрались от греха подальше.

— А что, немцы уже там? — у Артура потемнело в глазах.

— Нет, но вы так быстро... — горожанин замялся, пока не нашел слово помягче — ... отступаете, что со дня на день можно ждать незваных гостей.

— В последние часы солдат не видели?

— Видели, — ответила сидевшая на узлах женщина. — Двое, потом еще двое. Они с Иванычем, хозяином нашим, в сторону леса ушли.

Не успел Артур выкурить самокрутку, как к сараю подошел старичок с ладной бородкой.

— Тю, ишшо двое! — удивился он. — Чой-то вы парами расходились. Вам тоже надоть лесну дорсгу показать, шоб на немцев не набрести?

— Лучше сначала скажи, папаша, можно ли в деревне переночевать. Нас человек сто будет.

— Отчего нет, место найдем. Погодь, — старик глянул за околицу. — Эвона, скоро стемнеет — заходите. Немчура ночами-то ходить боится.

Х

После очередной ночной атаки на фашистов Адельханяну надо было срочно пристроить куда-то пятерых раненых.

— Понимаете, — поправляя сбивавшиеся с носа старомодные роговые очки, говорил фельдшер Аркадий Гинин, — если мы их будем тащить по лесу, они наверняка погибнут. Их нельзя трясти, они нуждаются в чистоте и уходе...

Возле Росева вошли в деревню. Адельханян спросил у подошедшей женщины, можно ли здесь оставить раненых.

— Одного ко мне в хату, а других я покажу, куда устроить, — с готовностью отозвалась она.

Артуру такая расторопность показалась подозрительной.

— Покажете?

Уловив в голосе недоверие, женщина усмехнулась:

— Эх, лейтенантик! У меня самый сын в армии — может, и ему кто поможет. А раненых твоих определим в семьи, где мужья или дети тоже в солдатах.

В разговор вмешался Смирнов:

— Дозорные докладывают, что в деревню движется немецкая колонна.

Женщина с жаром заговорила:

— Не стреляйте, солдатики! Если начнется пальба, то после того, как вы уйдете, немцы село сожгут и поубивают всех до единого!

Заметив, что военные растерянно переглянулись, она добавила:

— Не беспокойтесь, мы вас так спрячем, что они нипочем не найдут!

Действительно, с помощью местных жителей через пять минут красноармейцы словно растворились: большинство укрылось в подвалах и погребах, остальные — в скирдах солом.

После короткой остановки немцы покинули село.

— Идите лучше лесом, а то не ровен час на фашистов нарветесь, — напутствовала их та же женщина. Вытирая слезу, она напоследок обратилась к Артуру. — Солдатиков твоих мы выйдем, не сумлевайся. А вы уж поскорей немцев разбейте...

XI

С первых же дней войны политработники армии устрашали, что немцы без суда и следствия расстреливают коммунистов и командиров: расчет был на то, что люди теперь будут от безысходности стоять насмерть. Однако иногда это приводило к прямо противоположному эффекту, и в тяжелой боевой обстановке некоторые командиры и политработники снимали с себя нашивки в надежде просто выжить.

Полковой уполномоченный Особого отдела старший лейтенант Новожилов с подозрением глядел на каждого младшего командира, заводил «разведывательные» беседы, а то и впрямую спрашивал командира, не собирается ли тот сдать врагу. Однако после первых стычек с фашистами оказавшийся при роте Адельханяна «опер» призадумался и затих.

Как-то к вечеру, когда отряд отдыхал в лесу перед ночным маршем, Смирнов с дозорными привел к командиру роты Новожилова... в форме рядового красноармейца.

— Вот удрать хотел, сука! — Смирнов с ненавистью посмотрел на особиста.

Полковой уполномоченный начал с возмущения:

— Как вы смеете! Вы вообще не имеете права меня задерживать! — Но увидев, что номер не пройдет, «опер» перешел на оправдания. — Вот вешмешок, в нем моя форма. Она порвалась, я просто хотел ее подшить...

— Поэтому переоделся и потихоньку пошел подшивать подалее от всех? — зло прищурился Смирнов, потом остановился и плюнул. — Контра он.

У Артура внутри все кипело. Человек, который выискивал среди них предателя, держал на подозрении всех и каждого,

сам оказался обыкновенным трусом. Глядя на сникшего Новожилова, он произнес с расстановкой:

— Расстрелять тебя я, к сожалению, действительно не имею права. Но мы обязательно попробуем к своим, и тогда я с удовольствием передам тебя в твой же Особый отдел, где решат, что с тобой делать.

Ближе к утру Новожилов сбежал.

XII

Но все когда-то заканчивается, закончился и этот выход из окружения.

Они выбрались к Днепру, а там уже увидели своих. Все направлялись на север, к Орше, и отряд Адельханяна в составе восьмидесяти трех бойцов влился в общий поток.

У моста их встретила группа старших командиров. После краткого доклада и проверки документов отряд препроводили через Днепр.

В группе генералов Адельханяна узнал бывшего наркома обороны маршала С.К.Тимошенко. Артур вспомнил, как увидел нового командующего Западным фронтом на Березине, где тот останавливал отступающие разрозненные группы и пытался организовать оборону. Тогда сделать это не удалось. А сейчас?

12 июля рота Адельханяна вместе с другими такими же подразделениями получила задание удержать участок на Днепре, севернее Орши. «До последнего патрона, до последнего бойца — как хотите, но удержите позицию. Надо обеспечить переправу главных сил, техники и транспорта. Отвечать будете головой!» — вспомнил Артур короткое напутствие командующего 20-й армией генерал-лейтенанта П.А. Курочкина.

Выдвинувшись на позицию, Адельханяна оценил обстановку. Хоть Днепр здесь и узкий, при огневой поддержке артиллерии держаться можно, если только противник не подавит их числом и техникой.

Имевшие боевой опыт уже научились науке выживания. Если черные точки бомб падают с самолетов, летящих прямо над головой, можно быть спокойным: упадут они далеко. Под минометным огнем продвигаться вперед ничуть не опаснее, чем оставаться на месте. Если слышишь звук пролетающего снаряда, значит, он тебя не заденет. Танки чаще всего дают именно бегущих от них — лучше найти незаметное укрытие

или попасть под танк между его гусеницами, тогда танк проедет, а ты останешься цел. Словом, треть роты Адельханяна знала простые, но спасительные солдатские уловки, а это давало уверенность в том, что их не так-то легко убить. Остальным предстояло увидеть бой впервые.

Первый, не особенно подготовленный наскок фашистов они отбили успешно. Красноармейцы оценили некоторые преимущества нашей старушки-«трехлинейки» перед немецким автоматом: в отличие от него из винтовки можно было вести прицельную стрельбу на большом расстоянии.

Следующие атаки предварялись налетами авиации и артиллерийской подготовкой. В тот день Адельханян насчитал шесть попыток прорыва, которые они отбили чудом. Особенно беззащитными чувствовали себя бойцы при бомбардировках, ведь подготовить настоящие укрытия они не успели.

Ночью немцы сделали перерыв. Они вели войну «по правилам», в определенном режиме, будто методично и целенаправленно исполняли какую-то работу.

Выставив часовых, отсыпались и наши.

Наутро, словно по расписанию, над оборонительными позициями зависли «юнкеры», потом последовательно заработала вражеская артиллерия. Казалось, после того как земля дрожала и вставала на дыбы, здесь не должно остаться ни одного защитника левого берега. Но как только фашисты предприняли новую попытку преодолеть Днепр, раздался нестройный хор ружейных выстрелов, заработал пулемет, ожили 45-миллиметровые пушки противотанкового прикрытия, и враг снова был отброшен от переправы, где вода klokотала от падающих снарядов, как крутой кипяток на огне.

Только сейчас Артур почувствовал острую боль. Ему показалось, что все кончено, что он убит... Но, когда открыл глаза и пошевелил головой, почувствовал не смерть, а только страшную физическую слабость, сухость во рту и онемение в левой руке и плече. Кричать и звать на помощь нельзя, чтобы не вызвать панику. Значит, терпи, казак...

В полковом медпункте кипела работа, со всех сторон прибывали раненые. Врачи в забрызганных кровью белых халатах не успевали ампутировать раздробленные конечности, извлекать пули и осколки, резать и зашивать.

Немного посидев в стороне, Адельханян дождался своей очереди. Когда из плеча вытащили осколок, обработали и забинтовали рану, он поднялся и пошел.

— Старший лейтенант! Вы куда? — молоденькая медсестра с округлившимися глазами подбежала к нему и неловко ухватила за рукав. — Вас на госпитализацию!

— Их на госпитализацию, — кивнул Артур в сторону тяжело раненных, — а я еще могу двигаться и стрелять. Если бы не убило нашего храброго фельдшера Аркашу Гинина, вообще бы к вам не пришел.

— Но вы обязательно должны ходить на перевязки! — крикнула девушка ему в спину.

Он не обернулся.

Тот день был самым тяжелым. К вечеру в строю в роте осталось двадцать два человека.

— Артур Исаевич, ты бы прилег. — Самойленко, показывавший удивительное хладнокровие в жестоком бою, оставался заботливым ординарцем.

— Нам пополнение прислали, тридцать пять человек, — усмехнулся Адельханян, не заметивший, что Самойленко обратился к нему по имени-отчеству, а не по форме. — Размещу бойцов, посты проверю, тогда можно и поспать.

К их удивлению, немцы утром в атаку не пошли. Либо они рассчитывали на то, что наши просто оставят позиции и отступят (а если учесть, что к тому времени противник уже прорвался южнее и севернее Орши и глубоко охватил 20-ю армию с флангов, то этого можно было ожидать), либо просто накапливали силы для решающего броска. В бинокль было видно, как открыто, по-хозяйски, сосредотачивают немцы войска и технику для переправы через речку Оршицу. С тревогой оглядев свой участок, позиции соседей справа и слева, старший лейтенант Адельханян ясно понял, что без поддержки они долго не протянут.

Во второй половине дня, видимо, зная об ослабленности наших передовых рубежей, немцы начали переправу. Адельханян уже приготовился к неравному бою, как вдруг через головы наших бойцов в скопление войск противника полетели огненные снопы, послышался страшный грохот. Оглянувшись, Артур заметил, что «снопы», вызвавшие зарево пожаров перед их глазами, вылетают со стороны Орши.

Это был первый залп качественно нового вида артиллерии, использующего реактивные снаряды. Установки Отдельной экспериментальной батареи капитана Флёрова, сеявшие панику у немцев, наши бойцы потом любовно окрестили «катышами».

На переправе творилось что-то страшное. Самоуверенность немцев, посчитавших, что больше нет нужды как-то маскировать свои маневры, убежденных, что Красная Армия разбита и не способна на какие-то активные действия, эта самоуверенность привела к катастрофе. На переправе царил ад. Огненный вал накрыл понтоны, машины, танки. Через окуляры Артур видел среди пляшущих клубов дыма и взмывавших вверх комьев земли мечущиеся фигурки немцев.

Поначалу красноармейцы сами вжались в окопы, решив, что начался вражеский артналет, потом с нескрываемым удивлением глазели на зарево разрывов.

В траншею позади Артура обессиленно свалился сержант и, не переводя духа, выкрикнул:

— Я связной из штаба! Приказ — в контратаку!

Адельханян деловито поправил пилотку и гимнастерку, встал в полный рост и, набрав в легкие воздуха, крикнул:

— За Родину — вперед!..

Все ушелевшие на этом берегу немцы были в таком шоке, что не смогли оказать какого-нибудь сопротивления.

Впервые за долгое время на лицах красноармейцев появились улыбки. Даже то, что они потом спешно покидали Оршу, стараясь избежать окружения, не смогло омрачить их радость. Есть и у них техника! Найдется у страны, чем бороться против вражеских бронированных армий!

XIII

У моста через Днепр Адельханян увидел маявшихся в не решительности саперов. Приказав роте остановиться, подбежал к ним:

— Кто старший? Почему не взрываете?

Навстречу вышел лейтенант лет двадцати пяти.

— погоди бучу устраивать. Видишь старика? — Он указал взглядом на стоявшую к ним спиной фигуру. — Инженер, который этот мост строил. Попросил, чтобы дали взорвать самому.

Мужчина, стоявший перед ними, оглянулся. Строгий гражданский костюм облегал еще крепкие плечи, но совершенно седая борода и испещренное морщинами лицо говорили о том, что их обладателю никак не меньше семидесяти пяти. Артур заметил, что щеки старика были мокрыми, но голос оказался на удивление молодым и твердым:

— Это мое детище, сотворенное по классическим канонам, согласно всем законам архитектуры. Это мое детище, но я сам предаю его разрушению, чтобы не воспользовались им враги земли нашей.

Через минуту последовал взрыв.

XIV

Они снова отступали. Цеплялись за каждый естественный рубеж: речку, лесок, высотку, хоронили погибших товарищей, обливались кровавыми слезами — но отступали, оставляя родную землю под фашистским сапогом.

На восток по асфальтовым и грунтовым дорогам вместе с ними уходили люди, забирая с собой только самое необходимое. Привычно бросались врассыпную по обочинам при налетах авиации, молча снова собирались в путь и шли, чтобы не жить в своих хатах под оккупантами. Только по краям дороги вырастали могильные холмики с прибитыми наспех дощечками: «родился... — погиб... июля 1941 года».

Рота, если ее еще можно было так назвать, вновь двинулась через леса. Приобретенный прежде опыт позволял лучше приспособиться к боевым действиям в таких условиях. Ночами атаковали беспечно спавших немцев. Во время одного из таких налетов рота вывела из строя около тридцати солдат противника, сожгла несколько автомашин, взорвала четыре орудия и одну зенитную установку.

Днем из леса увидели на грунтовке наш тяжелый танк «КВ» и с радостью бросились к нему. Из люка вылез механик-водитель.

— Что, пехота, партизаните? — мрачно пошутил он. — На борт не возьму, все не влезете.

— Где командир экипажа? Поговорить надо, — сказал Артур.

— И командир, и остальные трое контужены, я один целый остался.

Только сейчас красноармейцы заметили огромные вмятины на бортах «КВ» («Климентий Ворошилов») — видно побывал танк в хорошенковой передраге. Механик-водитель оказался словоохотливым.

— Вчера к вечеру мы с четырьмя ихними танками сцепились — так, мелочь пузатая, легонькие. Только одному в башню залепили, ка-ак нам в борт садануло. Вижу, мои боевые

товарищи ничего сделать не могут, поскольку контужены, а я без них все равно что трактор, только кататься могу, а стрелнуть — никак. Хорошо, оторвался от гадов. — Танкист нашел взглядом Артура. — Так что подскажите, товарищ старший лейтенант, догону ли я наших? У меня еще запас хода километров на пятьдесят...

— Жми на северо-запад, там через железнодорожное полотно, у Гусино выедешь на асфальт.

— Ну вот и ладненько! — механик-водитель повеселел. — Там горючим разживусь и ребят своих в медсанбат передам. — Он немного смутился. — Могу взять на борт человек десять, больше никак не поместится...

— Спасибо, не нужно, — покачал головой Адельханян. — Нам сейчас распыляться незачем.

Артур поглядел вслед взревелим моторами «КВ» и подумал: «Наших легких «БТ» и «Т-26», горевших факелами, я видел много. А почему так мало средних «тридцатьчетверок»? Почему так мало тяжелых «КВ», которых даже в борт снаряды не берут?»

В другой раз, уже возле Архиповки, столкнулись с легковыми машинами. Из одной выскочил высокий капитан и, размахивая руками, направился к ним. На всякий случай бойцы приготовили оружие — в последнее время даже в глубокий тыл забрасывалось множество диверсионных групп в форме офицеров и солдат Красной Армии. После взаимной проверки документов капитан спросил, как выйти к основным силам, и посетовал:

— Мы — штаб механизированного корпуса. Должны были выдвинуться сюда, но отмотилизоваться даже не успели, пункт формирования захвачен противником. Вот только штаб и остался.

XV

Когда они, обойдя уже занятый немцами Смоленск, наконец, прорвались к своим, роте поручили оборонять броды на Днепре возле Радчино.

Здесь Днепр был не только узок, но и неглубок, однако машины все равно пройти по бродам не могли. Водители, рискуя проехать через реку, бросали застрявшие в илистом дне машины, другие просто оставляли транспорт на западном берегу. По крышам стоявших в воде машин на левый берег Днепра переправлялись люди.

Рота насмерть стояла на своей позиции, отбивая яростные атаки немцев. В минуту затишья к отдыхающим бойцам прибежал политрук Сергей Кузьмин.

— Ребята! Товарищи!

Лицо его излучало такую радость, что Артур ненароком подумал: «Неужели война кончилась?..»

— Ребята! Сейчас я вам зачитаю номер газеты «Правда» за девятое августа.

Только теперь Артур заметил в его руке скомканную газетную страницу. Торопливо разгладив ее, Кузьмин стал читать:

«В ночь с седьмого на восьмое августа 1941 года группа наших самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила зажигательные и фугасные бомбы над военными объектами в районе Берлина. В результате бомбежки возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолеты вернулись на свои базы без потерь».

Красноармейцы на все лады стали обсуждать сообщение.

— Так им, гадам, и надо!

— Пусть теперь попробуют лиха!

— Значит, смогли прорваться и дать жару! Артур подумал: «Бойцы снова улыбаются, у них поднимается настроение, ответственно, будут лучше воевать. И так хочется верить, что мы уже сейчас можем ответить. Жили берлинцы спокойно, так нет же, захотелось полететь к нам — получите такие же «подарочки» по полной программе!»

XVI

После следующей атаки немцев пулевое ранение в руку получил Владимир Самойленко.

— Повезло, кость сломана, но не раздроблена. Надо в санчасть, — констатировал заменивший Гинина бывший участковый терапевт Тесленко.

— Ничего, ординарец, — ободрял Адельханян приунывшего Самойленко. — Отлежишься в госпитале, зашьют, заштопают, косточки срастят, потом снова ко мне, вместе будем фашистов бить.

— Эх, товарищ старший лейтенант! — вздохнул ординарец. — Как вы тут без меня?.. На рожон не лезьте без надобности, а то больно горячий... А, ладно! Скоро вернусь!

Положение на оборонительной полосе оставалось тяжелым. Усугубляло ситуацию отсутствие боеприпасов. Иногда при-

крывавшие их артиллеристы перед атакой немцев имели два-три снаряда на расчет, да и в роте бывало по пятнадцать патронов на брата.

— Чем воевать? — набрасывался Адельханян на старшину, который годился ему в отцы, после того как очередной подвоз оказался особенно скудным.

— Патроны нам не выделили, — нахмурившись, сказал старшина. — Бричку, которая к вам вчера снаряды везла, разворотило напрочь.

Через несколько дней их сменило другое подразделение. Адельханяну объявили, что он должен с ротой направиться к Царево-Займище, знаменитому месту ставки Кутузова перед Бородинским сражением, — на формирование. Их зачислили в 29-ю армию.

XVII

В Сафяново он заскочил в госпиталь — узнать, как там Самойленко. После долгих расспросов медсестра, испуганно глядя на него, сказала:

— Их поездом вчера отправили в тыл...

Артур повеселел.

— Что ж ты приуныла, сестричка? В тыл — значит, скоро поправится!

Женщина в белом халате замялась и добавила:

— Этот поезд... разбомбили...

Артур испытал настоящий удар. Как же так? Ведь это они остались на передовой, они выдерживали тяжелые атаки противника, они находились под обстрелом и постоянно рисковали быть убитыми. Володя Самойленко получил ранение, но вместе с ним и шанс уехать в тыл, вырваться из этого крошечного ада в настоящий рай — туда, где в тебя не стреляют, где можно поест спокойно, без артобстрела, где есть вода, мыло и чистое белье, где можно вдоволь поспать, где можно увидеть родных и близких людей. А теперь вместо всей этой забытой уже мирной жизни сержант Самойленко сгорел в покореженном от взрыва вагоне...

Чтобы как-то смягчить боль, он решил написать домой.

О, эти солдатские письма! Нежно сложенные треугольниками с аккуратно надписанными адресами — матери, отцу, братьям и сестрам, любимой девушке... Солдату нужно, ему хочется писать письма. В этих нечеловеческих условиях, где вокруг

только кровь и смерть, то доброе, что осталось в душе, выплескивается на бумагу.

В карманах убитых солдат, когда собирали документы после боя, всегда находили неотправленные письма. Это была их незримая связь с домом, их надежда не сойти с ума. Хотелось сказать очень многое и очень важное, но карандаш выписывал обычные слова, в которых сквозила тоска о доме, выражалась уверенность в победе и непременном возвращении.

Письмо Артура от других не отличалось.

«Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, брат Нерсес, невестка Ншхун! Очень соскучился по вас.

Спешу сообщить вам, что у меня все нормально, жив и здоров, чего и вам желаю. Как вы там? Как поживают наши родственники, наш город?

Мы пока с тяжелыми боями отступаем, но, я уверен, скоро остановим фашистскую нечисть и погоним ее с нашей земли. После ночи всегда наступает день. Я еще не знаю когда, но победа обязательно будет за нами.

Как там в Тбилиси Серпун и Нвард? Какие известия от Агаси и Вагана? Передавайте привет сестричкам, а также всем родным. Поцелуйте племянников.

Я обязательно вернусь.

До свиданья. Ваш Артур».

Он задумался. А вернется ли? За последнее время он видел много смертей, но зачем думать о своей. Ему всего двадцать пять лет. Пусть случится то, что случится, но труса праздновать он никогда не станет. Если уж суждено погибнуть, смерть надо принять достойно. И самое главное, он считает эту войну своей. Он защищает мать, отца, братьев и сестер, он защищает своих родных, друзей, свой город, свою улицу, свой дом. И погибнуть за них не зазорно. Он сложил письмо в треугольник и положил в нагрудный карман.

XVIII

Фашисты наступали, а ввязываться в бой рота не могла из-за нехватки боеприпасов. Возле Дорогобужа набрили на армейский склад, но воспользоваться им было невозможно, там хранились только снаряды. Адельханян приказал взорвать арсенал, чтобы он не достался немцам.

Постоянное отступление с висющим на плечах противником вновь привело к тому, что настроение у бойцов упало. Любое

слово воспринималось с раздражением, мат стал обычной формой общения. Ругали немцев, заставлявших отступать, поносили руководство за неумение дать организованный отпор врагу.

Но все же больше красноармейцы молчали, погруженные в свои мысли. Иногда молчали от бесконечной усталости, от ощущения собственной обреченности. Молчали в ответ на жалостливые взгляды крестьянок, в ответ на гневные обвинения в том, что они не могут остановить германца. Молчали, когда под нос им подносили фотокарточку и спрашивали, не видели ли они сына, мужа, брата, отца.

Бойцы потеряли ощущение времени, не знали, какое сегодня число или день недели, а впрочем, это никого не интересовало. Кто-то с сосредоточенным остервенением, кто-то с бесконечной апатией — они уходили на восток с желанием выжить, добраться до места, где они смогут отдохнуть, набраться сил, а потом... Потом все должно стать по-другому.

Адельханян обнаружил, что где-то потерял полученные за переход через Арагац часы. Огорчаться не было сил. Да и не все ли равно, который теперь час?..

XIX

Начались дожди. То, что когда-то именовалось грунтовой дорогой, превращалось в грязевое месиво, в котором застревала даже сверхпроходимая техника. Люди плечом помогали увязшим машинам и обессиленным лошадям, вытаскивая из жидкой земли лафеты орудий и буксующие колеса грузовиков.

Это чудо, но почта продолжала работать четко. Артур вспомнил строчки из полученного недавно письма Агаси, воевавшего в Крыму.

«В эту тяжелую минуту радуюсь тому, что в случае моей гибели останется сын, продолжатель рода. А ты, Артур, должен остаться живым, жениться и растить детей.

У нас бойцы не обучены элементарным правилам ведения войны в горных условиях, хотя большинство из здешних мест. Вот и обучаем их прямо в бою. А здесь есть своя специфика. Например, уничтожить врага можно и без применения огнестрельного оружия, умело создавая каменный обвал. Боеприпасы и продовольствие нам доставляют специально созданные ишачьи роты — ослы очень выносливы и неприхотливы, к тому же представляют собой меньшую цель, чем лошади. Тем более

коней уже нет — не было пищи, пришлось их съесть. Вот так и воюем.

Отступаем на Новороссийск, ведем бои от рубежа к рубежу. С каждым днем нас становится меньше, пополнения не видно. Говорят, что создается мощная оборонительная линия в тылу, которая задержит немцев...»

А Ваган, командир взвода разведки, между делом сообщил, что награжден орденом Отечественной войны II степени за захват «языка». Он тоже в Крыму. И приходится им тяжело.

Артур вздохнул. Что ж, он тоже пока только отступает.

Рота выбралась на шоссе и влилась в уныло неоглядную колонну отступающих войск. Под серым, противно морозящим небом шли голодные, невыспавшиеся, обозленные и почти деморализованные, но все еще непобежденные солдаты, которым много лет внушалась мысль о «несокрушимости и легендарности» Красной Армии. Но «солдатский телеграф» уже разнес весть об уничтожении и пленении наших кадровых дивизий и отборных корпусов, они своими глазами видели подавляющее преимущество противника в танках и самолетах и беспрестанно задавались одним и тем же вопросом: почему?

В предраассветном тумане возглавлявший роту Адельханян рассматривал странные формы плетущейся перед ним легковушки: мало того, что она была с открытым верхом, так еще на багажнике блестела какая-то непонятная эмблема. И вдруг Артур разглядел горизонтально распластавшего крылья орла. Недоуменно оглянувшись, он убедился, что все это не сон: позади по-прежнему шагает его рота, впереди за легковушкой тоже бредут красноармейцы.

Зайдя сбоку, Адельханян увидел спавшего на заднем сиденье немецкого офицера и уже испуганно озиравшегося по сторонам шофера. Он направил автомат на перепуганного водителя и, призвав на помощь все свои познания в немецком языке, который изучал еще в школе, тихо произнес:

— Хальт.

Машина остановилась, как вкопанная. Подошедшие красноармейцы взяли за горло сонного офицера. Он начал что-то говорить надменным тоном, выказывая явное неудовольствие тем, что его так беспардонно разбудили. Подоспевший через минуту майор перевел:

«Нам сказали ехать на Москву, не оглядываясь, препятствий уже нет. Красная Армия разбита. Москва занята доблестными немецкими войсками».

— Врешь, гнида фашистская! — закричал стоявший рядом с Адельханяном боец. Опешивших немцев выволокли к обочине и изрешетили пулями.

Адельханян, как и другие бывшие там офицеры, и не подумал остановить скоротечную казнь. Он вспомнил Самойленко, других погибших товарищей. Ненависть была настолько велика, что для ее утоления теперь требовалось много вражеской крови.

XX

Как Артур понял только потом, в расположение 29-й армии они попали каким-то чудом. В результате первого осеннего наступления немцы продвинулись на 200—250 километров к Москве, сразу пять наших армий попали в окружение. Их 29-я армия отходила с тяжелыми боями и в начале ноября заняла оборонительные позиции чуть южнее Торжка.

7 ноября в Москве, как обычно, состоялся парад. Все участники с Красной площади отправились прямо на фронт. Одними из первых шествовали курсанты училища имени Верховного Совета РСФСР.

ДЕРЖАТЬ ПОЗИЦИЮ

Наша доля весны под снегами ослепла,
Наша доля весны не воскресла из пепла.
Мы остались лежать,
Где упали когда-то,
И осталась лишь память живой от солдата.
Наша доля весны, наше синее небо
Там, в окопах, остались, у мертвого снега!
Ашот Граши

I

— Ты думаешь, мы их здесь остановим?

Петр Семин посмотрел в глаза Артуру. Только что закончилось совещание у комбата, где командирам рот определили боевые задачи. Они сводились к тому, чтобы использовать в обороне каждую естественную преграду, каждый овраг, холмик и кустик. О каком-либо усилении людьми или техникой, о подходящих резервах комбат не говорил.

Адельханян понял, что Семин ищет у него моральной поддержки. Последний месяц их роты дрались бок о бок, вместе отступали. А на фронте дружба может возникнуть за один день — да что там! — за один бой. Между командирами рот сложились доверительные отношения, они могли поделиться мыслями, которые опасно высказывать кому-нибудь другому, иначе можно оказаться в лапах особистов. Артур ответил честно.

— Не знаю, Петя. Каждый раз, когда мы цепляемся за какой-то рубеж, я думаю, надеюсь: все, гады, дальше мы вас не пропустим. Потом опять бомбежка, артобстрел, и прут танки. Гибнут товарищи, и в какой-то момент с горечью осознаешь, что желание — это одно, а силенок-то маловато. Если б у нас было хоть три четверти их количества танков... нет, хотя бы противотанковых орудий да боеприпасов вдосталь — мы бы их не пустили.

Семин нахмурился и посмотрел в огонь печки. Ротная землянка была устроена за холмом, в низине, но разжигать огонь разрешалось на передовой только в безлунные ночи, чтобы противник не накрыл красноармейцев тяжелой артиллерией — тут уж и три наката могут не помочь.

Хоть отрыта была землянка по всем правилам, с уклоном к выходу, чтобы внутри не проникала вода, пол и стены проливали промозглой сыростью. Начало ноября 1941 года выдалось холодным, снег на поверхности уже не таял, и лужи, и даже неспешные местные речушки подернуло льдом.

— Не унывай, старлей! — сказал товарищу Артур. — Я думаю, отсюда мы все-таки отступать не будем.

Семин встрепенулся и посмотрел вопросительно. Адельханян начал обосновывать свою точку зрения.

— Да, немцы прорвались близко к Москве. Да, мы можем их только задержать, но не можем остановить. Но эти задержки, эти огромные потери, которые мы уже понесли, дают время. С Францией Гитлер справился за месяц, здесь воюет уже четыре с половиной. Он рассчитывал с нами разделаться быстро, напалто на неподготовленных, а теперь скорая победа не получилась, он здесь увяз. Страна собирается с силами. Везде, по всем республикам, краям и областям идут призывы, по нашим ротам это видно — чистый интернационал. Только у меня боицдесяти национальностей — из Таджикистана, Казахстана, Вологды, Астрахани... В общем, сам знаешь. А под Москвой наши соберут железный кулак, об который Гитлер зубы обломает!

Увлечшись, Артур хорошенько треснул кулаком по столу, да так, что лежавшая на краю планшетка подпрыгнула и упала наземь.

— Стратег! — покачал головой Семин. — В восемьсот двенадцатом Москва под француза попала, да раньше — под поляка...

— Ну, ты сравнил! Во-первых, это было при царе. Во-вторых, они только народ разозлили. Чем это для Наполеона и поляков кончилось, помнишь? В конце концов, все может быть... Но если вдруг Москву оставят — ты что, сдашься?

Семин засопел.

— Ты знаешь, что немцы уже в моем Чернигове хозяйничают... Я, сколько смогу, столько их убивать буду, я...

Артур поспешил исправиться.

— Не то я сказал, Петя, извини. Я хочу сказать, что хоть это и столица, война может закончиться в их пользу только тогда,

когда фашисты всех нас поубивают, а на это у них кишка тонка. Скоро у нас будет больше танков и самолетов, вот тогда мы их погоним на запад!

— Дожить бы... — вздохнул Семин. — А то сложим головы тут, у речки Тьма...

— Перестань! — теперь возмутился Артур. — Нам умирать рано, мы с тобой даже неженатые. Нам еще семьями обзаводиться, детей вырастить — после войны, конечно.

Семин смотрел на Адельханяна с задумчивым скептицизмом.

— Ты не ответил на мой вопрос. Удержим мы эту позицию? Только скажи откровенно, как на духу.

— Еще раз говорю: не знаю. Но думаю, что немцы в ближайшее время на нас не пойдут. У них главная цель — Москва. Они будут рваться туда, а нас оставят сбоку.

Посидев еще с минуту, Семин поднялся.

— Ладно, я пойду. Доведу до сведения личного состава текущую обстановку. — Остановившись у выхода, с усмешкой добавил: — Тебя бы в штаб... Стратег!

II

Старший лейтенант Адельханян оказался прав. Через неделю вермахт начал новое наступление на Москву, не предпринимая активных действий на участке Калининского фронта, в который входила 29-я армия. Немцам удалось танковыми клиньями прорвать оборону правого крыла Западного фронта и подобраться к нашей столице почти вплотную — до ее окраин оставалось восемнадцать километров.

Однако успех второго осеннего наступления дался германским вооруженным силам дорогой ценой. Они потеряли около восьмисот танков, 55 тысяч человек убитыми, более 100 тысяч ранеными и обмороженными — вести войну в зимних условиях они никак не рассчитывали. Зато нам уроки финской войны пошли впрок, бойцы Красной Армии вовремя получили теплое обмундирование и оказались готовыми к необычайно холодной зиме. К тому же, из глубины страны наконец-то подтянулись стратегические резервы. И хотя Красная Армия по-прежнему уступала противнику в танках и артиллерии, но уже выровняла соотношение в живой силе, а в авиации даже получила преимущество.

Утром 5 декабря советские войска под Москвой перешли в контрнаступление.

III

Приказ о наступлении Адельханяна не удивил. Военная ситуация требовала успеха. Победа над врагом, его отступление подняли бы дух красноармейцев лучше любой пропаганды.

Однако их ввели в наступление только 22 декабря, после того, как их соседями — 31-й армией — был освобожден Калинин.

Оборонялись немцы с теми же присущими им аккуратностью и дисциплинированностью. Враг не бежал. Адельханян вел роту под огнем противника, врвался в окопы и с накопившейся яростью очищал траншеи — только здесь все решала рукопашная, а до этого приходилось идти под свинцовым ливнем, уповая на то, что пуля минует тебя.

Перед атакой у него не возникало чувства страха, просто он очень остро ощущал, что сейчас, в эти ближайшие минуты, его могут убить. Умирать очень не хотелось. Но если не он будет делать эту проклятую работу, если не он убьет врага, то кто же?..

Когда начинался бой, в его горячке пропадали все осознанные чувства. Стреляли в тебя, стрелял ты, и тут уже роль играла не идейность, а обученность, молниеносный расчет и умение соображать холодно, как бы со стороны.

После боя Адельханян приказывал подобрать и похоронить всех погибших — так он делал и при отступлении. На полях войны тогда оставалось множество не погребенных трупов, а это удручающе влияло на живых.

Составив очередное боевое донесение, старший лейтенант отправлялся устраивать быт своих бойцов, их надо было накормить и определить порядок отдыха. Проследить за обеспечением боеприпасами и выставить часовых он тоже считал своей прямой обязанностью и ни на кого в этом не полагался.

К вечеру 31 декабря они вышли к городу Старица, километрах в семидесяти на юго-запад от Калинина. От обрадованных их появлением местных жителей узнали, что фашисты располагаются в центре города.

Стремительная атака оказалась для гитлеровцев совершенно неожиданной. Они хотели достойно отметить наступление Нового года, но не были готовы к скорому наступлению Красной Армии. Немцы повыскакивали на улицу совсем раздетыми. Очень быстро они поняли, в каком положении оказались — мороз на улице достигал сорока градусов. Буквально через десять минут они целыми группами приходили славаться, умоляя, чтобы их пустили в тепло.

А подготовились к празднику фашисты по полной программе. Такого изобилия пищи наши солдаты, сидевшие обычно на сухом пайке, не видели уже давно. На торжественно убранных столах красовались варенные поросята и куры, сочные бифштексы с гарнирами, изысканные салаты, немецкое пиво с сосисками. Французское вино, какие-то ракушечки («мидии», — пояснил комвзвода Афанасьев из Москвы, который когда-то учился на повара) и множество других диковинных блюд. Оголодавшие на передовой, красноармейцы накинулись на еду, забыв существовавшие нормативы потребления.

Они бы наверняка прикончили все немецкие припасы, но к вечеру поступил приказ командира полка выступить из города.

К 9 января 29-я армия с боями пробилась на левый берег Волги к Ржеву. Взять город и развить наступление не удалось.

IV

Им уже давно выдавали «фронтовые» сто граммов. В качестве средства «для сугреву» это было бы вполне оправданно, тем более что холода стояли лютые. Но осенью «фронтовые» служили, скорее всего, средством, которое, как намечалось, должно было придать храбрости обороняющимся красноармейцам.

Адельханян видел, что старшина роты после боя получает норму и на живых, и на отправленных в санбат, и даже на погибших, знал, что дозировка спиртного великовата, но мер к «пресечению» не принимал. Человеческому организму не под силу выдержать безумное напряжение постоянных боев, и нервная энергия должна найти выход. Единственным твердым условием, которое поставил старший лейтенант своим подчиненным, была трезвость перед боем.

В обеспечении войск алкоголем Адельханян чувствовал недоверие со стороны большого начальства. Укрепило его в этом мнении появление заградотрядов — особых подразделений, становившихся за обороняющимися войсками и безжалостно расстреливавших любого, кто сделает шаг назад. Обосновывалось это борьбой с паникой, на деле так обороняющихся часто ставили в положение смертников, ведь оправданием не могло служить ни численное преимущество противника, ни даже отсутствие боеприпасов.

Командный состав, попавший в плен, без разбора причин зачислялся в изменники Родины, а их семьи подвергались репрессиям, то есть немалая часть граждан страны, чьи родст-

венники находились на командных должностях в Красной Армии, имела статус государственных заложников.

Находившийся на фронте Артур знал, что подавляющее большинство командиров не щадили своей жизни и в плен могли попасть только ранеными, что такие жесткие меры основаны на единичных случаях, но легче от этого не становилось. Смерть была лучшим исходом, поэтому он всегда имел в виду последний патрон — для себя.

V

Он снова и снова, выполняя приказ, поднимал бойцов в атаку, и опять им приходилось возвращаться в свои наспех отрытые окопы.

«Сколько можно воевать на голом энтузиазме? — Артур сам себе задавал вопрос, в очередной раз закопавшись в рыхлый снег. — Ребята вымотались. Для того чтобы наступать успешно, нужно иметь существенное преимущество, а у нас его как не было, так и нет. Сейчас немцы оклемались, стянули резервы, у них больше огневых средств и техники. Нашим командирам только отрапортовать нужно, что ли?»

Наутро он вместе с комбатом капитаном А.К. Суриковым отправился к командиру полка и стал свидетелем его разговора, со связным из штаба дивизии.

— Как — атаковать Бахмутово? — возмущался комполка. — Зачем? Немцы же повыше нас находятся, все командные высоты у них, там навалом огневых точек, пушки... Я же весь полк положу!

Капитан из штаба и бровью не повел, потом безразлично спросил:

— Так вы отказываетесь выполнять приказ?

К полудню, теряя роту за ротой, наши сумели овладеть деревней, но на рассвете фашисты навалились превосходящими силами, вернули себе Бахмутово.

Тогда 29-ю ввели в прорыв, осуществленный северо-западнее Ржева 31-й армией. Но наше командование вновь совершило стратегический просчет. Взять в кольцо семь вражеских дивизий в районе Оленино удалось, но уничтожить их оказалось не под силу. Сначала немецкая группировка прорвала оцепление одновременным ударом с двух сторон, заодно отсекая 29-ю и 39-ю армии от основных сил фронта, затем расчленила их, загнав 17 февраля 29-ю армию в окружение.

Отбиваться от наседавшего противника, методично атаковавшего со всех сторон, уставшим красноармейцам было крайне тяжело. Тяли ряды бойцов, заканчивались боеприпасы. Командующий 29-й армией генерал-лейтенант И.И. Масленников обратился в штаб фронта с просьбой разрешить отход на юг на соединение с 39-й армией. К 28 февраля из окружения вышли 5200 человек, в том числе 800 раненых.

Армию вернули на исходные позиции и снова бросили на Ржев. Многократные попытки овладеть городом и важным железнодорожным узлом успеха не принесли. Началась весенняя распутица, а вместе с ней пошли перебои в снабжении боеприпасами и продовольствием. Наконец, и Ставка Верховного Главнокомандования убедилась в том, что наступление, отодвинувшее линию фронта от Москвы, истощилось и следующий удар потребует длительной подготовки. В конце апреля последовал приказ о переходе Калининского фронта к обороне на достигнутых рубежах.

А Артура Адельханяна догнали сразу два приказа, касавшихся его лично. Он был награжден медалью «За боевые заслуги» — за удержание переправы через Днепр в районе Радчино и орденом Красной Звезды — за освобождение города Старица.

VI

С мая на их участке фронта сложилось шаткое равновесие, нарушить которое обе стороны не могли по причине относительного равенства сил и крепких оборонительных рубежей, да и не очень хотели. Основные события в летне-осенней кампании 1942 года происходили на юге, где наступление наших войск обернулось откатом до хребтов Кавказа и жесточайшей Сталинградской битвой.

Отсутствие стратегической активности на центральном участке не означало полного затишья. Время от времени стороны проверяли бдительность противника, устраивая внезапные налеты, чтобы нащупать слабости в оборонительных позициях. Нашим подразделениям нередко ставилась задача по захвату «языка» — солдата или лучше офицера противника, от которого можно было получить текущую информацию о передвижениях, готовящихся операциях, изменениях численности их личного состава, поступлениях свежих резервов и техники.

Обычно главными действующими лицами в захвате «языка» были полковые, дивизионные, а иногда и армейские разведчики.

Но нередко подобные задания получали роты и батальоны, находившиеся на переднем крае.

Под прикрытием артиллерийского огня Адельханян подводил роту к позициям противника, а как только зона обстрела перемещалась в глубину, врывается с бойцами в первую немецкую траншею, завязывал бой и до того, как немцы успевали организовать контратаку, выходил из-под удара, не забывая прихватить хотя бы одного «языка».

Даже здесь, на передовой, со временем налаживался армейский быт. И в такой суровой обстановке люди находили возможность помыться, побриться, заняться починкой и стиркой одежды, нижнего белья.

Быт включал в себя и обычные заболевания. Вообще-то в экстремальной ситуации переднего края болели солдаты крайне редко — взведенный, как пружина, организм легко справлялся с любой простудой, перепадами давления или прострелами в пояснице. Но иногда...

Как-то во время оживления боевых действий, когда обстрелы следовали один за другим, Адельханян, пригибаясь, чтобы не попасть под снайперскую пулю, пробрался на позицию третьего взвода. Увидев держащегося обеими руками за щеку рядового Петровского, кинулся к нему.

— Ваня! Ранило? — он обернулся кликнуть кого-нибудь, чтобы срочно эвакуировать бойца в тыл, но тут Петровский оторвал одну ладонь от скулы и страдальческим голосом произнес:

— Не надо, товарищ старший лейтенант! Это všего-то жуб. Только я уже терпеть не могу.

Адельханян присвистнул. Щеку рядового разнесло на поллица, левый глаз спрятался в узкую щелочку а багровая кожа на припухлости начала принимать иссиня-черный оттенок.

Подошедшие солдаты с сочувствием смотрели на товарища. Командир взвода Павел Афанасьев, обращаясь к Адельханяну, сказал:

— Товарищ старший лейтенант, это у него уже с неделю. Чего только ни перепробовали: и махорку на зуб клали, и водкой — ничего не берет. Санинструктора, как назло, нет, а в тыл уходить он категорически отказывается. Просто не знаем, что и делать.

Адельханян тоже был озадачен. В стоматологии он не разбирался, но подозревал, что безобидный флюс может трансформироваться в заражение крови, ведь воспалительный процесс зашел далеко.

Из раздумий его вывел сержант Федор Руденко — старо-служащий, которого за неторопливую основательность и возраст в роте уважительно называли Батей.

— Разрешите обратиться! Есть у нас разумение, что надо применить испытанный прием...

Петровский застонал, снова приложил к челюсти вторую руку, будто прикрываясь, но на удивление твердо сказал:

— Уйди, Батя! Шнова ты жа швсе! Ты же не врач!

— А что ты собираешься делать? — спросил Адельханян у Руденко.

— Да вот, — он вытащил из нагрудного кармана суровую нитку, — накинem на зуб петлю, раз — и готово. Только Ваня боится, его держать надо.

— Не дамшя! — вскричал Петровский.

Артур улыбнулся — и смех, и грех.

— Приступайте, — сказал он.

На руки и ноги Петровского навалились четверо солдат. Руденко привязал ниткой больной зуб, резко дернул. Заоравшего благим матом Петровского мигом отпустили. Ойкая, он сплевывал на землю гнойно-кروавую массу. Через десять—пятнадцать минут страшная опухоль заметно спала, и намучившийся Петровский стал горячо благодарить Руденко.

— Ну, Батя, спасибо, спасибо! Если б не ты, не знаю, что было бы. Ты меня просто спас. Спасибо! — повторил он снова и вдруг недоуменно остановился. — А что ж ты, гад, раньше этого не сделал?

Солдаты расхохотались.

VII

Ординарцем у Адельханяна теперь был таджик Сартынбаев, любивший и хорошо знавший историю и культуру своего народа. В минуты затишья Артур слушал его рассказы о прошлом и настоящем, о древнем городе Ходженте, который теперь в честь вождя мировой революции называется Ленинабадом, о заоблачных высях Памира. Сартынбаев, не очень хорошо владевший русским языком, читал наизусть и бесхитростно переводил касыды Рудаки, рубаи Омара Хайяма, рассказывал о современном таджикском писателе Садриддине Айни.

Артур слушал с огромным интересом. «Вот ведь здорово: в роте солдаты десяти национальностей, — ловил он себя на мысли, — русские, украинцы, белорусы, татары, грузин Кавтарадзе,

латыш Рауденис, таджик Сартынбаев, молдаванин Мунтяну и даже лакец из Дагестана Мамед Айдемиров. Живем одной семьей. Нас скрепила война. До нее каждый пребывал в каком-то своем мире, где говорили на своем языке и существовали свои ценности. А проливаемая вместе кровь сделала нас родственниками».

VIII

Летом тревожные вести стали приходить с южных фронтов. Немцы прорвали нашу оборону, оттеснили войска Юго-Западного фронта к Воронежу, рвались к Сталинграду и хлынули на Северный Кавказ. У Артура холодело сердце при мысли о том, что враг может захватить родной Кисловодск, что его родители рискуют испытать все ужасы оккупации. Ведь, скорее всего, найдутся «доброжелатели», которые поспешат сообщить фашистам о том, что они — родители офицеров Красной Армии, а с такими не церемонятся... Нет-нет! Если даже враг и ступит своим поганым сапогом в его Кисловодск, родителей там уже не будет, ведь они могут перебраться к дочерям в Тбилиси, а туда гитлеровцы не дойдут!

Только что немцы отсекли 39-ю армию, стоявшую на занятом плацдарме, и едва ее не уничтожили. Враг еще силен. Но теперь в наступление вместе с соседями должна перейти их 29-я, и задача у них прежняя — овладеть Ржевом.

30 июля они пошли вперед, но хорошо закрепившийся на оборонительных рубежах противник обрушил такой шквал огня, что продолжать наступление было равносильно самоубийству. Несколько дней предпринимались бесплодные попытки прорвать вражескую оборону, пока, наконец, 5 августа не обозначился успех у соседней 31-й армии. Почувствовавшие угрозу окружения, начали отходить.

Во время их преследования Адельханян с тоской вспомнил о старой проверенной «трехлинейке» — при перебежке его новенькую полуавтоматическую винтовку «СВ» заклинило.

Минутная расслабленность в захваченной траншее стоила жизни командиру третьего взвода Павлу Афанасьеву.

Они присели, чтобы слегка перекусить, и тут раздалась автоматная очередь. Адельханян, рядом с головой которого просвистели пули, увидел возникшее над окопом перекошенное от ненависти лицо белобрысого немца. Артур явно не успевал

воспользоваться своим оружием, но второй очереди не последовало — фашиста скошил расторопный Сартынбаев.

Вскочив в полный рост, Адельханян кинулся было вперед, но, оглянувшись, увидел неестественно застывшего Афанасьева. Из рта у него текла тонкая струйка крови. В наступившей тишине комзвода прерывисто прошептал:

— Упустили... при зачистке. Как глупо...

Рота Адельханяна гнала противника до Волги, где немцы заняли заранее подготовленные позиции на правом берегу.

IX

Рубеж обороны по Волге исключал контактные бои. Хотя великая русская река и не была под Ржевом очень широкой, к ее форсированию обе стороны были совершенно не готовы. Все ждали вестей с низовьев: немцы рассчитывали на успех 6-й армии генерал-полковника Паулюса, которая, по общему мнению, была лучшей в вермахте, наши же ожидали, что гитлеровцев под Сталинградом остановят.

По ночам в небо беспрерывно взвивались осветительные ракеты: хоть и были противники уверены, что другая сторона не собирается переходить в наступление, но чем черт не шутит. В этой войне было уже предостаточно внезапных атак, так что любая подстраховка казалась нелишней.

Однажды ночью, выскребая банку американской тушенки, которую наши бойцы окрестили «второй фронт», старший лейтенант Адельханян раздумывал, как бы устроить немцам беспокойную жизнь. Вдруг его осенило: снайперы! И как он раньше не вспомнил? Ведь в такой тягомотной обороне существенный урон проклятым фрицам можно нанести массированным применением метких выстрелов, и совсем не обязательно фашисту открываться целиком, достаточно, если он решит одним глазом взглянуть на наш берег. Ведь научились же они в финскую снимать прекрасно маскировавшихся «кукушек» — значит, и в роте найдутся востроглазые бойцы, которых к тому же можно снабдить оптическими прицелами.

В снайперы отобрали пятнадцать красноармейцев. Адельханян обязал их несколько раз в день менять позицию и мимикрировать, сливаясь с окружающей поверхностью. В специальную карточку, выданную каждому снайперу, должны были заноситься результаты, она же служила отчетным документом.

За небольшой промежуток времени его стрелки уничтожили более полусотни немцев.

На запросы «сверху» Адельханян отвечал: «Идет огневая дуэль». Это означало не только огонь из стрелкового оружия. Охоту за огневыми точками вели и артиллеристы, пехота помогала им разведывательными данными.

На своем участке рота Адельханяна создала развитую систему укрытий, состоявшую из сплошной траншеи, землянок для отдыха отделений и взводов. Оборудовались и дзоты для ведения огня. Когда наступили холода, наклонную поверхность перед траншеями и дзотами поливали водой. Снаряды рикошетировали от образовавшегося льда и уходили в сторону.

Артур Адельханян получил звание капитана и был назначен заместителем командира батальона.

Х

Комбат Суриков мрачно сопел в телефонную трубку полевой связи.

— Так... так... хорошо, понял.

Он повернулся к Адельханяну.

— Соседи звонили. Сейчас к нам прибудет Долгов.

Артур уже знал, что командующему армией генерал-лейтенанту Е.П. Журавлеву поступила жалоба, что в дивизии солдатам иногда нечего есть. Впрочем, командиры в этом смысле ничем не отличались от рядовых, ибо питались, что называется, из одного котелка. Такая картина повторялась из года в год: как только весной или осенью наступал сезон дождей, дороги превращались в непролазную жижу, как следствие — тыловые службы не могли обеспечить регулярных поставок продуктов.

Журавлев на жалобу отреагировал немедленно и своеобразно, приказав начальнику продовольственного снабжения армии полковнику Долгову лично пройти от начала до конца по всем траншеям дивизии, опросить солдат и офицеров, как они питаются, короче — увидеть все своими глазами и принять соответствующие меры.

Суриков задумчиво произнес:

— Погнал старика по окопам грязь месить... Адельханян, пойдешь сопровождать.

Долгов действительно оказался немолод, на вид ему было хорошенько за пятьдесят. Адельханян встретил его и двух помощников на стыке их и соседнего батальонов. Глядя печальным

взглядом, Долгов выслушал, как Артур представился, и как-то обыденно, по-граждански вздохнул.

— Ну, что ж, пожалуй, пойдем.

Видимо, почуяв что-то, а возможно, выследив «крупную птицу», немцы открыли пальбу по нашим позициям. Впиваясь в землю, взвизгивали пули, рядом ложились взрывы снарядов. Артур предложил:

— Может, переждем обстрел на батальонном КП, товарищ полковник?

Долгов окинул взглядом тянувшиеся вдаль траншеи.

— Молодой человек, до конца дня я обязан обойти всю дивизию, поговорить с людьми. Хотя мне и так известно ваше незавидное положение с продовольствием. — Он снова вздохнул. — Никто не хочет принимать во внимание тот факт, что местность здесь весьма заболочена, автомобильный и гужевой транспорт не может осилить бездорожья, а вездеходов в нашем распоряжении нет... Однако не думаю, что вам все это интересно.

Адельханян хотел сказать, что о дорогах надо было позаботиться загодя, но со своим уставом в чужой монастырь не лезут — кто его знает, какие сложности преодолевают в своей работе тыловики.

Больше они не разговаривали. Полковник добросовестно прошел по окопам, не придавая значения огню противника, задал вопросы солдатам, тихим голосом отдал распоряжения своим помощникам, что-то записывавшим в блокноты. А перед переходом в расположение следующего батальона сказал Адельханяну:

— Благодарю вас за помощь. Хочу заметить, что нынче наши бойцы не очень-то пригибаются при обстрелах, прошлогоднего страха нет, так и мне негоже было в вашей землянке отсиживаться. А если уж пообвыклись, так теперь мы германца побьем, только вот еще силенок накопим. Ну, прощайте.

А вскоре пришло долгожданное сообщение о том, что под Сталинградом хваленые гитлеровские войска попали в «котел», из которого они потом так и не сумели выбраться.

Как офицер, имеющий немалый боевой опыт, капитан Адельханян был переведен в оперативный отдел штаба 29-й армии.

II

Странная штука — судьба. Многие считают, что все предопределено, и никакие усилия не смогут изменить порядок вещей. Другие же убеждены, что судьба человека куется его собственными руками,

Истина, как всегда, посередине.

Жизнь состоит из тесного переплетения случайностей и закономерностей. Время и место становления человека, генетика, окружающая среда, общественный строй — то, что практически невозможно или очень трудно изменить. Порывы души, внезапные озарения, летящая пуля, импульсивные поступки, случайная встреча — они приводят к совершенно неожиданным зигзагам в ровной линии определенности.

В офицерской столовой Артур заметил работавшую там худенькую стройную девушку. Живые глаза, в глубине которых пряталась печаль, быстрые движения знавших тяжелый труд рук, скромная гордость осанки и уверенность звонкого голоса — все это могло привлечь его внимание и заинтересовать, не более того. Но как-то он не увидел ее в столовой, и сердце екнуло и забилось беспокойно. Весь вечер Артур, удивляясь себе, задавался вопросами: где она, что с ней произошло? На следующий день он увидел ее вновь, и все встало на свои места.

Они познакомились. У нее было прекрасное имя — Клава.

XII

Уже 8 сентября 1941 года Ленинград оказался в блокаде, сообщение с ним осуществлялось только по Ладожскому озеру, Финны вернулись на старые границы, перерезав Карельский перешеек. Немцы захватили Шлиссельбург на левом берегу Невы, закрыв последний выход на «большую землю», а с юго-запада стояли в пяти километрах от северной столицы. Принимать ее сдачу немцы не собирались. Руководствуясь своими планами, они намеревались сравнять Ленинград с землей.

Но Гитлер недооценил упорства защитников и жителей героического города.

Через два месяца после начала войны в магазинах не осталось ничего съестного, кроме дорогих конфет и кофе в зернах. С октября по карточкам выдавали спички, сахар, соль, крупы, хлеб. Потом — только хлеб и тот же кофе. Чтобы заполнить

пустые желудки, люди ловили уцелевших кошек и собак. Из домашних аптек выбиралось все, что можно было употребить в пищу: касторка, вазелин, различные масла. Из столярного клея варили супы и готовили студень. В ход пошли даже изделия из кожи.

Катастрофически не хватало топлива. Сначала перешли на дрова, которые организовано заготавливались населением. К наступлению настоящих холодов закончились и дрова. Остановились электростанции, замерз водопровод. Проруби на обледеневшей Неве стали единственным источником воды. Но ведра часто выскальзывали из окоченевших рук.

От голода и холода гибли тысячи людей. Сначала работающие получали по 400 граммов хлеба, иждивенцы и дети — по 150 граммов. С 20 ноября нормы выдачи уменьшились до 250 граммов хлеба рабочим и 100 граммов неработающим. Уже в конце ноября невоенные потери среди мирного населения составили 11 тысяч человек.

Смерть настигала людей повсюду: в нетопленных квартирах, на интенсивно обстреливавшихся тяжелой артиллерией улицах, у работающих станков. Трупы, завернутые в простыни, обычно отвозили на саночках к кладбищу, если могли, хоронили в братских могилах, но чаще всего за неимением сил оставляли прямо на дороге.

Засыпая, человек не знал, проснется ли он.

За время блокады в Ленинграде умерли от голода более миллиона людей.

XIII

В июле 1941-го двадцатилетний Михаил Садиков прошел краткосрочные курсы десантников и был отправлен на фронт. В начале сентября, аккурат перед началом блокады, в квартиру Садиковых на Большеохтинском проспекте принесли похоронку со стандартной формулировкой: «... погиб смертью храбрых, выполнив свой долг».

Глава семьи, Георгий Николаевич, бывший служащий, встал к станку на своем Металлическом заводе имени Сталина. Убитая горем Анна Петровна, мать троих детей, тоже пошла в цех этого завода: рабочим выдавали большой паек, и она могла поделиться лишней крохой с дочерьми, Евгенией и Клавдией. Двенадцатичасовой рабочий день Анны Петровны переходил в многочасовую очередь за хлебом. Она кормила девочек,

а наутро относил кусочек ржаного хлеба мужу, который оставался спать в цеху, — так поступали многие рабочие, жившие далеко от завода, ведь транспорт уже не работал, и приходилось экономить силы.

Женя пошла в госпиталь помогать раненым. За помощью к ним обращались и жители города, но тут медицина была бессильна: от дистрофии нет лекарств, а пищи не было и в больнице.

Младшая Клавдия училась на геодезическом отделении техникума речного транспорта. Еще в начале сентября все студенты строили укрепления севернее города, в Парголово, потом рыли окопы на ближних подступах с юга. Все, кто мог стоять на ногах, в декабре долбили мерзлую землю, сооружая железобетонные огневые точки.

На учебу она шла пешком четырнадцать трамвайных перегонов по люту морозу — до 10-й линии Васильевского острова, где находился техникум. Страшно было не погибнуть от немецкого снаряда, а видеть на улицах города умерших и умирающих людей, которым невозможно было помочь.

XIV

Вечером, закутав лицо платком, — открытыми оставались только глаза — Клава медленно шла домой из техникума. Автоматически, не задумываясь, определила: мороз градусов в тридцать.

В последнее время она почти все делала автоматически. Длительное голодание заставляло бережно расходовать убывающие силы, мозг впал в тупое оцепенение, вывести из которого могли только мысли о еде. Едва передвигая ноги, она бездумно смотрела на обледеневший и покрытый сверху рыхлым снегом тротуар. Падать было нельзя. Клава знала, что может уже не встать. К тому же вставать и не захочется, ведь так хорошо просто лежать в забытьи, чувствуя нахлынувшее обманчивое ощущение вожделенного тепла и умиротворения... Так люди замерзают. А ее молодой организм неосознанно, но отчаянно цеплялся за жизнь.

Звякнув звонком, мимо нее проехал на велосипеде красноармеец с нахлобученной буденовкой. Его шатало на скользком льду. А когда на углу он попытался свернуть, заднее колесо занесло. Он мешком повалился на мостовую.

Не ускоряя шага, Клава подошла к нему.

Солдат лежал на спине рядом со стареньким велосипедом, его широко раскрытые глаза, не мигая, глядели в бездонное черное небо, а на изможденном лице застыло выражение сосредоточенного спокойствия. Буденовка при падении слетела, и лишь поземка потрепывала русые волосы.

«Так скоро и легко», — зафиксировал спрятавшийся глубоко разум. Клава пошла дальше. Она все равно не сумела бы его поднять, а позвать на помощь на безлюдной темной улице было некого. Да, безлюдной, хотя то тут, то там лежали тела людей. Живой была одна она.

В квартире поселился холод — почти такой же, как на улице. Сначала они пытались заклеивать бумагой лопавшиеся при обстрелах стекла окон, но потом сочли это занятие бесполезным, к тому же из оставшегося клея Женя сварила пусть не очень аппетитный, но вполне съедобный суп, которого хватило на четыре дня. Печь-буржуйка, которую с наступлением холодов откуда-то притащил отец, давно не топилась. Последним из мебели в ней сожгли кухонный табурет. Кровати, к сожалению, были железными.

— У нас есть еда, — такими словами встретила Клаву мать. На расстеленной на полу газете красовался здоровенный шмоток мяса. Клава оживилась. Появившаяся слюна заполнила рот и заставила ее судорожно глотнуть.

— Где взяла?... — шепотом спросила она, не сводя глаз с ку-ска, который мог продлить жизнь, словно боясь, что он сейчас исчезнет. Клава знала, что мясу взяться неоткуда, последний раз она его ела в октябре, когда Женя изловчилась поймать на чердаке зазевавшегося голубя. Мысль о том, что мясо украдено, не могла прийти ей в голову — во-первых, мама этого себе никогда бы не позволила, а, во-вторых, красть такое сокровище было негде.

— Я... я его от лошади отрезала, — тихо сказала Анна Петровна. — У нас на заводе лошадь пала... Говорят, нехорошо такое мясо кушать, но... Другие тоже взяли.

— Лошадь сама умерла? — впервые посмотрев на мать, с ужасом спросила Клава. Есть мертвечину ей еще не приходилось. — Меня же вывернет, если съем!

— Пойми, доченька, — заторопилась Анна Петровна, — она только что пала, еще теплая была... К тому же сейчас холодно, мясо не портится... И вот что, — добавила она вдруг не терпящим возражений тоном. — Ты его съешь, и ничего тебя не вывернет. Ты должна жить!

Мясо было жестким, горьким, с отвратительным душком. Когда Клава его жевала, сквозь сомкнутые ресницы при свете фитилька, устроенного из патронной гильзы с ватой и керосиновым маслом, ползли по щекам две большущие слезы.

XV

В конце декабря прямо на заводе умер отец. Георгия Николаевича удалось похоронить на Георгиевском кладбище на окраине Охты. Достать гроб было безумной затеей, но белая простынь послужила ему саваном, а опустили его в настоящую могилу, которую за полумесячное количество хлебных карточек вырыл Мустафа. Дворник с началом блокады забросил свое ремесло и втихую занялся мародерством, вынося ценные, но уже никому не нужные вещи из бесхозных квартир и не гнушаясь обирать трупы, ведь в карманах можно было найти неиспользованные карточки на хлеб.

Однажды в январе, придя домой, Клава обнаружила беззвучно плачущую Женю.

— Мама... умерла! — она крепко прижала к себе младшую сестру.

Анна Петровна полусидела на кровати, будто решила на минутку отдохнуть, и ее сморил сон.

Когда они везли маму на санках, несколько раз останавливались отдышаться. Оставили ее в братской могиле*.

Клава уже не могла плакать. Мозг отказывался что-либо воспринимать.

От дистрофии в середине марта слегла и Женя. С безумным упорством Клава ходила на Неву за водой, несла, прижимая к телу, полученный по карточкам хлебушек, отыскивала в городе деревянные обломки, разжигала огонь в буржуйке. Разведенный в горячей подсоленной воде хлеб должен был — так думала Клава — поддержать сестру. Но день за днем таяла Женя, а Клава уже почти не могла ходить.

Помощь пришла с завода, где работали отец и мать.

— Садиковы? У вас родители умерли? — спросил такой же, как они, мертвенно-бледный исхудалый мужчина. Получив утвердительный ответ, бесстрастно продолжил: — Можете эвакуироваться. Вот вам документ от завода. С этими бумагами вам надо явиться на Финляндский вокзал.

* Ныне Пискаревское кладбище.

С фанатичной одержимостью Клава тянула тяжелые сачки, на которых лежала прозрачная, ставшая ко всему безразличной Женя. «Больше не могу!» — кричало что-то внутри, и тут же она приказывала себе: «Должна! Поэтому сможешь». Шаг за шагом, шаг за шагом...

На Финляндском вокзале люди из эвакуационного комитета выдали им по черному сухарику, огромные, не по размеру, теплые лыжные красноармейские костюмы и сопроводительные документы. Подняли Женю в кузов грузовой машины, помогли взобраться Клаве и повезли к Ладожскому озеру вместе с другими сиротами.

У начала ледовой «Дороги жизни», как называли проложенную по замерзшей поверхности Ладоги дорогу ленинградцы, их документы проверили на контрольно-пропускном пункте. Возле него на лютom холоде расположился палаточный городок, там терпеливо ждали очереди на свободные места те, кто не имел эвакуационного удостоверения.

Днем лед уже подтаивал — шла вторая половина марта. Пребывавшую в блаженном оцепенении Клаву разбудили скрежет и слабые крики. Выглянув из-под брезента, она увидела уходящую в воду через проломившийся лед машину.

— Не останавливайся! Держи правее! — размахивая руками, закричал водителю их грузовика бежавший навстречу военный регулировщик.

Откуда-то сверху послышалась пальба. В сером небе над Ладожским озером начался воздушный бой наших истребителей с немецкими бомбардировщиками.

Из Лаврово их довели до Войбокала, а оттуда по железной дороге отправили в Вологду. Когда сестры пришли в себя и немного окрепли, попросились на фронт. В Калининне Женю определили на военный завод, а Клаву — в офицерскую столовую штаба 29-й армии.

XVI

Красная Армия погнала гитлеровские полчища от Волги, их отступление на Северном Кавказе превратилось в паническое бегство. Стратегическая инициатива снова перешла к советским вооруженным силам.

В начале января 1943 года начальник штаба 29-й армии генерал Дронов собрал своих подчиненных и зачитал директиву

Ставки Верховного Главнокомандования о том, что боевые дивизии на занимаемых рубежах передаются соседним 30-й и 31-й армиям, а их штаб перебрасывается западнее Осташкова и становится основой новой боевой единицы.

После передвижения штаб расположился на Валдайской возвышенности в двух соседствующих деревнях Ефремове и Зайцеве. Слухи ходили самые разные, но больше склонялись к тому, что они станут ядром танкового соединения.

9 января на совещании в оперативном отделе появился подтянутый моложавый генерал-лейтенант.

— Меня зовут Михаил Ефимович Катуков, — четко сказал он. — Я ваш новый командующий. Отныне мы — первая танковая армия.

ВПЕРЕД ИДУТ ТАНКИ

О чем скорбишь, печальный сын
Скалистых гор, дитя долин?..
... — Я жажду пуль, кровавых встреч,
Хочу в руках держать я меч...
Мкртич Пешикташян

I

Катуков зашел в оперативный отдел штаба 29-й армии.
— ... Вы общевойсковые офицеры. Не думайте, что я имею зуб против «царицы полей», но пехота и танковые войска — совершенно разные вещи. Еще не подумайте, что я вас разгоню, а на ваши места приведу танкистов. Но у меня условие: за три месяца вы сами должны стать танкистами. Не только водить танк, это дело нехитрое, не только знать тактико-технические данные и оперативные возможности боевых машин, но и уметь управлять танковым боем, знать его тактику, уметь мыслить стратегически, в крупных масштабах. Мы создаем армию, которую не просто называют танковой. Вы знаете, что у нас в прошлом году были танковые армии. Теперь их переформируют на другой лад — без крупных пехотных соединений, которые волей-неволей тормозят их стремительное продвижение. Впрочем, время для изучения специфических особенностей, присущих танковой армии, у вас есть. — Генерал-лейтенант обвел взглядом присутствующих. — Не скрою, если кто-то не сумеет перестроиться, мы с ним расстанемся. Так что все зависит от вас.

Артур вспомнил, как попал в оперативный отдел 29-й армии.

— Будешь служить у меня, — без всяких экивоков сказал вызвавший его в штаб полковник Вишневский.

Капитану Адельханяну отказало его обычное хладнокровие.

— Да я... — он подыскивая аргументы. Некстати вспомнились детские проблемы с русским языком. — Я привык быть... в действующих войсках. Я привык...

— Знаю, — перебил его полковник. — Знаю по твоему личному делу, что ты участник финской войны. Знаю, что с первых дней войны под огнем, что солдат своих выводил из окружения, про Оршу. Короче, все знаю. Только ты пойми, что штаб армии — это не тыл, а оперативный отдел — не богадельня. Что угодно тебе пообещаю, только не спокойной жизни.

— Я привык к своим ребятам, к своему батальону. — Адельханян уже пришел в себя. — Считаю, что на боевом участке пользы от меня больше.

— В армии правильное считает старший по званию и по должности, — отрезал Вишневский. — Нам нужны люди с боевым опытом, с более широкими взглядами, с крепкой памятью, надежные... В общем, приказ завтра будет оформлен.

И вот новые перемены. Адельханян вспомнил командующего Особым военным округом Павлова, которого сделали «стрелочником» в начальном периоде войны и совершенно незаслуженно расстреляли. Вспомнил, как увлеченно тот проповедовал важность бронетанковых войск в предстоящих схватках. А о Катукове знал, что под Москвой он командовал 1-й танковой бригадой, получившей за оборонительные бои звание Гвардейской. Именно Катуков ввел понятие «танковой засады»: его боевые машины успешно расстреливали своих противников из-за укрытий, мобильно перемещались и в нужный момент наносили контратакующий удар.

И Артуру стало очень интересно. Ведь ему было всего двадцать семь, и прежняя тяга к новому не испарилась.

А вот Вишневский из 1-й танковой как раз и ушел одним из первых. Катуков привел с собой проверенных в предыдущих боях людей, знающих о танках все. Начальником оперативного отдела 1-й танковой армии стал подполковник Матвей Тимофеевич Никитин. По мнению Катукова, не справлялся с работой в новых условиях и начальник штаба генерал-майор Дронов. Его заменил генерал-майор Михаил Алексеевич Шалин.

II

Настали будни учебы. Практически с начала войны капитан Адельханян в первый раз не принимал участия в боевых действиях. Но «мирный» просвет был целиком и полностью посвящен глубокому изучению техники, теории и практики

танкового боя. Артур учился неистово, зная, что это поможет ему впоследствии, и с нетерпением ждал, когда же их бросят на настоящее дело.

Он научился вполне сносно водить танк — при случае, он поведет его в бой. Научился точно стрелять в цель из танкового оружия. Механики-водители поражались, насколько хорошо он знал материальную часть, а Артур просто примеривал, сможет ли он произвести мелкий ремонт в экстремальных условиях. С топографическими картами он всегда был на короткой ноге, но планы военных операций с применением крупных танковых соединений его поражали своей масштабностью и темпами предполагаемого продвижения в наступлении: речь шла о десятках километров в день.

Удивляла 1-я танковая армия и своей мощью. В нее вошли 3-й механизированный корпус под командованием генерал-майора С.М. Кривошеина, 6-й танковый корпус, которым командовал генерал-майор А.Л. Гетман, четыре отдельных танковых полка и отдельная 100-я бригада (из них потом был сформирован 31-й танковый корпус, который возглавил генерал-майор танковых войск Д.Х. Черниенко), шесть стрелковых бригад, две воздушно-десантные дивизии, зенитно-артиллерийская дивизия, два минометных полка, авиационный полк, полки связи и разведки, автотранспортный полк и другие части. Только танков здесь было более шестисот. Большинство составляли не легкие, а юркие средние «тридцатьчетверки». Когда Артур представил такую армаду, ему стало больно от того, что у нас не было подобных ресурсов в 1941-м, уж тогда-то немцы получили бы острастку прямо на границе.

Когда армии было всего две недели, ее ввели в состав Особой группы войск под командованием генерала М.С. Хозина. Во-первых, предполагалось ликвидировать так называемый «Демянский котел» — вклинившийся в наши оборонительные порядки выступ, с которого большая немецкая группировка могла помешать активным действиям Северо-Западного фронта. Во-вторых, задумывалась операция, целью которой было уничтожение крупных соединений вермахта под Ленинградом.

А осуществлению грандиозной наступательной операции помешала неожиданно пришедшая в середине февраля весна. Теплый ветер и солнце растапливали огромные сугробы, талая вода скапливалась на равнинах. Через затопленные площади

не могли проехать не только машины; даже танки, въехав в воду по башню, были не в состоянии преодолеть неожиданно возникшие на пути болота.

Надо отдать должное командующему Северо-Западным фронтом маршалу С.К. Тимошенко. Любой другой военачальник на его месте вцепился бы мертвой хваткой в переданную ему мощную армию. Тимошенко же из честности и соображений целесообразности доложил в Ставку, что в таких условиях танковая армия не может быть использована и что он в ней не нуждается.

Несколько дней танкисты вытаскивали свои боевые машины на сушу.

III

В Сталинградской битве большую роль в прорыве фланговой обороны фашистов и окружении 6-й армии Паулюса сыграли танковые корпуса — 24-й генерал-майора В.М. Баданова и 4-й генерал-майора А.Г. Кравченко, действовавшие на Юго-Западном фронте. Это была первая операция по окружению и разгрому крупной группировки вермахта в Великой Отечественной войне. Операция имела успех во многом благодаря стремительному продвижению танковых соединений. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками маршал бронетанковых войск Я.Н. Федоренко счел необходимым передать этот ценный боевой опыт командирам корпусов новых танковых армий и организовал научную конференцию на командном пункте 1-й танковой армии.

Целую неделю весь оперативный отдел готовил учебный материал: вычерчивали на топографических картах и схемах Сталинградскую битву в целом и действия танковых войск, в частности выводили расчетные обоснования.

Подготавливая карты, анализируя статистические данные, учился и сам Артур. Он отметил для себя, что для действий танковых соединений необходим оперативный простор с подходящим, желательно равнинным рельефом местности, а вот там, где много естественных препятствий или долговременных оборонительных сооружений — в лесу или особенно в городе, — эффективность применения бронемашин резко падает. Заметил он, что танковым соединениям позарез нужны солидные саперные части со специалистами-минерами и мобильным понтонным парком для скорейшего преодоления водных рубежей. Поделится своими наблюдениями с Никитиным.

— Правильно мыслите, — внимательно выслушав, сказал начальник оперативного отдела. — И точно заметили насчет понтонного парка. В глубоких широкомасштабных наступательных операциях необходимость его очевидна. Думаю, что об этом стоит доложить командующему армией.

Скоро правота Адельханяна подтвердилась.

А сама научная конференция ему ничего нового не дала. После краткого вступления Я.Н. Федоренко генералы Баданов и Кравченко подробно рассказали о боевых действиях своих танковых корпусов, безмерно выделяя роль в Сталинградской битве именно своей части. Дошло до словесной перепалки, которую прекратил маршал Федоренко. Вышло скомканно и не очень красиво.

IV

Никитин объявил Артуру, что ему присвоено звание майора и добавил:

— Звание получили недаром. Толковых офицеров у нас ценят.

В середине февраля на должность заместителя командующего армией прибыл генерал-майор Е.В. Баранович, до этого бывший начальником кафедры бронетанковой академии. Ефим Викентьевич был лет пятидесяти пяти — гораздо старше основного контингента армии, имел два ордена Красного Знамени за гражданскую войну. Полнота, сопровождавшаяся одышкой, и возраст придавали ему благообразный, несколько гражданский вид. Когда-то офицер царской армии, Баранович прекрасно владел теорией, но его рассуждения не выходили за рамки опыта гражданской. «И зачем в боевую армию прислали такого пожилого, не совсем здорового человека?» — спрашивал сам себя Артур.

Впоследствии на стажировку в 1-ю танковую армию прислали и других «бронтозавров» из академии именно для приобретения нового боевого опыта, чтобы они могли передать его обучающимся.

Когда армия получила приказ срочно грузиться в железнодорожные вагоны и следовать в новом направлении, все поняли, что это связано с тяжелым положением на южном фланге Курского выступа, где немцы предприняли контрнаступление и силами танковых армий вновь отбросили наши войска от Харькова. Штаб помогал грузить эшелоны на всем участке от Бологого до Андреаполя и контролировал их отправку.

...Адельханян дежурил в оперотделе. При новом вызове радист вытаращил глаза, потом, прикрыв ладонью микрофон, объявил:

— Генерал-майора Барановича срочно требует маршал Жуков.

Баранович накануне сходил попариться, да не рассчитал, что в конце февраля это может кончиться плачевно, сильно простыл и потерял голос. Артур доложил ему по форме.

— Слушай, — хриплым шепотом попросил генерал-майор, — иди скажи, что я уехал в войска на погрузочную площадку.

Адельханян уже был наслышан, что Жуков круто говорил даже с друзьями, что за это на него обижались командующий Центральным фронтом Рокоссовский и представитель Ставки Василевский. Неудивительно, что разговора с ним избегает заместитель командующего армией. Врать маршалу было вроде нельзя, но, с другой стороны, ведь Баранович действительно физически не мог говорить.

Разрешить свои духовные метания Артур не успел. Как только он снял трубку, послышался отборный трехэтажный мат. Хотя ушат помоев предназначался явно Ефиму Викентьевичу, у Адельханяна покраснели уши. Он даже не пытался вставить слово — Жуков крыл без передышки. Когда, наконец, возник секундный перерыв, Артур удивленно услышал свой несколько обиженный кавказский акцент.

— У телефона майор Адельханян.

На том конце провода какое-то время переваривали поступившую информацию.

— А где Баранович? — в голосе слышалась досада.

— Грузит эшелоны на станции.

Жуков проговорил жестко и со значением:

— Как вы могли допустить, чтобы раньше боевых погрузился тыловой эшелон? Я вас всех посажу, — и бросил трубку.

Здесь непонятно на кого, Адельханян доложил содержание разговора Барановичу и спросил:

— Что будем делать?

Ефим Викентьевич совсем не казался обеспокоенным.

— Кто-то что-то маршалу настучал... Майор, не знаешь, кто там мог раньше нашего погрузиться? Артур прикинул и сказал:

— Наверное, наш проныра, начальник госпиталя, переговорил на станции... Ему надо было женщин в тыл отправить.

Баранович просипел:

— Что сделано, то уже сделано. А нервничать не надо. Когда еще Жуков нас выишет? У него другие проблемы...

Местом дислокации 1-й танковой армии был определен район города Обоянь на юге Курской области. Важным представлялось скрытно произвести передвижение и маскировку на местности. Но это легко сказать, а вот как укрыть от глаз вражеских разведчиков несколько сотен танков?

Марш от разгрузочных площадок совершался ночью. Чтобы по множественным гусеничным следам нельзя было ничего определить, их заматали привязанными к танкам пучками хвороста. На месте танки прятались в сараях, овинах, прижимались вплотную к сельским строениям, после чего их маскировали под «общую крышу». С воздуха уже разглядеть невозможно, а на земле организовали постоянное наблюдение, выловившее-таки нескольких шпионов.

Вызвавший майора Адельханяна Никитин был серьезнее обычного.

— Артур Исаевич, вам поручается выполнение очень важного задания.

«Наконец-то», — подумал Адельханян.

— Нужно обмануть фашистов, ненавязчиво дать им понять, что 1-я танковая армия базируется на Украине, здесь, здесь и здесь, — он указал места на карте. — Это распоряжение маршала Жукова. Вы назначаетесь руководителем группы оперативной маскировки. Берите машины, получите радиосредства и шифроорганы. Делайте, что вздумается, но чтобы фашисты были уверены, что здесь сосредоточена танковая армия. Тогда им придется отвлечь войска от нашего участка, где должны произойти главные события. Нужно, чтобы под Курском они нас не ждали.

По прибытию в населенный пункт подтянутый майор с суровым взглядом и поджатыми губами в сопровождении нескольких младших офицеров направился к секретарю местного партийного комитета или председателю исполкома.

— Майор Адельханян. Мы прибыли сюда для подготовки района к размещению 1-й танковой армии. Дайте команду вашим службам освободить клубы, столовые, пусть помогут.

Наделенные властью люди проникались ответственностью, задумчиво чесали затылки и предлагали дополнительные возможности.

— Так у нас есть еще целые села пустые, фашистов же только выгнали, и мирное население вернуться не успело.

— Идет, — с готовностью отвечал Адельханян. — Только смотрите, чтобы никто о прибытии сюда нашей танковой армии не знал, информация сугубо секретная.

Громкий голос майора раскатисто гремел в коридоре, где ожидали своей очереди другие посетители. Бурную деятельность развивала группа на улице.

— Триста шестьдесят вторая бригада может разместиться тут, — указывая на строения животноводческого комплекса, громогласно говорил Адельханян.

Следовавшая за ним свита скрупулезно заносила пометки в блокноты. Обыватели слушали, раскрыв рот. На другой день весть о размещении танковой армии разносилась по всей округе и, несмотря на «строгую секретность», достигала ушей оставленных немцами осведомителей. А когда вокруг определенного района устраивалось оцепление, сведения становились «достоверными». Немецкая служба радиоперехвата прослушивала «переговоры» мнимых генералов и полковников, часто передававшиеся клёром*, и не знала, что их водит за нос группа Адельханяна.

Потом наша разведка донесла, что немцы сосредоточили на этом участке войска для усиления обороны, а стаи фашистских бомбардировщиков начали «утюжить» близлежащие пустые села и роши в надежде нанести урон дислоцированной на Украине танковой армии.

VI

Затишье на стабилизированном фронте в конце весны — начале лета 1943 года никого не могло обмануть. Напротив, советское командование разгадало планы немцев, имевшие целью «выровнять» Курский выступ. Фашисты так и не сумели разнообразить свою тактику, уйти от шаблона, который в наступательных действиях сводился к фланговому прорыву мощных танковых группировок и немедленному уничтожению окруженных войск противника.

Наш Генеральный штаб решил в тяжелых оборонительных боях измотать отборные фашистские части, нанести им как можно больший урон, а уж затем перейти в наступление.

Обе стороны тщательно готовились к решающей схватке. Гитлер возлагал особые надежды на новые танки «тигр» (T-VI),

* Клёр — полушифрованная полуткрытая передача.

«пантера» (Т-V) и самоходное орудие «Фердинанд», будучи уверен, что эти танки лучше советских. Однако маневренность и скорость «тридцатьчетверки» в сочетании с достаточной бронезащитой и вооружением утвердили ее в качестве лучшего танка Второй мировой войны. К тому же стали поступать в войска новые тяжелые танки ИС-2 со 122-миллиметровой пушкой (впоследствии немецким танкистам было предписано не вступать с ними в встречный бой, а действовать только из укрытий). Приближалось столкновение гигантских бронированных армий. Командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин и маршал Г.К. Жуков провели штабные учения для отработки оборонительных действий. Ориентируясь на данные разведки, на рассвете 5 июля наша артиллерия произвела обстрел изготовившегося к атаке врага, изрядно его потрепала, заставив отложить наступление на два с половиной часа.

Тем не менее лавина немецких танков ринулась на позиции 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова. 1-я танковая заняла оборонительный рубеж второго эшелона.

49-я танковая бригада А.Ф. Бурды приняла бой утром. К вечеру в строю осталось меньше половины танков, хотя потери немцев были более значительными.

VII

Ночью Адельханян, бывший направлением (отвечавшим за направление удара) 3-го механизированного корпуса, доложил в штаб, что его подопечные заняли боевые позиции точно в срок.

Когда наутро вся 1-я танковая вступила в грандиозное сражение, майор Адельханян, как челнок, сновал между штабом армии у деревни Зоринские Дворы и позициями 3-го корпуса генерал-майора С.М. Кривошеина с донесениями и приказами. Юркий «виллис» объезжал воронки от снарядов, держась ближе к лесу, — за штабными машинами самолеты немцев охотились особенно остервенело, хотя надо отметить, что в небе над Курской дугой фашистские асы уже не имели преимуществ в борьбе с возмужавшей советской авиацией.

Зато на земле перевес в силах был на стороне гитлеровцев, сконцентрировавших удары своих колонн в двух направлениях. На участке 3-го мехкорпуса наступление вели одновременно почти четыреста танков — невиданное количество боевых машин на таком узком отрезке. Но силу духа бойцов Красной

Армии фашисты сломить не смогли. Текст перехваченного донесения немецкой авиаразведки гласил: «Русские не отступают. Они стоят на том же рубеже. Наши танки остановились. Они горят».

Но немцы не успокоились. На рассвете на позиции Кривошеина они бросили весь 48-й танковый корпус и танковую дивизию СС «Адольф Гитлер» — в общем количестве до семисот танков.

В последнем донесении, которое Адельханян должен был привести в штаб, говорилось о том, что одна из бригад понесла огромные потери в личном составе, выведены из строя почти все командиры подразделений. Подписывая лист, комбриг поднял глаза на Артура и сказал:

— Вы офицер оперативного отдела армии, и я не могу вам приказывать, товарищ майор. Но в вашей помощи есть необходимость.

— Чем я могу помочь? — спросил Артур.

Через минуту, возглавив батальон, Адельханян уже отбивал яростную атаку фашистов. А когда немцы откатились назад, комбриг составил новое донесение: «...Майор Адельханян принял командование батальоном. В бою его подразделение уничтожило 5 танков и до роты мотопехоты противника». А на словах комбриг добавил:

— Честно говоря, я не знал, что штабисты умеют воевать.

На что Артур, вспомнив почему-то и драки «стенка на стенку» в далеком Прикумске, и не совсем успешную финскую, и окружения, и окопную жизнь, без обиды ответил:

— У меня уже есть некоторый боевой опыт.

VIII

При отсутствии надежной связи в функции офицеров оперативного отдела входило доведение приказов командующего по назначению (иногда они были устными — вот для того-то и были необходимы отличная память и умение воспроизвести виденное на топографической карте), нужно было отслеживать правильное выполнение приказа и доложить о результатах в штаб.

В армиях и фронтах майор Адельханян уже видел своих коллег — офицеров связи Генерального штаба, напрямую подчинявшихся Москве. Они присутствовали при принятии решения командующим, наблюдали, как оформляется приказ и

как доводится до войск, выезжали на место, чтобы проконтролировать его выполнение, а свой доклад направляли в Главное оперативное управление Генерального штаба.

При зрелом размышлении было ясно, что недочет или ошибка офицера связи грозит нарушением управления войсками и катастрофическими последствиями.

Но круг обязанностей в конкретном оперативном отделе танковой армии оказался еще шире. Созданное временное полевое управление для руководства частью сил под командованием генерал-майора Барановича «вел» сейчас Адельханян, поддерживавший связь с основным командным пунктом.

При выезде на НП над машиной завис немецкий самолет.

— Стой! — заорал шоферу Баранович и после остановки с не свойственной его возрасту и комплекции прыткостью юркнул в кювет.

Оторопевший шофер штабного «виллиса» переглянулся с ничего не понимающим Адельханяном. Они не сделали бы такого выкрутаса даже под обстрелом — привыкли. А сейчас фашистский летчик находился слишком высоко и к тому же не проявлял к ним никакого интереса.

Через минуту на обочине появился сконфуженный Баранович. Поглядывая вверх, он отряхнул мундир, потом, убедившись, что опасность преувеличена, грузно сел в машину.

— Понимаешь, майор, — смущенно объяснялся он на наблюдательном пункте, оборудованном непосредственно на командирском танке, — на гражданской все было по-другому. Сяду на коня, крикну: «За мной!» — и пошел рубать белых. Я и свою конницу вижу, и где враг находится — соображаю. А здесь я ничего понять не могу.

Немного погодя, прищуренно глядя в бинокль, Баранович диктовал:

— Пиши: «Нахожусь на НП. Нас атакуют двадцать пять «тигров».

Адельханян удивился еще больше, чем по дороге.

— Ефим Викентьевич, там же не больше пятнадцати танков... А «тигров» три штуки...

Баранович оторвался от прибора наблюдения.

— Майор, пиши «двадцать пять». Что я, их пересчитывать буду, что ли? — и смилостивился, — «среди них — пять «тигров».

IX

В один из дней командный пункт армии в связи с близостью линии фронта — противнику удалось вклиниться в нашу оборону на глубину до 30 км — пришлось перенести на запасной пункт. Адельханян с частью офицеров оперативного и разведывательного отделов и связистами остались на прежнем месте для руководства и связи с войсками и передачи информации в штаб.

Благодаря четким действиям оставленной группы в критический момент были введены свежие части, что позволило отбить атаку превосходящих сил противника.

Ожесточенные бои 1-я танковая армия вела до вечера 15 июля, уничтожив множество бронетехники и живой силы немцев и не дав им вырваться на оперативный простор. Они пробовали прорваться к Курску восточное, через Прохоровку, но там их поджидали свежие части 5-й танковой армии генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова, которые в развернувшемся танковом сражении остановили врага.

В ночь на 16 июля 1-я танковая армия была введена в резерв для подготовки к контрнаступлению. Чуть позже пришел приказ о присвоении корпусам и бригадам армии звания Гвардейских. В 1-й танковой армии появились 11-й Гвардейский танковый корпус (бывший 6-й), в него вошли 40-я, 44-я и 45-я Гвардейские танковые бригады (бывшие 22-я, 112-я и 200-я), 27-я Гвардейская мотострелковая бригада (бывшая 6-я) и сформированный здесь же 9-й мотоциклетный батальон для ведения разведки; 8-й Гвардейский механизированный корпус (бывший 3-й) с входившими в него 19-й, 20-й и 21-й Гвардейскими механизированными бригадами (бывшие 1-я, 3-я и 10-я), 64-й Гвардейская танковая бригада (бывшая 49-я) и 8-й Гвардейский мотоциклетный батальон.

Старший помощник начальника оперотдела Адельханян получил мобильную радиостанцию на бронетранспортере и указание повсюду следовать за командующим армией. А вскоре Катукоев вызвал на совещание на наблюдательный пункт 6-й армии Г.К. Жуков.

Адельханян впервые близко увидел такое созвездие высших военных чинов. Кроме уже легендарного маршала, с которым Артуру довелось познакомиться по телефону, на совещании присутствовали командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин, командующий 6-й гвардейской армией И.М. Чистяков,

командующий 5-й гвардейской танковой армией П.А. Ротмистров, командир авиационного корпуса Н.П. Каманин.

Жуков начал без обиняков:

— У меня один-единственный вопрос: когда мы будем готовы нанести контрудар? Товарищ Катуков?

Михаил Ефимович Катуков всегда отличался тем, что открыто выражал свое мнение, а не подыскивал ответ, которого от него ждали.

— Не менее чем через две недели. Нужно восстановить поврежденные танки и получить новые.

Жуков был явно недоволен.

— Плохо подумал. Немцы ждать не станут, пока ты там две недели чухаться будешь. Товарищ Ротмистров?

Командующий 5-й танковой был похитрее своего коллеги. Зная, что Жуков имеет почти неограниченные полномочия от Сталина и имеет право прямого доклада Верховному Главнокомандующему, Ротмистров решил ему угодить.

— За неделю управимся, товарищ маршал.

Представитель Ставки перевел взгляд на Катукова.

— Учись у Ротмистрова. В общем, неделя...

— За неделю армия готова не будет, — услышался твердый голос Катукова. — Очень большие потери в танковом парке.

Жуков побагровел, но старался сдерживаться.

— Та-ак, — протянул он. — Вызови-ка ко мне командиров своих гвардейских корпусов.

Адельханян и порученец 11-го корпуса майор Шишов тут же выехали на машинах и через полчаса привезли на НП Кривошеина и Гетмана.

Маршал испытующе посмотрел на командиров корпусов. Он определенно вознамерился доказать командующему 1-й танковой его неправоту.

— Как вы считаете, сможем ли мы через неделю подготовить танки к наступлению?

Гетман молчал. Взглянув на него, Кривошеин обратился к представителю Ставки.

— Никак нет, товарищ маршал. Очень много машин выведено из строя и нуждается в ремонте. Нужно больше времени.

Жуков сощурил глаза и вкрадчивым тоном, за которым не ожидалось ничего хорошего, произнес:

— Что, трусишь?

Но Героя Советского Союза Семена Кривошеина невозможно было напугать даже Жукову. Звонким голосом, за которым угадывалась сдерживаемая горячность, генерал-майор сказал:

— А вот давайте прямо сейчас поедem в корпус, проверим готовность, потом скажете, трушу я или нет!

К удивлению присутствующих, буря не разразилась. Жуков повернулся, чтобы уйти, и чуть ли не на ходу отрезал:

— Через неделю чтоб были готовы!

Когда «делегации» выбрались с наблюдательного пункта, Катуков с укоризной выговаривал Ротмистрову:

— Как ты мог сказать — за неделю! У тебя ведь тоже много танков почти развалены! Как тебе не стыдно!

Командующий 5-й танковой слабо оправдывался:

— А что я мог поделатъ? Ну, обругал бы он заодно и меня. Разве это меняет дело?

Однако восторжествовала правда Катукова. Мудрый Ватутин сумел убедить Жукова в том, что нельзя требовать невозможного.

Перед Курской битвой в составе 1-й танковой армии была 631 боевая машина. Перед контрнаступлением вместе с отремонтированными их стало пятьсот.

Х

Вслед за идущими вперед войсками началось перемещение штабов. Адельханян находился с командующим армией на НП, когда потерялась связь с Шалиным. Катуков сказал:

— Проскочи, посмотри, в чем дело.

На старом месте Адельханян штаба армии не обнаружил. Зато нашел его чуть ближе к передовой, у деревни Калиновка, под сумасшедшей бомбежкой, которой немцы пытались приостановить наше наступление.

— Командующий вас разыскивает, — бухнувшись в окоп к Шалину, выпалил Артур.

Михаил Алексеевич и под обстрелом сохранял свою обычную спокойную рассудительность.

— Видишь, что творится? Мы продвинули штаб, думали, что войска тоже продвинутся, и оказались в боевых порядках войск. А теперь нас всех бомбят — вот такая катавасия. Доложи командующему обстановку.

Штаб расположился высоко на склоне долины. Выглянув из траншей, Адельханян увидел на противоположной стороне пешеходный куда-то «виллис». На его глазах в автомобиль попала бомба.

— Жаль, — услышал он сзади голос Шалина, — наверное, ваши офицеры связи из оперотдела...

Адельханян стремглав бросился к своей машине, они с шофером подъехали к месту трагедии. С первого взгляда было ясно, что в «виллисе» ехали чужаки. А из документов следовало, что один из погибших — генерал армии Иосиф Родионович Апанасенко, который только что был назначен заместителем командующего Воронежским фронтом и прибыл с Дальнего Востока.

Подойдя к Шалину, Адельханян замялся, не зная, как доложить. Наконец, он выдал из себя одно слово.

— Апанасенко.

— Не может быть! — невозмутимый Шалин был потрясен. В связи с общими успехами наши военачальники стали проявлять беспечность, среди них участились потери*.

XI

В ходе начавшегося наступления Красной Армии было преодолено более ста километров, но в дальнейшем сопротивление гитлеровцев усилилось, а вместе с оторванностью наших тылов это привело к остановке продвижения. В штаб Воронежского фронта прибыл главный «толкач» Ставки маршал Жуков. От Ватутина он заехал в 1-ю танковую.

Докладом Катукова маршал остался доволен, а от предложения отдохнуть и пообедать отказался; ему необходимо попасть в 4-ю Гвардейскую армию.

— С ней соседствует наш 11-й корпус, — сказал Катуков.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно сказал Жуков. — Выдели мне офицера оперотдела, который знает туда дорогу.

Через пять минут специальный правительственный автомобиль представителя Ставки следовал в пыльном шлейфе за бронетранспортером, в котором ехал майор Адельханян. Ответственность (не каждый день приходится сопровождать маршала!) уравнивалась уверенностью в безопасности дороги: Артур всего пару часов назад вернулся с участка 11-го корпуса, где все было спокойно, а небо полностью контролировала наша авиация.

Тем больший сюрприз поджидал их за несколько километров от конечной цели.

* В послевоенных изданиях неверно утверждалось, что И.Р. Апанасенко успел приступить к своим обязанностям, а погиб позднее.

Лоб майора покрылся испариной, когда он увидел двух красноармейцев, выбежавших прямо на них из леса и всю размахивавших руками. Неужели сюда прорвались немцы? Но ведь этого не может быть, они далеко...

Адельханян высочил из бронетранспортера и рванул наперерз бегущим солдатам.

— Что случилось? Немцы?

— Никак нет, товарищ майор, — отчего-то краснея и морщась, отчеканил долговязый сержант. — Пчелы.

— Что-о! — У Адельханяна глаза полезли на лоб. Только сейчас он заметил летавших вокруг солдат беспокойно жужжащих насекомых. Переминавшийся с ноги на ногу рядовой пояснил:

— Мы тут медком из заброшенных ульев хотели побаловаться. По-тихому не получилось, пчелы ринулись в контратаку...

— Стойте здесь, — сказал им Адельханян и поспешил к Жукову. Маршал с недовольным видом сидел в бронированном автомобиле и спокойно ждал. После того, как майор доложил, что солдат обратили в бегство пчелы, Жуков в непарламентских выражениях высказался по поводу бардака в боевых порядках 1-й танковой и посоветовал обратить внимание на дисциплину.

Однако вылезшего из танкового капонира Гетмана Жуков приветствовал добродушно — они были знакомы еще до войны. Дела корпуса его не интересовали, зато он сразу же связался со штабом 4-й гвардейской.

— Вот так всегда, — сказал он Гетману. — Как только мне нужен Кулик, мне отвечают, что он в боевых порядках частей. Бежит от меня на передовую, лишь бы не встретить. Ничего, на этот раз дождусь, пока его найдут. — Потом, улыбнувшись Гетману, добавил, — Андрей Лаврентьевич, давай пообедаем.

Адельханян про себя отметил, что в штабе 1-й танковой Жуков есть отказался, с Катуковым был холодно деловит, а здесь, у Гетмана, вел себя гораздо приветливее. Он вспомнил сцену на НП 6-й армии и с сожалением заключил, что знаменитый маршал не лишен человеческих слабостей и явно благоволит к тем, кто ему не перечит.

Жуков с Гетманом сидели за отдельным столом, майор Адельханян с начальником штаба корпуса — за другим. Артур думал о превратностях армейского бытия, да и просто о жизни.

Третий раз сталкивался он с Жуковым, и третий раз ему доставалось на орехи. Однажды он получил нагоняй за Барановича, во второй раз пережил неприятные минуты на НП

вместе со своим командующим, а сегодня его подвели под монастырь незадачливые охотники за пчелиным медом. Ни разу он не был прямо виноват, зато попадал под горячую руку.

Но, конечно, бывали ситуации и похуже. Не говоря о том, что кто-то рядом с тобой гибнет в бою, кого-то на привале достает снайпер, а кого-то находит шальная пуля...

Недавно по всем армиям прошел слух о совсем диком случае.

Генерал-полковник И.С. Конев являлся ярым приверженцем палочной дисциплины, причем понимал это буквально, повсюду расхаживая с крепкой тростью и без разбору пуская ее в ход. Еще когда Адельханян служил в оперативном отделе 29-й армии, он получил задание прослушать разговор командующего Западным фронтом Конева с командующим армией Журавлевым для того, чтобы его записать и оформить приказом. И он лично слышал, как Конев требовал следовать его примеру и пользоваться палкой как орудием наказания.

Один из командиров танковой бригады (не из армии Катюкова), объезжая позиции после неудачной атаки, увидел недалеко от передовой боевую машину со сгрудившимся вокруг нее экипажем. Он тут же обвинил экипаж в том, что тот без приказа вышел из боя, а когда командир танка попытался что-то объяснить, комбриг вытащил пистолет, застрелил его и сел в машину. Пришедшие в себя механик-водитель, наводчик и заряжающий заняли боевые места и прямой наводкой послали снаряд вслед удалявшемуся автомобилю. Вместе с самодуром-комбригом погиб и без вины виноватый шофер.

А Кулик? Перед войной Героя Советского Союза, заместителя наркома обороны СССР маршала Г.И. Кулика знала чуть ли не вся страна. Но в 1941-м на него списали военные неудачи под Ленинградом и понизили в звании до генерал-майора. Сейчас вроде опять доверяют: он генерал-лейтенант и возглавил 4-ю Гвардейскую армию. Но что будет завтра?..

Пока Адельханян думал, подъехал и сам предмет его размышлений. Командующий армией Кулик стоял перед Жуковым навтыжку и выслушивал всевозможные обвинения попеременно с оскорблениями. Может, он действительно был никудышным военачальником, но тогда его просто следовало отстранить от командования, а не выставлять на посмеище.

Через десять минут Жуков с Куликом уехали на КП 4-й армии, а Адельханян вернулся к себе.*

* В 1950 году Григорий Иванович Кулик был репрессирован. Через семь лет восстановлен в звании маршала (посмертно).

ХII

Первая танковая успешно прошла боевое крещение и доказала свою жизнеспособность на Курской дуге, где удар немецких войск был одним из самых сильных, самых концентрированных за всю Вторую мировую войну. Вермахт потерял за пятьдесят дней свыше полумиллиона солдат и офицеров, полторы тысячи танков, три тысячи орудий, три тысячи семьсот самолетов. Тем самым в Курской битве немцы поставили антирекорд, теряя в день 10 тысяч человек личного состава, 30 танков, 60 орудий и 74 самолета.

Продвижение 1-й танковой армии в Белгородско-Харьковской наступательной операции явилось неожиданным для противника — германское командование было уверено, что после таких тяжелых боев невозможно быстро перестроиться и организовать эффективное контрнаступление. Однако немцы немедленно подтянули резервы и сумели нанести урон нашим войскам. В рядах 1-й танковой к середине августа осталось менее двухсот боевых машин. Продвинувшись более чем на сто километров, она перешла к обороне на достигнутых рубежах, а в сентябре была выведена в резерв Ставки.

Возле города Богодухова, освобожденного 1-й танковой армией, погиб командир 31-го танкового корпуса генерал-майор Дмитрий Хрисанфович Черниенко.

Во время боев на Курской дуге майор Артур Исаевич Адельханян был принят в члены ВКП(б).

ТАКАЯ ДОРОГАЯ ПОБЕДА

Ветер поет, шелестит листвою шелковица.
Песнь вечна, вечны жизнь и смерть,
Скорбь вечна, и вечно ликование...

Ваган Тотовец

I

После вывода 1-й танковой армии в резерв Ставки в район города Сумы тыловые службы ее практически забыли. Мало того, что в части не поступало горючее, через неделю прекратился и подвоз продовольствия. Видимо, снабженцы решили, что армия на отдыхе и может продержаться на подножном корму. Дошло до того, что послали телеграмму самому Сталину. Буквально через несколько часов в адрес армии пошли эшелоны из тыла.

Катукова вызвали в Москву на совещание, заодно попросили сделать доклад в Академии механизации и моторизации о действиях 1-й танковой в Курской битве и в Белгородско-Харьковской операции. Снова ночи напролет он проводил над схемами и топографическими картами, обобщением стратегического и тактического материала, разработкой лекции...

Здесь майора Адельханяна нашла еще одна правительственная награда — только что утвержденный орден Отечественной войны 1-й степени — за обеспечение руководства войсками в напряженный момент Курского сражения.

Перелом, достигнутый в 1943 году в летних боях на Курской дуге, полностью передал стратегическую инициативу советским войскам. Была освобождена левобережная Украина, Киев, захвачен обширный плацдарм на правом берегу Днепра. Нельзя сказать, что немцы не пытались выправить положение. Они предпринимали контрудары, но везде натывались на стойкую оборону.

Находясь в резерве Ставки, 1-я танковая даже не имела возможности пополнить свой состав новыми боевыми машинами. Поэтому ремонтники из ведомства заместителя командующего по технической части П.Г. Дынера получили задание довести парк машин до пяти с половиной сотен танков и трудились изо всех сил.

С конца декабря армия в составе 1-го Украинского фронта (бывший Воронежский) принимала участие в Житомирско-Бердичевской наступательной операции на направлении главного удара и продвинулась с боями на 200 километров. 11-й корпус, отдельная 64-я танковая бригада 1-й танковой армии громили фашистов в ходе Корсунь-Шевченковской операции.

Погиб, казалось, заговоренный от смерти командир 64-й гвардейской танковой бригады Александр Федорович Бурда. Его заменил полковник И.Н. Бойко.

К началу Проскуровско-Черновицкой операции в 1-й танковой произошли изменения. 31-й корпус был выведен из состава армии. Убывшего С.М. Кривошеина на посту командира 8-го Гвардейского механизированного корпуса сменил генерал-майор Иван Федорович Дрёмов.

Первая танковая прошла с боями до 200 километров, освободила Гусятин и Черновицы, 20-я бригада под командованием Амазаспа Хачатуровича Бабаджаняна вышла к Днестру и форсировала его. Этот рейд не только обеспечил выход к советско-чехословацкой границе, но и отрезал пути отхода частям немецкой 4-й танковой армии, оказавшимся под угрозой окружения. Отличившиеся в наступлении соединения и части 1-й танковой армии получили наименование «Черновицкие», а Иван Никифорович Бойко стал первым танкистом — дважды Героем Советского Союза.

25 апреля 1944 года приказом наркома обороны 1-я танковая армия стала Гвардейской.

II

Майор Адельханян с механиками-водителями выехал на танковый завод в районе Челябинска получать танки для армии.

Встретивший «приемщиков» директор завода показал им боевые машины. Придирчиво осматривавшие танки механики-водители нашли множество неисправностей. Выслушав армейцев, директор отозвал майора с замполитом и предложил:

— Давайте устроим вам встречу с труженниками тыла, поговорите с людьми, расскажете, как там на фронте.

У директора завода было звание генерала, поэтому перечить ему не стоило, даже если бы у кого-то возникло такое желание. Замполит шепнул Адельханяну:

— Поговорим с людьми, выскажем претензии — они как раз исправят недоделки.

В огромном ангаре в рабочий перерыв собрался весь коллектив танкового завода. Когда Адельханян обвел глазами море напряженных лиц, он понял, что директор перехитрил их, говорить здесь о претензиях не повернется язык. Пряча побитые на конвейере руки в засаленных ветошах, на солдат с восхищением смотрели мальчишки двенадцати-четырнадцати лет и изможденные женщины.

«К нам за нашей продукцией с фронта прибыли бойцы славной 1-й танковой армии, разбившей проклятые фашистские полчища под Белгородом и Харьковом и начавшие освобождение южной Украины, — обратился к рабочим директор. — Но у них к вам есть несколько вопросов по качеству. — Он обернулся к Артуру, — скажите, какие дефекты обнаружили».

Майор Адельханян взглянул на механиков-водителей. Те молчали, опустив головы. Замполит чуть не плача смотрел на враз притихших пацанов и баб и кусал губы. Артур придвинулся к печально-торжественному директору и сказал:

— Нет у нас к вам ничего, кроме великой солдатской благодарности за ваш самоотверженный труд. Обещаем, что танки, сделанные вашими руками, будут беспощадно громить врага.

Тревожное ожидание сменилось улыбками. Посыпались вопросы о последних фронтовых событиях, о ратных подвигах 1-й танковой. В конце встречи к ним подошли насупившиеся мальчишки.

— Возьмите нас с собой на фронт, а то здесь не пускают.

Адельханян постарался напустить на себя недовольный вид.

— А кто же будет ковать победу в тылу? Собирать танки?

Несколько дней вся воинская делегация трудилась, не покладая рук над исправлением обнаруженных дефектов, а после погрузки эшелонов отправилась в свою часть.

III

Отдых в резерве для 1-й танковой армии вскоре закончился. Артур со своими товарищами из оперативного отдела снова корпел за разработкой, теперь уже Львовско-Сандомирской операции.

Вовсю обсуждалась высадка союзников в Нормандии.

— Ой, хитрецы! — смеялся Миша Шлепков. — Открыли «второй фронт», когда мы уже вышли к старой границе и порядочно немцам наkostenяли. С побитыми воевать-то легче!

Действительно, положение на фронте изменилось коренным образом. Раньше германские стратеги трубили на весь мир, что славную немецкую армию побеждали только лютые русские морозы, что Красная Армия имела успех лишь в зимних кампаниях. Но потомкам тевтонских рыцарей мешали и отвратительные дороги, и воевавшие «не по правилам» в неурочное ночное время красноармейцы и непокорные гражданские лица, в массовом порядке становившиеся партизанами...

Но разве для нашего солдата температура воздуха или состояние дорог были другими? Или немцы всерьез рассчитывали на ведение боевых действий по удобному им расписанию? Или можно было ожидать лояльности от населения после всех зверств оккупантов?

Прекрасно технически подготовленная, имевшая боевой опыт, предельно отмобилизованная, Германия в 1941-м напала на СССР, не успевший подготовиться к войне. Имея преимущество внезапности, стратегическую инициативу, численное превосходство, вермахт успешно продвигался на восток, полностью уверенный в доктрине «блицкрига» и убежденный в скорой победе. Но ценой немыслимых жертв советский народ сумел задержать противника, перестроить экономику, мобилизовать свои военные силы. С первых жестоких боев на границе немцы поняли, что эта война обернется большой кровью, что сопротивляться им здесь будут до последнего, что победного марша, как это было в Западной Европе, не получится. Под Смоленском немецкие части впервые хоть немного, но отступили. Под Москвой им впервые пришлось бежать. Под Сталинградом немцы впервые проиграли в военно-стратегическом отношении, потеряв в «котле» целую армию. Под Курском они напрягли все свои силы, чтобы одержать победу, стабилизировать фронт, но были разгромлены.

Однако говорить, что Германия признала свое поражение, было преждевременно. Солдат вермахта оставался дисциплинированным и упорным, военачальники сохраняли ясный ум и тактический опыт, промышленность сумела обеспечить фронт всем необходимым. Ни в первой, ни во второй мировой войне, не считая редких авиационных налетов, не велось

боевых действий на территории Германии. Теперь, с приближением линии фронта к границам рейха, немецкому солдату внушалось, что он защищает родной очаг, свою семью.

Побеждать такого врага было нелегко.

Поэтому Адельханян и сказал Шлепкову:

— Не знаю, как там во Франции, а здесь немцы не подарок. И чтобы их побить, придется еще столько жизней отдать...

В оперотделе воцарилось молчание.

IV

В июле 1944 года началась Львовско-Сандомирская операция. Когда опергруппа, куда входил майор Адельханян, остановилась у реки Сан, в глазах закаленных бойцов блеснули слезы. Здесь до войны проходила советско-польская граница. Катуков сказал, ни к кому не обращаясь:

— Дошли...

Войска встали. Дальнейшему продвижению мешал заминированный мост. Он контролировался с того берега немцами, поэтому работа саперов исключалась. Приказ найти брод, переправиться и удержать плацдарм до подхода главных сил получил командир разведгруппы А.А. Манукян.

— Не подведет твой земляк? — спросил командир танковой бригады.

Артур хорошо знал Манукяна, поэтому ответил не колеблясь:

— Справится, можете не сомневаться.

Поставленную задачу Манукян выполнил*.

В ходе Львовско-Сандомирской операции 1-я танковая армия вошла в прорыв, организованный 13-й общевойсковой армией, участвовала в окружении Бродской группировки противника, штурмовала крепость Перемышль и первой форсировала Вислу, захватив плацдарм у Сандомира...

Гитлер, объявивший Вислу последним рубежом обороны, бросил на советские передовые части, переправившиеся через реку, свежие войска в составе пяти танковых, моторизованной и двух пехотных дивизий. К этому времени 1-я танковая замыкала кольцо вокруг Сандомирской группировки, но теперь сама рисковала оказаться в окружении.

Развернулись кровопролитные бои на плацдарме. Погиб командир бригады С.И. Кочур. Обгоревшее тело всеобщего любимца, Героя Советского Союза старшего лейтенанта

* Впоследствии А.А. Манукяну было присвоено звание Героя Советского Союза.

Владимира Подгорбунского удалось вынести с поля боя только ночью — из его разведроты в живых осталось лишь семь человек. Был тяжело ранен командир 20-й механизированной бригады А.Х. Бабаджян.

Командующий 1-й танковой армией отдал приказ на уничтожение контратакующей группировки, чтобы не допустить деблокаирования окруженного у Сандомира противника. Этот приказ командирам 8-го механизированного и 11-го танкового корпусов должны были доставить майоры Адельханян и Шлепков.

Начальник оперотдела М.Т. Никитин попросил выделить для их сопровождения двух разведчиков. Полковник А.М. Соболев — начальник разведотдела, подробно проинструктировал проводников: «Главное, использовать еще не занятые фашистами участки, ведь сплошного кольца пока нет...»*.

Вышли ночью. По едва заметным признакам шедший впереди разведчик — молоденький старший сержант — определил близость немецких позиций. Дальше пришлось пробираться ползком. Длинные автоматные очереди и осветительные ракеты заставляли пару на какое-то время замирать.

«Весело, — думал Артур, в очередной раз застывая в попытке слиться с окружающей поверхностью, — обнаружат и подстрелят, как куропаток. А по-пластунски ползать я в штабе малость отвык», — подвел он итог своим мыслям и усиленно заработал локтями, еле успевая за разведчиком, скользящим ужом по земле.

Когда они добрались до штаба 8-го корпуса, Адельханян нашел Дремова и изложил приказ. Иван Федорович покачал головой.

— Давненько в такой переплет не попадали. Как под Курском — прут и прут, невзирая на потери! Видать, не только своих из «котла» выпустить хотят, но и вообще нас в Вислу скинуть.

В том, что генерал-майор не ошибался, Адельханян убедился рано утром, когда фашисты обрушили на позиции Дремова шквальный огонь и двинули танки. Здесь немцы применили новый тяжелый танк Т-VIB («королевский тигр») весом 68 тонн с усиленной лобовой и бортовой броней. Но «тридцатьчетверки» могли справиться и с ним — теперь они оснащались 85-миллиметровой пушкой.

* После войны А.М. Соболев напишет книгу «Разведка боем» («Московский Рабочий», 1975) и пришлет в Кисловодск с надписью: «Адельханяну Артуру Исаевичу, верному и отважному солдату Отчизны».

Штабы тоже встали в строй. Адельханян двое суток вместе со всеми отражал непрерывные атаки противника. Только после этого он отправился на КП армии с докладом о боевых действиях.

За доставку приказа командующего через линию фронта и за непосредственное участие в бою майор Адельханян был награжден вторым орденом Отечественной войны I степени.

18 августа, после окончательного разгрома гитлеровской группировки, был освобожден Сандомир.

Там же похоронили Михаила Шлепкова, доставившего боевой приказ в 11-й танковый корпус и погибшего при защите Сандомирского «коридора».

V

В начале сентября 1-ю танковую вывели в резерв Ставки для отдыха и пополнения — свою задачу она полностью выполнила, но понесла большие потери. Произошли изменения в командном составе: вместо убившего в Москву на прежнюю должность начальника кафедры Академии бронетанковых войск генерала Барановича заместителем командующего армией стал Гётман, а оправившийся от ранения полковник Бабаджаниян принял 11-й корпус.

Прибывшее пополнение состояло в основном из молодежи очередного призыва. Адельханян вместе с другими офицерами оперативного отдела и отдела укомплектования отправили на тыловые базы «поскрести по сусекам» и добрать личный состав.

В тыловых учреждениях на вопрос, есть ли люди, неизменно давали отрицательный ответ. Однако провести армейцев было сложно. Сбор по тревоге и последующая сверка выявляли в каждом тыловом эшелоне до роты «примкнувших», не имевших права на отсрочку, причем, кроме излечившихся легко раненых, было немало и вовсе не воевавших.

Работа кипела и в лесах Львовщины, где дислоцировалась армия. Обучение новоприбывших на полосах препятствий и танкодромах, боевые стрельбы, марш-броски, освоение новой и ремонт старой техники — дел хватало.

Школой ненависти к фашизму стало посещение солдатами концлагеря Майданек возле Люблина, одной из многих «фабрик смерти», устроенных гитлеровцами на востоке. Немцы тщательно скрывали от мирового сообщества свои злодеяния, не укладывающиеся в рамки нормального понимания, но следующие в духе крайнего цинизма бесчеловечной идеологии.

Сотни случайно оставшихся в живых узников концентрационного лагеря Майданек были освобождены советскими танкистами 24 июля 1944 года.

Одно дело — слышать, совсем другое — увидеть собственными глазами. Наши солдаты обнаружили и отрыли длинные ряды траншей, куда сваливали расстрелянных. Заключенные, больше похожие на обтянутые кожей скелеты, показали печи, где фашистские изуверы сжигали свои жертвы. Большое количество узников было задушено газом «Циклон Е». На складах лежали рассортированные по цветам людские волосы, с немецкой педантичностью разложенная в аккуратные стопки человеческая кожа — она должна была послужить сырьем для изготовления дамских сумочек и тонких перчаток.

Из Москвы сразу же прислали правительственную комиссию, которая записывала свидетельские показания, фотографировала и снимала на киноплёнку ужасные атрибуты концлагеря*. Политработники привозили в Майданек целые подразделения фашистов, чтобы наши солдаты прониклись еще большей ненавистью к гитлеровцам.

В ноябре 1944 года 1-я танковая армия получила директиву Ставки совершить переход и сосредоточиться у города Люблин. Она переподчинялась 1-му Белорусскому фронту, которым стал командовать маршал Г.К. Жуков.

Теперь на стратегическом направлении лежал Берлин.

VI

Даже война не сумела убить обычные человеческие чувства. Среди грохота разрывов, грязи и крови жила любовь, рождались и умирали отношения между мужчиной и женщиной.

Дружба Артура и Клавдии постепенно перерастала в более сильное чувство. У них появилась потребность как можно чаще видеть друг друга. Артур использовал каждую возможность, каждую свободную минуту, чтобы встретиться с этой бедовой девчонкой. Он неожиданно для себя открыл, что способен ревновать — сдерживать природную кавказскую горячность стоило больших трудов. При всем этом он понимал, что Клава не дает повода для сомнений, однако вокруг столько восхищенных мужских глаз и лестных комплиментов...

* Материалы, собранные комиссией, были представлены на Нюрнбергском процессе. Всего в Майданеке фашисты уничтожили около полутора миллионов человек.

Большое чистое чувство возникло и между командующим армией и машинисткой оперативного отдела Екатериной Красавцевой. Впрочем, начались их отношения давно — она еще работала в машбюро 3-го механизированного корпуса, возглавлявшегося Катуковым. Хотя было известно, что у Михаила Ефимовича осталась в тылу жена, офицеры были также наслышаны, что отношения с ней у Катукова не сложились, и лишь боевая обстановка не давала возможности оформить развод.

Надо отметить, что близость с командующим вовсе не означала, что Красавцева имела какие-то послабления по службе, наоборот, она считалась лучшей машинисткой, умевшей печатать текст вслепую под скорую диктовку, и была единственной профессиональной стенографисткой.

VII

Висло-Одерская операция, начавшаяся 12 января 1945 года, стала одной из самых славных страниц в истории советского оружия. 1-я Гвардейская танковая армия все время находилась впереди, на острие удара, рассекая оборонительные полосы противника, уничтожая разрозненные группы и не давая им организовать стройный отпор. Войдя в прорыв, образованный 8-й Гвардейской армией генерала В.И. Чуйкова с магнусевского плацдарма южнее Варшавы, 1-я танковая за двадцать дней прошла более 500 километров и сумела захватить плацдарм на западном берегу Одера. До логова Гитлера оставалось семьдесят километров.

Стремительное продвижение и верность устаревшим инструкциям чуть не привели к гибели штаб 1-й танковой. Когда он находился в городе Нове-Място, потерялась связь с продвинувшимися корпусами Бабаджания и Дрёмова. Командующий фронтом не разрешил перемещать штаб армии, пока не будет выяснено местоположение оторвавшихся подразделений, и всю ругал Шалина. Мрачный начштаба положил трубку и стал рассуждать вслух:

— Парадокс. Чтобы иметь связь с войсками, надо подойти к ним поближе. Штаб фронта не разрешает к ним подвинуться, пока мы не доложим, где они. Чтобы знать это, надо к ним подвинуться... Сказка про белого бычка получается. Матвей Тимофеевич, — обратился он к начальнику оперотдела, — посадите офицеров связи на самолеты, попробуйте разыскать наших «беглецов».

Вдруг в комнату вбежал дозорный.

— Немцы!

Прямо на штаб вышел блуждающий отряд немцев, отступавший из Варшавы. Примерно тысяча автоматчиков при поддержке семнадцати танков бросились на численно меньшую группу советских бойцов — штаб обороняла всего лишь рота мотоциклетного батальона с шестью танками. Рота охраны, офицеры отделов штаба, шоферы — все залегли в цепь.

Отпор превосходящим силам противника они устроили достойный — как и Адельханян, все пришли из боевых частей и столкнуться с фашистами лицом к лицу им было не впервой. Но гитлеровцев было слишком много. Они лезли внахрап, видимо, хотели сорвать злость за только что испытанное унижение под Варшавой.

Прорвавшись на окраину Нове-Място, фашисты обнаружили две радиостанции и убили девушек-связисток. Атака следовала за атакой, не смутила немцев и потеря шести танков. Если бы вовремя не подоспела находившаяся в резерве бригада Ивана Никифоровича Бойко, могло случиться непоправимое.

Погибла большая часть мотострелков роты охраны, которой командовал капитан Попов, были потери среди офицеров штаба, уничтожена редакция армейской газеты, военторг. Зато фашисты так и не смогли прорваться сюда — остатки их группы сдались в плен.

Но связь с корпусами так и осталась неустановленной. Адельханян с другими офицерами оперотдсла вылетели на самолетах У-2 и обнаружили две танковые колонны: нашу, шедшую на запад, и продвигавшуюся на восток немецкую.

Ушедший вперед Бабаджанян потом признавался, что, взломав вражескую оборону, они решили рвануть в сторону Одера, невзирая на отсутствие связи. За один день прошли восемьдесят километров — а победителей, как известно, не судят.

Получив информацию, Жуков успокоился и только пожурил — дескать, в другой раз связь не теряйте.

VIII

Хотя столица рейха была близко, следовало, в первую очередь, обезопасить себя от наступления с севера Померанской группировки противника, которая в середине февраля нанесла несколько чувствительных ударов и даже немного потеснила войска 1-го Белорусского фронта.

Перед 1-й танковой армией стояла задача проникающим ударом расчлнить боевые порядки немцев и выйти к Балтийскому морю в районе Кольберга, отрезая тем самым все скопившиеся в Восточной Померании войска от основных баз в Германии. Еще одна сложность состояла в том, что на все-про все отпускалось всего четыре дня.

1 марта передовые бригады танковой армии устремились на север, с боями взламывая узлы сопротивления противника. Почувывая опасность окружения немцы отчаянно пытались прорваться на запад, и снова штабу 1-й танковой пришлось принимать бой, но пригодился предыдущий опыт — располагаясь на остановку, офицеры и солдаты охраны теперь подготавливали на всякий случай оборонительные позиции. Каждый, кроме положенного по штату пистолета, имел автомат, сам командующий армией, носивший в кобуре маузер, возил с собой в машине карабин.

Вечером 4 марта Адельханя с офицером связи 8-го гвардейского корпуса доставили Катукову бутылки с соленой водой — вещественное доказательство выхода армии к Балтике.

Когда была осаждена крепость Кольберг, пришел приказ Ставки о временной передаче 1-й танковой армии в состав 2-го Белорусского фронта для завершения операции. 9 марта 1945 года 1-я танковая пошла на восток к Данцигской бухте, где располагались три хорошо укрепленных города, превращенные фашистами в мощные крепости: Данциг, Сопот и Гдыня. Вместе с 19-й армией катуковцы штурмовали Гдыню, при этом потеряли много танков. Адельханя и здесь в дополнение к своим прямым обязанностям ввязался в уличные бои, за что получил нагоняй от начальства и второй орден Красной Звезды.

Когда в оперотдел заглянул офицер в незнакомой форме и представился полковником из танковой бригады 1-й армии Войска Польского, Адельханя повел его к Катукову. Поляк предъявил директиву штаба фронта об укомплектовании своей бригады за счет 1-й танковой армии. Если боевые машины выделили без проблем, то экипажи гвардейцев заартачились, никто не хотел переходить в польскую бригаду. Политработникам стоило большого труда убедить танкистов, но согласились они помочь полякам лишь после заверений, что по окончании Восточно-Померанской операции вернутся в свои части.

28 марта была освобождена Гдыня, 1-я танковая выполнила задачу, сдала свой боевой участок 19-й армии, а к началу апреля вновь была включена в состав 1-го Белорусского фронта и сосредоточилась в лесах близ Одера. Предстоял последний рывок на запад — штурм Берлина.

IX

Во время подготовки Берлинской операции неоценимую услугу всем участвующим в штурме города оказали топографы оперотдела 1-й танковой армии во главе с С.Д. Дубовым*. За короткий срок они создали подробный план-макет германской столицы со всеми кварталами, отдельными большими домами, улицами, площадями, оборонительными сооружениями, завалами, дотами. Позже этот макет называли «золотой картой». Кварталы и крупные объекты получили собственные номера, к примеру, рейхстаг — № 105, а здания имперской канцелярии — №№ 106, 107 и 108. Штурмовые группы, на которые разбили 1-ю танковую, проводили на макете занятия, внимательно изучали маршруты своего предполагаемого движения, отрабатывали связь, примеривались, как бороться с укрепленными пунктами.

Геббельсовская пропаганда утверждала, что под Берлином советским войскам будет нанесен сокрушительный удар с применением нового секретного оружия. Боевой дух вермахта поддерживался призывами защитить своих близких от «красного террора», расстрелами дезертиров, мобилизацией стариков и мальчишек из «гитлер-югенда». Кроме регулярных войск Красной Армии противостояли двести батальонов фольксштурма и множество истребителей танков, вооруженных фаустпатронами.

Для защиты своего логова немцы сосредоточили примерно миллион человек, полторы тысячи танков и самоходок, свыше десяти тысяч орудий, 3300 самолетов.

Наши войска сосредоточили на берлинском направлении два с половиной миллиона бойцов, 6200 танков и САУ (самоходных артиллерийских установок), более сорока двух тысяч орудий и минометов, семь с половиной тысяч самолетов.

Зееловские высоты, которые поначалу советское командование недооценило, дались большой кровью. Лишь к вечеру 17 апреля, на второй день наступления, корпус Бабаджаняна

* В настоящее время полковник Семен Дмитриевич Дубов проживает в Москве.

пробил брешь севернее Зеелова, куда устремилась вся армия. Тем не менее, немцы подтянули резервы, стремясь контратаками выбить наших на прежние позиции. И только после введения из резерва кавалерийского корпуса продвижение пошло более быстрыми темпами.

В ходе боя затерялась САУ старшего сержанта Кибизова — предполагали, что он слишком глубоко вклинился в позиции противника и там погиб. Каково же было удивление, когда наутро экипаж появился в полк, не имея ни одной царапины на самоходке. Оказалось, вечером Кибизов пристроился в хвост отступавшей немецкой колонны, в упор расстрелял два «тигра» и преспокойно вернулся. Однопольчане над ним подшучивали: Ради каких-то двух танков упустил возможность втихую первым войти в германскую столицу — наверняка прославился бы*.

Чуть раньше была утеряна связь с наступавшей южнее в районе Котбуса 3-й танковой армией генерал-полковника П.С. Рыбалко, входившей в состав 1-го Украинского фронта. В образовавшейся между танковыми армиями полосе в несколько сот километров находились немецкие 9-я и 4-я танковые армии.

Оперативный отдел 1-й танковой получил задачу отыскать армию Рыбалко и наладить взаимодействие с ней при штурме Берлина. Выполнять задание на двух самолетах ПО-2 отправились майор Адельханян и капитан Посиделов.

Биплан По-2 немцы ценили высоко и рьяно поощряли своих зенитчиков и летчиков-истребителей: на таком «кукурузнике», умевшем использовать в качестве взлетно-посадочной полосы даже небольшую лесную поляну, обычно возили либо большое начальство, либо документы.

На сей раз никаких документов в самолете не было. Адельханян просто «сфотографировал» карту зрительно, зафиксировав в памяти непривычные названия немецких населенных пунктов и расположение наших и фашистских частей.

По пути засекли только танковые колонны противника.

— А вот, кажется, наши, — перекричал шум ветра пилот, завидев танковую группу, шедшую по грунтовке на запад.

Артур такой уверенности не разделял, досконально разглядеть форму танков или знаки на их бортах сквозь низкий дымчатый туман и взбаламученную танками пыль было невозможно.

* В настоящее время бывший колхозник, Герой Советского Союза, старший сержант Александр Кибизов проживает во Владикавказе.

— Садись на поле, только не рядом с ними. И на всякий пожарный будь готов сразу взлететь.

Сделав вираж, «кукурузник» приземлился в полукилометре от дороги, горделиво демонстрируя колонне огромную красную звезду на фюзеляже. Тут же два танка развернулись и пошли к самолету, на ходу открыв огонь. Наконец, Адельханян узнал знакомые очертания «пантер».

— Давай быстро отсюда! Это немцы!

— Сам вижу, — обиженно ответил летчик, поднимая биплан в воздух. Вслед им трещали пулеметы.

Когда распогодилось, Адельханян заметил внизу колонну танков.

— Снизиться? — спросил пилот.

— Садись, это точно наши, — Артур разглядел силуэты родных «тридцатьчетверок».

Это действительно оказалась 3-я танковая армия, продвигавшаяся маршем после прорыва немецкой обороны. Но сразу найти командарма не удалось, пришлось совершить четыре ближних перелета, прежде чем наткнулись на присущий штабу беспорядок: у опушки сновали транспортные машины и «виллисы», разворачивались походные радиостанции.

Адельханян отрапортовал командующему 3-й танковой, показал на карте изменения в полосе 1-го Белорусского фронта. Рыбалко удивился и похлопал майора по плечу.

— Молодец! Вот это память! — Павел Семенович призадумался, потом вызвал своего начштаба. — Если тебе твой командующий карту не дал, — сказал он Артуру, — я тоже не дам. Запоминай.

Час Адельханян изучал карту, запоминая диспозиции 3-й танковой армии. На обратном пути два раза напарывались на немецкие зенитные батареи, хотя летчик старался вести самолет над лесом. После приземления на полевом аэродроме техники обнаружили в биплане больше десяти пробоин.

Самолет капитана Посиделова, возвращавшегося от Рыбалко, был обстрелян зенитным огнем, капитан получил ранение*.

* Капитан Дмитрий Посиделов в настоящее время проживает в Ростове-на-Дону.

Вошедшие в аккуратную немецкую деревеньку офицеры оперотдела увидели большой пруд и кинулись умыться. Вдруг кто-то заметил болтавшуюся под помостом корзину. Всех словно ветром сдуло, подумали — мина.

Срочно вызванный сапер обнаружил в корзине не взрывчатку, а обыкновенный шнапс. Видимо, кое-кто из местных жителей таким образом хотел уберечь свои запасы спиртного. Трофей оприходовали, а вечером сняли пробу. Не понравилось.

Во время преследования в оперативной глубине офицер связи оперотдела 11-го танкового корпуса Игнатьев отстал от своего штаба. Многодневные поиски и попытки установить с ним связь результата не принесли. Наконец, уже возле Берлина, Игнатьев нагнал свою часть и рассказал, что в лесу нарвался на немецкую засаду, разбил машину и зарыл бывшие при нем документы в землю, чтобы они не попали в руки врага. Осознавая, что за утерю важных материалов его ждет военный трибунал, все это время рыскал по лесу, пока не нашел пропажу.

1-я танковая вышла к Берлину, форсировала Шпре в районе Карлхорст-Кепеник и начала вгрызаться в отчаянно сопротивляющиеся кварталы. Да, применение танков в городе означало очень большие потери, но уж так сильно хотелось нашим бойцам поскорее закончить войну, уничтожить фашизм, казнить фюрера и его шайку — их руки были не по локоть, а по плечи в человеческой крови. Сюда примешивалось и желание наших высших военачальников отрапортовать Сталину о победе к празднику 1 Мая.

Адельханян был на НП армии, когда позвонил любивший хорошую шутку Бабаджанян:

— Нахожусь под Эркнером. Товарищ командующий, тут японцы мне голову морочат.

— Какие еще японцы? Откуда они взялись? — удивился Катуков. Потом вспомнил про своеобразное чувство юмора командира 11-го танкового корпуса. — Ты случайно не перегрелся, Армо*? Нашел время шутить!

— Никак нет, Михаил Ефимович. Все по-честному — у меня здесь японцы. Говорят, дипломаты из посольства Японии в Берлине.

* Уменьшительное от имени Амазасп.

Катуков тут же связался с Жуковым. Командующий 1-м Белорусским фронтом приказал:

— На самолет и ко мне в штаб. И чтоб ни один волос с их головы не упал.

Катуков повернулся к майору Адельханяну.

— Слышал? Твой земляк взял японцев, ты их и принимай.

Детали передачи необычной делегации Артур обговорил с Бабаджаняном по радио открытым текстом — но на армянском языке, чем, наверное, поставил в тупик немецкую службу перехвата.

Японцев было десятка два. Чувствовали они себя крайне неуверенно — напугались при переходе линии фронта. К тому же подданные союзника Германии не рассчитывали на теплый прием. Однако для них выйти на советских означало самый приемлемый вариант: в отличие от немцев, стремившихся сдаться американцам, они не горели желанием оказаться пленниками державы, с которой Япония находилась в состоянии войны.

Улыбавшихся по случаю счастливого избавления японцев Адельханян посадил в бронетранспортеры и отправил на аэродром.

XI

В Берлин 1-я танковая вступила в одной полосе с 8-й общевойсковой армией Б.И. Чуйкова. Так как к центру города фронт сужался, произошло смешивание боевых порядков двух армий. Не говоря о том, что началось присваивание чужих лавров (хитрый Чуйков несколько раз докладывал штабу фронта, что его гвардейцы захватили тот или иной объект, хотя это делали подразделения 1-й танковой), такой оборот вносил сумятицу в боевые порядки, иногда части разных армий принимали друг друга за немцев, к тому же беспорядок в информации дезориентировал штаб фронта и затруднял управление войсками. Жуков устроил разнос командующим, а штабы обеих армий чуть не переругались между собой.

В конце концов кто-то подкинул спасительную мысль: установить армиям разграничительные линии по улицам. Завершающая осевая линия наступления 1-й танковой армии проходила по Вильгельмштрассе и упиралась в парк Тиргартен.

Офицерам оперативных отделов поручили втянуть свои части в рамки разгранлиний, и отпустили на это сутки. Пере-

группировка должна была осуществляться на ходу, во время боевых действий.

Адельханян под обстрелом бегал от дома к дому, отыскивая свои подразделения, разъяснял ситуацию и указывал новые позиции. Разумеется, приходилось работать автоматом: везде подстерегали разрозненные вооруженные группы противника и фанатики-одиночки. Нередки были ситуации «слоеного пирога», когда в одном здании разные этажи занимали вперемешку наши и немцы. Выкуривали их ближним боем, доходившим до рукопашного.

Командир дивизиона реактивных снарядов — знаменитых «катюш» — капитан Голенков обнаружил на пятом этаже одного из домов около двухсот эсэсовцев. Он закрепил рейку на подоконнике противоположного дома, нацелил, провел проводку к аккумулятору... После того как снаряд вдребезги разнес «чужой» пятый этаж, Голенков сказал:

— А можно еще подсоединить бикфордов шнур и поджечь...

При перегруппировке погибли два офицера оперативного отдела 1-й танковой армии.

XII

Управлять войсками в крупном городе — совсем не то, что в чистом поле. На равнинах все прекрасно видно даже из танкового люка, а если оседлаешь какой-нибудь холм, то у тебя готовый НП.

Такой вариант в Берлине исключался. Среди больших зданий приходилось отыскивать самое высокое, взбираться на верхотуру — и все равно обзор оставался ограниченным. Поэтому первостепенное значение приобретала радиосвязь, на карте обозначались последние изменения, и ставилась очередная боевая задача. Обмен информацией осуществляли офицеры оперативного отдела, но перемены происходили настолько быстро, что иногда возникали казусы.

Штаб армии только что передислоцировался в подвал дома рядом с одним из каналов Шпрее. Суету текущей работы оперативного отдела прервала команда: «Смирно!». В комнату стремительным шагом вошел командующий 1-м Белорусским фронтом, устраивавший иногда внезапные посещения штабов. За ним следовали командующий 1-й танковой Катуков, начштаба Шалин и начальник оперотдела Никитин. Жуков встал перед «золотой картой».

— Где вы находитесь?

Адельханян заметил, что Шалин нервничал в ожидании подвоха, но уверенно показал точную позицию. Таким же непроницаемым тоном Жуков спросил:

— А где штабы Бабаджаняна и Дремова? Указка уткнулась в места известного по последним данным местонахождения штабов корпусов — километров на пять впереди КП армии.

— Теперь пойдем, я покажу, где они находятся.

Потом по адресу оперативного отдела долго прохаживались обидными шутками. Жуков коридорами вывел командование 1-й танковой армии в другие помещения, где их встретили стоявшие навтыжку подчиненные. Оказалось, штаб армии занял лишь малую толику площади огромного бомбоубежища, растянувшегося на целый квартал. Другие комнаты независимо друг от друга облюбовали штабы 11-го и 8-го корпусов, тут же приютились штабы двух бригад. Если бы до конца войны не оставались считанные дни, многих руководителей снимали бы с постов, а так обошлось крутым разносом Жукова да едкими подначками сослуживцев. Штабы тут же рассредоточились*.

Полковник Бабаджанян предложил для скорейшего продвижения использовать тоннели метрополитена. Но когда наши разведчики ринулись туда, в подземке они обнаружили многих берлинцев, беспомощно барахтавшихся в прибывающей воде. Старики, женщины и дети прятались там от бомбежек и обстрелов. Хотя фашистам было известно, что на станциях метро находилось мирное население, они открыли шлюзы Шпрее, чтобы затопить тоннели и не пропустить русских. Наши солдаты, рискуя жизнью, спасали гражданское население. Несколько разведчиков погибло.

XIII

Медленно, но верно сжималось кольцо вокруг берлинской группировки немцев. Продвижение уже считали не на километры — каждый метр был обильно полит кровью наших солдат. Видимо, действительно Гитлер здесь собрал самых оголтелых, фанатично преданных ему людей. Они же не позволяли сдаваться мальчишкам из «гитлер югенда» и старикам-фолькштурмовцам, безжалостно расстреливая любого, заподозренного в стремлении спасти свою жизнь.

* Боевой устав четко определяет размещение на местности командных и наблюдательных пунктов и их удаление от войск. Но в таком большом городе, как Берлин, с несколькими тысячами крупными зданиями, управление войсками затруднено и может привести к подобным недоразумениям.

1-й танковой армии до конечной цели — парка Тиргартен — оставалось пройти тысячу метров. Берлинский гарнизон оказался зажатым в узкой полосе шириной три—пять километров и длиной шестнадцать километров.

Но в рядах армии были тяжелые потери. Погиб комбриг А.М. Темник, при захвате правительственного аэродрома погиб командир батальона В.А. Жуков. В корпусе Бабаджаняна вышли из строя почти все мотострелки, Катукоев выделил ему последний резерв — роту охраны штаба армии, которой командовал капитан Попов*.

С НП армии был виден зоологический сад с построенными в нем железобетонными бункерами. Штурмовать зоосад пришлось почти два дня.

Рано утром 2 мая 1945 года боевые действия в полосе 1-й танковой армии были прекращены. Командующий зоной обороны Берлина генерал Вейдлинг призвал гарнизон прекратить сопротивление.

Казалось, что тут неясного — кончилась война! Но, оглядываясь вокруг, Артур не мог поверить, что самая страшная, самая опасная война за всю историю человечества завершилась.

Он сопровождал командующего армией в поездке по городу. Везде улыбки, радость, откуда-то появилась гармония. Бесконечные автоматные очереди — но это уже не перестрелка, не бой — это от избытка чувств наши солдаты палят в воздух.

Увидели здание фашистского генштаба, имперскую канцелярию, где закончил свои дни Гитлер.

Майор Григорий Бородин, комендант штаба, привел в оперативный отдел немца и доложил, что нашел того в доме, выделенном для штаба.

— Он себя вместе с семьей в подвале замуровал. Переводчик спросил, зачем они это сделали. Немец ответил, загнанно глядя на советских офицеров:

— Боялись расправы.

Адельханян удивился. Накопившаяся за последние годы злость не могла выплеснуться против людей, не державших в руках оружия. Он был уверен, что не все немцы — фашисты, что народ, давший миру Бетховена и Гете, не может полностью озвереть. Разве может быть врагом этот жалкий, испуганный человек?

* Полковник Попов в настоящее время с семьей проживает в Санкт-Петербурге.

— И как долго вы собирались сидеть в подвале? — спросил Артур.

Немец перевел на него затравленный взгляд.

— Пока не пройдет гнев русских.

Напуганному человеку объяснили, что советские солдаты не воюют с мирным населением. Советский солдат пришел в Берлин потому, что четыре года назад именно германские фашисты напали на нашу Родину. Теперь на берлинских площадях развернуты походные кухни Советской Армии — кормили жителей города.

Немец в это явно не верил. Он был поражен, услышав, что может идти.

Через несколько дней 1-ю танковую армию вывели в пригород Берлина — Цоссен.

В ночь на 9 мая 1945 года в Карлхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.

15 мая за организацию связи и взаимодействия 1-й танковой армии 1-го Белорусского фронта с 3-й танковой армией 1-го Украинского фронта Артура Адельханяна наградили орденом Красного Знамени.

Начиналась другая жизнь.

ОТ ДРЕЗДЕНА ДО СВЕРДЛОВСКА

Наш мир подобен колесу:
то вверх, то вниз влечет судьба,
Верх падает, и вновь ему взнестись
настанет череда.
Так плотник мастерит равно
и колыбели, и гроба:
Приходит сей, уходит тот,
а он работает всегда.

Ованес Ерзнкаци

I

Штаб 1-й танковой вывели из-под Берлина и назначили ему местом постоянной дислокации городок Радебойль близ Дрездена, а войска армии рассредоточили на земле Саксонии. Только успели разместиться, пришел вызов в Москву – принять участие в грандиозном Параде Победы.

Начальник Академии бронетанковых и механизированных войск пригласил Катукова прочитать лекцию слушателям и преподавателям высшего военного учебного заведения. Сопровождавший командующего теперь уже подполковник Адельханян получил задание подготовить схемы и топокарты и написать тезисы по темам: «Ввод танковой армии в прорыв» и «Основные операции 1-й танковой армии в Великой Отечественной войне». Свежий практический материал был воспринят аудиторией с большим интересом, а начальник учебного отдела академии полковник Бадалян попросил оставить текст лекции в качестве учебного пособия.

24 июня 1945 года рота солдат 1-й Гвардейской танковой армии в составе сводного полка 1-го Белорусского фронта в парадной форме прошла по Красной площади перед ликующими

москвичами. После парада его участников жители столицы растащили по домам. Артур Исаевич тоже попал к незнакомым людям за праздничный стол с нехитрым послевоенным угощением — в тот день все чувствовали себя родными, всем было о чем поговорить и что вспомнить.

Еще в Дрездене Артур и Клавдия решили пожениться. Свадьбу сыграли в Тбилиси, когда во время отпуска заехали к сестрам Серпун и Нвард. Там же были родители Артура и старший брат Нерсес с семьей, в которой подрастали два сына и две дочери — старший, Беник, уже трудился на военном заводе. Во время войны Нерсес работал на железной дороге, имел бронь и был зачислен в ополчение. Все это время он не только кормил свою семью, но и стал опорой быстро состарившихся родителей.

Когда Перуз касалась рукой сына, вернувшегося с войны, по ее щекам текли слезы.

Агаси и Ваган погибли в Крыму. Там же осталась могила их двоюродного брата Вардана, сына Хачатура. Похоронка на Агаси пришла еще в 1941-м. Ваган в 1942 году получил тяжелое ранение, и надо же было такому случиться, что его отправили в военный госпиталь в Тбилиси. Каждый день его навешали сестры, а также родители и брат — Артур верно понял, что с приближением немцев к Кисловодску они эвакуируются. Учитывая серьезность ранения, Ваган запросто имел возможность остаться дома, об этом его умоляли и родители.

— Он улыбнулся, — рассказывал Нерсес, — ты знаешь, как по-доброму он умел улыбаться... Потом сказал: «Как я могу остаться, когда враг рвется сюда? Как я могу не мстить за Агаси? Значит, Артур один будет с оружием в руках защищать и вас, и меня? Нет, я иду на фронт». И уговорил медицинскую комиссию, чтобы сразу отправили...

26 сентября 1943 года во время проведения Новороссийско-Таманской операции гвардии лейтенант Ваган Адельханян* был убит в бою.

— Когда Агаси уходил на фронт, продолжал Нерсес, — сказал, чтобы Вагана не пускали, рано, мол, ему. Я, говорит, уже женат, вот моя супруга Вардануш, вот сын Сергей, а Ваган... — Нерсес тяжело вздохнул. — Никого после него не осталось.

* В письме отцу о гибели сына, подписанном командиром 309-го гвардейского стрелкового полка подполковником Пеньковым, он назван Иваном Мисаковичем Адельхановым.

Мы ведь от матери долго скрывали похоронки. Только она все сердцем почувствовала, плакала днем и ночью, вот так зрение и потеряла.

Артур стиснул зубы.

— Что стало с Симоном?

— Значится как без вести пропавший еще с сорок первого. Боюсь, что... — Нерсес не договорил, потом тряхнул головой. — Пропал без вести — значит, можно еще надеяться, мало ли что... Он ведь мальчишкой при уходе из Карса тоже терялся, но сумел выбраться.

Артур взглянул на брата. Суровая реальность войны и жестокий опыт подсказывали ему, что выжить в сорок первом было крайне трудно, многие убитые при отступлении записывались именно как без вести пропавшие. Если бы Симон был жив, давно дал бы о себе весточку.

На войну ушло почти все их поколение, а вернулись немногие. Вариант был чуть ли не единственный: опасное ранение с последующей инвалидностью. Таким образом остался жив двоюродный брат Артура Людвиг*, тяжело раненный в 1942 году под Нальчиком и долгое время лечившийся в госпиталях.

Радость победы перемешивалась с горечью потерь. Потом Артуру запали в душу слова чешского журналиста Юлиуса Фучика, написанные за две недели до казни в берлинской тюрьме Плётцензее: «Об одном прошу тех, кто переживает это время: не забудьте! Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас... Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами».

А везучий Симон вскоре вернулся домой.

Он попал в плен и был отправлен на работу во Францию. Там ему удалось бежать. Большую помощь оказала армянская община, укрывшая его от гестапо. Потом Симон вступил в ряды Французского Сопротивления и воевал в составе партизанского отряда вплоть до прихода американских войск.

Радость, с которой встретили второй раз потерянного и найденного Симона, невозможно было описать.

После войны появилось много «ясновидящих» и «прорицателей», выискивавших семьи, где кто-нибудь числился пропавшим без вести, и за награду обвешавших их скорое возвращение.

* Сын Седрака.

Перуз знала, что пришли официальные документы о гибели двух сыновей, ощущала непоправимую беду, но материнское сердце отказывалось верить очевидному. Не может быть, что не придут домой ее мальчики, которых она выносила, выкормила и поставила на ноги.

Надежда теплилась в ней до самого конца.

На обратном пути Артур Исаевич заехал в Кисловодск и сразу же направился в родную школу. Преподаватели не сразу узнали в подтянутом гвардии подполковнике своего прежнего ученика. Восхищенные школьники разглядывали боевые ордена и медали на парадной форме.

Многие воспитанники школы храбро воевали на фронтах Великой Отечественной, немало их осталось на полях сражений. Погибли одноклассники Артура Самвел Мартиросян, Энвер Солпагаров. Два питомца школы — Г.А. Арустамов и Г.А. Романенко — стали Героями Советского Союза*.

II

В Радебойле шла мирная служба.

Как-то командующий армией зашел в оперативный отдел.

— Семен Дмитриевич, — обратился он к главному топографу майору армии Дубову, — как коммунисты посмотрят на то, что Екатерина Сергеевна сменит фамилию?

Секретарь парторганизации опротдела, где стояли на учете командующий армией и Красавцева, не сразу понял вопрос.

— Учти, развод я оформил, — продолжал Катуков, — и брак с Екатериной Сергеевной тоже. Теперь она моя законная жена.

— Что ж, — улыбнулся Дубов, — думаю, коммунисты все поймут правильно.

С того времени Катя Красавцева стала Екатериной Сергеевной Катуковой — иначе как по имени-отчеству ее теперь не называли.

Боевой друг Адельханяна, заместитель начальника разведотдела армии подполковник Виталий Дубинский с какого-то времени из активного жизнерадостного человека превратился в молчаливого, отрешенного меланхолика. Даже служебные обязанности, которые он раньше выполнял с огоньком, стали ему будто в тягость. Думали, что депрессия вызвана пережитым

* На здании средней школы № 3 (бывшая № 4) города Кисловодска установлены мемориальные доски, рассказывающие об учениках-героях. А память о Г.А. Арустамове увековечена в стоящем перед школой памятнике, средства на который собрала армянская община.

на войне. В общем, командующий легко отпустил Дубинского, когда тот попросился съездить домой на Украину.

Гроном среди ясного неба пришло сообщение о его гибели. Начальник разведотдела Соболев послал офицеров для организации похорон. После их возвращения все стало понятным.

В Дрездене Дубинский узнал, что во время оккупации его жена сожительствовала с немецким офицером. Крови супруги он не жаждал, но приехал с твердым намерением как можно скорее оформить развод. Неверная жена, убоявшись дальнейших разоблачений и репрессий со стороны властей, напоила Дубинского и спящего зарубила топором.

Офицеры-разведчики хотели устроить самосуд, но преступницу арестовали органы НКВД.

III

Однажды в оперативный отдел зашел член Военного совета генерал-лейтенант Н.К. Попель.

— Артур Исаевич, ты не против съездить в Кёнигштайн?

За время войны между офицерами штаба и командованием армии сложились очень близкие, дружеские отношения, поэтому подполковник Адельханян не удивился неформальному обращению генерал-лейтенанта. Кёнигштайн находился чуть юго-восточнее Дрездена и был известен своей крепостью, откуда чудом удалось бежать только французскому генералу Жиро. Что же там могло произойти?

По дороге Попель объяснил, что сейчас в крепости организован госпиталь, где наши солдаты лечатся от «мирных ран» — венерических заболеваний. От руководства Восточной Германии поступили данные, что «нехорошие болезни» разносятся по округе. Власти просили оградить местное население от домогательств инфицированных победителей.

— Понимаешь, крепость действительно такая, что вроде бы выйти невозможно, — сетовал член Военного совета. — Стена — сорок пять метров высоты. А наши ухитряются.

— Николай Кириллович, если уж француз сумел убежать, то для наших героев это не препятствие вовсе.

— Тоже верно, — вздохнул Попель. — Будем разбираться.

Кёнигштайн действительно впечатлял. Огромная крепость с высокими стенами возвышалась над окрестностями. Казалось, незамеченным нельзя ни подойти к ней, ни выйти. С одной стороны стены нависали над излучиной Эльбы — с такой

высоты на воду было страшно даже смотреть, а с другой блюли порядок многочисленные охранники.

Начальник крепости полковник-сапер, признав в генерал-лейтенанте представителя высшего командования, обратился с просьбой:

— Уберите меня отсюда. Я привык бойцами командовать, мосты строить, а этот Кёнигштайн и госпиталем-то называется для отвода глаз, а так — суший бардак! Товарищ генерал-лейтенант, я вас убедительно прошу!

Попель ответил:

— Посмотрим. А пока построй-ка своих «гвардейцев».

На плацу во фронт вытянулись сифилитики и больные гонореей. У многих на гимнастерках блеснули боевые ордена и медали. К своему удивлению, Адельханян обнаружил здесь и женщин, служивших в нашей армии.

Попель без особой надежды стал расспрашивать удальцов, но все упорно говорили, что знать ничего не знают о вылазках к местным фрау.

«Нет, с наскака их не возьмешь, — подумал Артур, — придется проводить расследование».

Вскоре прояснились некоторые детали, а потом и вся картина.

Выбирались гуляки из крепости старым проверенным способом — разрезали простыни, связывали их между собой и по этому «канату» спускались вниз. Потом надо было резко оттолкнуться от стены и прыгнуть в реку. А возвращались еще проще. Шли через МП прямо на гауптвахту...

Меры приняли. Часть уже излечившихся во главе с начальником крепости отправили в Союз. Обнаруженные лазейки перекрыли и усилили охрану.

Вскоре госпиталь в крепости Кёнигштайн ликвидировали.

IV

После войны произошло перекраивание границ в Европе. Германия как страна-агрессор пострадала больше всего: Восточная Пруссия перестала существовать, так как была поделена между СССР и Польшей, полякам же достались бывшие прежде немецкими территории на восток от линии рек Одер-Нейсе. Лишилась своих приобретений Венгрия, были восстановлены границы Югославии и Греции. Уже урезанную территорию Германии страны-победительницы (СССР, США, Великобритания и Франция) разделили на четыре зоны оккупации.

Хотя советская военная администрация полностью контролировала местные власти, она старалась привлекать их к выполнению обычных административных функций.

Старшему помощнику начальника оперативного отдела 1-й танковой армии подполковнику Адельханяну, учитывая его предыдущий опыт, поручили организацию пограничной службы на земле Саксония. Работа была для Артура Исаевича не новой, но существовали определенные сложности. Дело в том, что первоначальной директивой определялось несение пограничной службы самими немцами.

Адельханян проехал по приграничным с Польшей и Чехословакией землям, определил места для застав, оставив между ними по двадцать-тридцать километров, расписал составы застав, определил функции, выдал оружие. Помогал Артуру Исаевичу в организации погранслужбы офицер оперотдела Яков Борщев*.

Подбор личного состава был прерогативой местных властей. Им пришлось туго: молодежь еще при подходе советских войск хлынула на запад, остались либо старики, либо люди, которых по тем или иным причинам не взяли в армию.

Через неделю после того, как заставы приступили к своим обязанностям, Адельханян позвонил начальнику полиции, который немного говорил по-русски.

— Давайте съездим проверим, как идет служба.

На том конце провода произошла некоторая заминка.

— Я должен приехать к вам.

Адельханян уловил в голосе озабоченность, поэтому сам начал беспокоиться. Долго гадать не пришлось. Прямо с порога начальник полиции выпалил:

— У нас случился, как это говорить, ЧП, чрезвычайное происшествие...

— Происшествие, — машинально поправил Артур Исаевич.

— Я... то есть, да, — пожилой немец явно нервничал. — Дело в том, что на польский граница поляки отняли у наш патруль оружие...

— Как это — отняли? — Адельханян ничего не понимал. — Как можно у вооруженного человека из рук забрать винтовку? Немец развел руками. С марта 1946 года Г.К. Жукова на посту главнокомандующего Группой советских войск в Германии (ГСВГ) сменил маршал В.Д. Соколовский. Пришлось обратиться напрямую к нему.

* Полковник Борщев сейчас живет в Солнечногорске Московской области.

— Как вы думаете, подполковник, каковы причины инцидента? — пытливо посмотрел на Адельханяна Василий Данилович.

— Товарищ главнокомандующий, после войны прошло слишком мало времени. Поляки, да и чехи со словаками от фашистов здорово пострадали, поэтому, думаю, вооруженного немца они видеть не могут патологически. Вот и сорвались.

— Верно. Нам самим надо было сообразить. Я с самого начала подозревал, что из этой затеи ничего не выйдет. Давайте сделаем так, — резюмировал главнокомандующий, — поставьте на заставы небольшое количество наших, а немцы пусть будут во втором эшелоне. Со временем пообвыкнутся славяне — пустим немцев вперед.

Из разных частей Адельханяну выделили рядовых и офицеров, которых он распределил по заставам. Польских и чехословацких пограничников оповестили о «смене караула», и постепенно волнение стихло.

V

Первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР в Группе советских войск в Германии чуть не закончились внутриведомственным скандалом, которому пытались придать политическую окраску.

Оперативному отделу было поручено размещение кандидата в депутаты — заместителя министра обороны по тылу генерал-полковника В.И. Виноградова — и его охраны. Подполковник Адельханян, майор Боршев и капитан Загородников получили задание подготовить стенды, схемы и топографические карты, иллюстрировавшие весь боевой путь 1-й танковой армии. Вся изопродукция располагалась в отдельном зале Дома офицеров.

Выборы прошли гладко. Высокий гость внимательно осмотрел избирательные участки, казармы, полигоны, Дом офицеров и остался доволен. Но перед отъездом в Берлин сопровождавший Виноградова член Военного совета ГСВГ генерал-лейтенант Пономарев, давно точивший зуб на Катукова (еще во время войны они прилюдно вступали в словесную перепалку), с плохо скрываемым раздражением сказал:

— Вам не кажется, что допущена политическая близорукость? Портреты командующего и других руководителей армии, вывешенные в зале Боевой Славы, одного размера с портретом Сталина. Необходимо принимать меры...

Настроение у всех было окончательно испорчено. Член Военного совета армии Попель тут же обвинил в халатности офицеров оперотдела, ответственных за оформление стендов. И не миновать бы Адельханяну грозы, если бы не внимательный Шалин, заметивший Попелю:

— Николай Кириллович, а ведь портретами занимались-то художники политотдела...

Инцидент погасили.

Зато другой случай закончился трибуналом.

Подполковника политотдела Васильченко Адельханян знал с 1942 года, они вместе воевали еще в 29-й армии. Никаких нареканий по службе Васильченко не имел, был на хорошем счету, пользовался уважением и доверием товарищей и командования. Его арест произвел эффект разорвавшейся бомбы.

После войны семьям офицеров разрешили въезд в Германию. Но Васильченко появление супруги с детьми удовольствия не доставило — он сожительствовал с другой женщиной. Через некоторое время он предложил своей пассии бежать в английскую или американскую оккупационную зону, причем пообещал, что на Западе они смогут прожить безбедно, потому что там он сразу издаст свою книгу под названием «Война». Рукопись он показал даме сердца. Надо отметить, что по роду службы Васильченко имел дело с политдонесениями. Эти документы, в отличие от многих других, были правдивы, содержали настоящие, реальные цифры, включали отрицательные факты — в общем, несли много «закрытой информации».

К несчастью для потенциального писателя, его любовница была осведомителем особого отдела. Васильченко взяли с личным.

На суде присутствовали все офицеры штаба. Васильченко спокойно, без стеснения рассказывал, как он подготавливал рукопись, говорил, что никогда не верил в коммунистические идеалы, а на вопрос, как же он на передовой, под пулями агитировал бойцов, ответил, что делал это по обязанности.

Приговор гласил: «Десять лет без права переписки».

VI

С 1947-го Артуру Исаевичу поручили ответственное, но не совсем интересное дело. Курорт европейского значения Карловы Вары (при немцах он назывался Карлсбад) притягивал взоры высокопоставленных лиц стран-победительниц. Чехословацкое правительство выделило по два санатория СССР,

США и Великобритании (после путча в ЧССР в 1948 году американцам и англичанам в санаториях было отказано). Подполковник Адельханян должен был эскортировать «больших гостей» от Дрездена до Карловых Вар и обратно через Аннаберг-Бухгольц и Обервизенталь — эта дорога охранялась и считалась по тому времени наиболее безопасной.

За каких-то три года Адельханян сопровождал до места назначения начальника Генерального штаба генерала армии А.И. Антонова, маршала С.М. Буденного, маршала Н.А. Булганина, попавших впоследствии в опалу Кагановича и Вышинского — попить водичку и отдохнуть на знаменитом курорте, казалось, решили все более или менее крупные деятели страны, кроме, разве что, Сталина, Молотова и Хрущева. Иногда Адельханян не успевал справиться с «потоксом», тогда ему в помощь выделяли других офицеров.

Летом 1949-го Буденный с женой Марией Васильевной, бывшей на двадцать лет моложе супруга, появился в Дрездене во второй раз. Через некоторое время Адельханян отправился с ними в Карловы Вары.

Когда заняли место в специально выделенном «мерседесе», герой гражданской войны изъявил желание посетить в Саксонии командующего 1-й танковой армией Каткуова.

— Миша — наш, конногвардеец, — пояснил маршал.

«Мерседесу» и трясущемуся за ним «виллису», где находилась небольшая охрана с радиосредствами и адъютант Буденного, предстояло преодолеть около двухсот километров. По дороге маршал завязал беседу, все больше вспоминая эпизоды гражданской войны, — в Великой Отечественной он, как и Ворошилов, особыми успехами похвастать не мог. Командующий кавалерией Советской Армии вспомнил и своего боевого друга еще по гражданской Городовикова.

— А как он сейчас поживает? — спросил Адельханян.

Буденный вздохнул:

— Плохо. Калмыков, народ его, сослали. Да и с женой несчастье случилось.

— Какое? — выпалил Адельханян и тут же спохватился, укоряя себя за излишнее любопытство.

Но маршал и не подумал остановиться.

— Понимаешь, какая петрушка — у него в доме из сейфа пропал какой-то документ. Пришел, открывает — а там нет. Дома в тот момент никого не было, ну, он и задействовал особистов. А те рассудили просто: если не он, значит, жена. Забрали

ее. А Городовиков через день-два нашел эту утерянную бумагу на службе и пошел просить Сталина, отпустите, мол, супругу, она не виновата. Когда ее выпустили, он стал у нее просить прощения, а она сказала: «Ты в меня не поверил, так я с тобой, старым дураком, жить не буду» и ушла от него. Трудно Городовикову без жены, — подытожил Буденный.

После короткого привала Мария Васильевна предложила:
— Давайте поедем через Хемниц.

Буденный вопросительно посмотрел на подполковника. Адельханян знал, что маршрут уже сто раз утвержден и за отступление от него по головке не погладят, и начал приводить доводы:

— Семен Михайлович (Буденный попросил на время забыть о его звании и называть по имени-отчеству), вы же знаете — я не имею права. Разжалуют, а то и посадят...

Маршал назидательно сказал супруге:

— Видишь, нельзя этого делать...

Но Мария Васильевна решила не отступать и, просительно глядя на Адельханяна, продолжала:

— Ну, как же, ну, подполковник... Крюк-то совсем небольшой — так, пустячок. Никто и не заметит. А там, в Хемнице, достопримечательность есть — тополя каменные. Жутко как посмотреть хочется, хоть одним глазком...

Адельханян заметил, что Буденный смущенно заерзал на сиденье, не зная куда деваться, зыркал глазами по сторонам, не смея перечить супруге. Ему стало жаль старика и немного обидно за него. А, была не была, может, действительно, никто не узнает. Он решился.

— Хорошо. Только я по радио предупрежу коменданта Хемница, чтобы мы ему как снег на голову не свалились, чтобы встретил и безопасность обеспечил.

Адельханян не подозревал, что служака-комендант, узнав о визите почетного гостя, проявит излишнее рвение, окольными путями проскочит к дороге и пристроится к кортежу сзади. Их не встретили, Адельханян был удивлен, но подумал, что коменданта могли оторвать какие-то срочные дела.

Почерневшие деревья без листьев издали казались странным впечатлением: казалось, что это огромные скульптуры. И только на коротком расстоянии становилось заметно, что тополя настоящие, но они давно окаменели. Подошедший к ним вплотную мог разглядеть, что черные гиганты понемногу реставрируются.

Чета Буденных, не привлекая внимания, рассматривала местную достопримечательность, когда откуда ни возьмись перед маршалом появился комендант и принялся зычно рапортовать. Тут же собралась толпа. Удивленные горожане быстро смекнули, что если высокий стройный комендант — главное лицо в Хемнице, которого подобострастно слушается сам бургомистр — вытянулся во фрунт и пожирает глазами маленького человечка с роскошными усищами, да еще в гражданской одежде — значит, тот действительно важная птица. В толпе появились фотоаппараты и защелкали своими камерами.

Адельханян подумал: «Я пропал».

Буденный понял нелепость ситуации, повернулся к зевакам спиной и тихо сказал:

— Поедем.

В машине Адельханян сидел, опустив голову, и ругал себя последними словами. Как он мог так опростоволоситься? Это же мальчишество. Неужели нельзя было найти в себе силы отказать взбалмошной женщине и не сворачивать с наезженной дороги? Как теперь все обернется?..

Будто читая его мысли, Буденный стал успокаивать.

— Ничего, подполковник, не переживай. Твой командующий — мой конник еще с гражданской, я ему прикажу, и все тихо будет.

Завезя в Радебойле маршала в отведенную ему квартиру, Адельханян доложил командующему и отправился домой. Отвратительное его настроение заметила Клавдия:

— Что случилось?

— Нет, ничего, просто устал, — соврал Артур, чтобы напрасно не беспокоить жену — вдруг все еще обойдется. Но на душе скребли кошки.

Через полтора часа позвонил порученец Катукова.

— Подполковник Адельханян? Командующий вызывает.

Когда Катукову доложили о прибытии Артура, он выскочил в коридор и разразился бранью, в которой обычные слова перемежались матом.

— Как ты мог? Прошли вместе чуть ли не всю войну, ни одного нарекания, и тут — на тебе! Радио ФРГ передало, что город Хемниц почтил своим присутствием прославленный маршал Буденный. Уже в Москве все известно. И как я благодаря тебе буду выглядеть перед Сталиным?

Адельханян молча слушал, считая отповедь вполне заслуженной. Но в душе уже проснулось озорное мальчишеское любопытство: а какое наказание ему влепят за этот проступок?

В это время в кабинете Катукова сидел Буденный. Он нутром почуял неладное и вышел в коридор. Командующий 1-й танковой замолк.

— Миша, не надо его ругать, — с печальным лицом едва слышно произнес Буденный. — Это я приказал...

Адельханян удивленно посмотрел на маршала.

— ... Если надо будет, скажу в Москве, что это я сам.

Наказания не последовало.

VII

К осени Артур Исаевич и Клавдия Георгиевна приехали в отпуск в Кисловодск, куда чуть ранее вернулись родители и Нерсес с семьей. Родной город не пострадал от войны. Наши оставили его без боя, а немцы также поспешно бежали, боясь попасть в большой «котел» после провала под Сталинградом.

Знакомые улицы, дома и деревья разбудили ностальгические воспоминания. Артур стал наводить справки, не осталось ли в городе кого-нибудь из прежних друзей.

В обувной мастерской, где работал двоюродный брат Кероп, его ждал радушный прием. Все приветствовали Артура, стали расспрашивать о семье, о жизни, потом постепенно перешли к теме минувшей войны. Здесь все его знали, и лишь один сапожник, казалось, не проявлял никакого интереса к происходящему. Но когда счастливый Кероп с гордостью объявил вошедшему знакомому: «Это мой брат Артур Адельханян!», апатичного сапожника как ветром сдуло. Заметив недоуменный взгляд брата, Кероп сказал:

— Ты его разве не узнал? Это Сако Танилян.

Танилян был сексотом (секретным сотрудником) НКВД и активно «стучал» на кого ни попадя, причем многие «прегрешения» своих жертв попросту придумывал. Тайна его деятельности оказалась секретом Полишинеля — кисловодские армяне быстро разобрались, кто является доносчиком. Неоднократно его лупили до полусмерти, а Агаси до войны даже на три года попал в Соловецкие лагеря «за нанесение тяжких побоев» Танилянцу.

Когда в Кисловодск вошли немцы, Сако стал «стучать» на своих земляков и им, выслуживаясь перед новой властью и

надеясь на поощрение. Его снова били. Но когда в город вернулись наши, на счастье Таниляна ни один из пострадавших от него людей не донес на него. Его просто презирали, не подавали руки при встрече.

Артур еще несколько раз заходил к Керопу на работу, но Таниляна не видел.

— А где... этот? — поморщившись, кивнул Артур в сторону окна, где прежде сидел Танилян.

— Он с того времени, как ты заходил в первый раз, на работу не выходит, — усмехнулся Кероп. — Видимо, боится, что ты ему морду набьешь.

Артур вспыхнул.

— Передай этому... предателю, что я об него руки марать не стану. Время его само накажет.

VIII

Артуру сообщили, что его прикумский друг Арам Аракелян находится в городе. В последний раз они виделись еще до войны в Ленинанканском военкомате, где Арам был начальником отделения. Тем большей неожиданностью для Артура было услышать, что Аракелян торгует на рынке, — что же случилось, почему он не на военной службе?

Встрече были рады до слез.

— Я знал, знал, что ты придешь! — выпуская подполковника из объятий, сказал Арам.

— Ты поседел, — заметил Артур.

— На себя посмотри, — с горькой усмешкой ответил друг. — Белый как лунь. Да и понятно, три войны прошел, повидал и окружение, и голод, и холод, и смерть, до самого Берлина фашистов гнал...

— Откуда ты знаешь?

— Я о тебе, дорогой ты мой, все знаю, родителей и брата твоего видел.

— А я о тебе, Арам, ничего не слышал. Знаю только, что семья у тебя есть — еще перед войной на свадьбе твоей гулял...

Арам поведал свою историю.

Когда началась Великая Отечественная, Арам по брони оставался служить при Ленинанканском военкомате. Однажды вечером к нему домой явился молодой человек, сославшись на общих знакомых. Соблюдая законы кавказского гостеприимства, накрыли стол и пригласили гостя отужинать. После нескольких слов молодой человек поставил на скатерть бутылки коньяка,

достал деньги в пачках — вот, мол, тебе магарыч, а ты помоги мне получить отсрочку от призыва.

Арам выставил посетителя вместе с его дарами за дверь.

Через два дня Аракеляна арестовали и обвинили в том, что он якобы назвал наших руководителей предателями, сговорившимися с фашистами, и утверждал, что наша техника против немецкой ничего не стоит, а война уже проиграна. В то время приписываемые наветы были обычно нелепыми и абсурдными, доказательств не требовалось, но репрессивная машина работала без сбоев. Арама приговорили к десяти годам и этапировали в Сибирь.

Родственники вскоре выяснили, что донос в НКВД состряпал тот самый молодой человек, а сам он после ареста Аракеляна ушел в горы, скрываясь от призыва и опасаясь справедливого возмездия. Лишь через год подлеца разыскали в далеком горном селе, где он прятался у родичей в овчарне. Его осудили за дезертирство, а родственников — за укрывательство.

Большую часть срока Арам отсидел в лагерях, но не озлобился ни на людей, ни на власть.

— У меня три сына растут. А от всех этих грязных дел надо держаться подальше — если ты хоть маленький начальник, сразу же найдутся люди, которым ты нужен для устройства своих темных делишек, — закончил свой рассказ Арам.

«Да, и от ошибок, и от несчастного стечения обстоятельств никто не застрахован», — подумал Артур.

IX

1-ю танковую армию перевели в «паулюсовские» казармы — там фельдмаршал формировал свою 6-ю армию, бесславно сгинувшую на Волге.

Адельханян собрал офицеров штаба и отправился на рекогносцировку. Масштабы строений впечатляли, поэтому разместить службы не составляло большого труда.

Раньше штаб и полевое управление 1-й танковой армии располагались в разных местах. Теперь же все свободно уместилось под одной крышей. Доходило почти до смешного: сотрудники отдела сбора донесений от службы к службе ездили на велосипедах, потому что по длинному коридору ходить пешком было слишком долго. В оставшихся свободными помещениях расположились Дом офицеров и новообразованный

университет марксизма-ленинизма. В «наследство» 1-й танковой достался и довольно неплохой стадион.

Адельханяна направили на учебу в Академию имени М.В. Фрунзе. Вскоре он уехал в столицу.

Надежды на то, что в Москве удастся насладиться льготной мирной жизнью, походить по театрам, побродить по паркам и скверам, не оправдались — учеба съедала все время. Днем Артур Исаевич сидел в лекционных аудиториях, выезжал на практические задания, вечерами зубрил новый материал. Работать с тетрадями и книжками он отвык, но природный пытливый ум, любознательность и выработанная на армейской службе дисциплинированность помогали постигать военную науку.

В 1950 году выпускников Академии имени М.В. Фрунзе пригласили в Кремль. Этот выпуск состоял сплошь из участников войны, и на их парадной форме поблескивали боевые ордена и медали.

Министр Вооруженных Сил зачитал приказ Сталина о выдаче выпускникам дипломов общевойсковых офицеров с высшим военным образованием. Все последовали в Георгиевский зал на торжественный обед. Правда, помпезное название к данному мероприятию мало подходило — хотя столы ломились от закуски и холодной водочки, стульев возле столов не было. Решивший опрокинуть вторую рюмку слышал мягкий совет стоявшего у стены человека в штатском — не надо, мол, увлекаться. А слова работников НКВД толковались, как приказ...

Х

В том же 1950 году подполковник Адельханяна получил назначение явиться для прохождения дальнейшей службы в отдел оперативной подготовки штаба Белорусского военного округа.

Надо было позаботиться о том, как перевезти семью. В то время существовало распоряжение министра Вооруженных Сил о выделении женатым офицерам товарного вагона для имущества, который цеплялся к пассажирскому поезду и следовал по маршруту Москва—Минск. Сказать, что это удобный способ передвижения, было нельзя, но Артур и Клавдия были неприхотливы.

Не обошлось без приключений.

На какой-то станции ночью вагон отцепили от поезда и пообещали отправить через сутки. Улегшись на мягкий тюк,

Артур и Клавдия заснули, но среди ночи свалились на пол: вагон потряс сильнейший удар. Артур выскочил наружу.

В их вагон врезалась большая платформа с круглым лесом, буфером почти в шепки разнесло тормозную площадку «товарняка». Оказалось, эту платформу спускали с горки, да забыли поставить на рельсы тормозные башмаки. Если бы скорость была повыше, случилась бы беда...

Адельханян устроил бучу на станции, применяя все подходящие к данному случаю слова. Перепуганный дежурный отбивался, напирая на то, что никто не пострадал, а Артура этот довод распалял еще больше.

Явившийся утром военный комендант железнодорожной станции, чтобы замять скандал, отправил вагон Адельханяна с первым же минским поездом.

XI

Минск в войну был совершенно разрушен, и через пять лет после ее окончания пригодных для жилья домов было очень мало. Администратор единственной в городе гостиницы сказала, что мест нет, и в подтверждение указала на табличку с этими двумя словами. Адельханян понял, что эту цитадель придется брать измором.

— Нам идти некуда. Так что жену оставляю здесь. — Артур кивнул на Клавдию. — Поживем у вас в вестибюле, пока не отыщется подходящий номер.

Не дав обалдевшей администраторше времени на ответ, он пошел в находившийся неподалеку штаб округа.

Первый вопрос командующего Белорусским военным округом маршала Семена Константиновича Тимошенко попал в самую точку:

— Как с жильем?

— Пока никак, товарищ маршал.

— А нельзя ли было временно оставить семью на прежнем месте службы? Как вы рискнули отправиться в почти пустой город?

Адельханян про себя усмехнулся — он-то места службы не выбирал.

— ...Меня перевели из Германии.

— Я-асно, — протянул Тимошенко, призадумавшись, а после короткой паузы спросил: — Сможете шесть месяцев пожить на частной квартире?

Прикинув свое финансовое положение, Адельханян ответил:

— Есть малость накоплений. Выдержим.

— Тогда договоримся, — подвел черту маршал, — через полгода получите ключи от квартиры.

В гостинице Адельханяна ожидал сюрприз — источавшая лобезность администраторша елеиным голосом сообщила, что семье уважаемого подполковника выделен прекрасный однокомнатный номер.

— Что, съехал кто-нибудь? — спросил Артур жену.

Клавдия покачала головой:

— Если бы! Просто все, кто проходил вестибюль, натыкались на наши вещи и возмущались. Видимо, администраторша решила поселить нас в запасном номере от греха подальше...

Жить в гостинице было не совсем удобно, да и накладно. Скоро Клавдия подыскала частную квартиру, она состояла из двух комнат и была подешевле.

Маршал Тимошенко свое слово сдержал: через полгода семье подполковника Адельханяна была предоставлена двухкомнатная квартира со всеми удобствами.

XII

В 1952 году в округе проводились крупные маневры с приглашением военных руководителей стран социалистического лагеря, был там и министр Вооруженных Сил СССР маршал А.М. Василевский. Учебный материал для маневров разрабатывали оперативное управление и штабы родов войск и служб округа. Ответственность за подготовку материала для танковых войск возложили на подполковника Адельханяна, а такую же разработку для общевойсковых соединений делал Махмут Ахметович Гареев, с которым Артур Исаевич впоследствии очень сдружился*.

Учения оставили двойное впечатление. С одной стороны, министр Вооруженных Сил остался крайне доволен, оценив подготовку и проведение на «хорошо». Военные руководители соцстран выразили благодарность и даже попросили разрешить их штабам изучение учебного материала маневров. С другой стороны, было отмечено, что боевой опыт в некоторой степени утерян, а первое применение танковых противоминных тралов и вовсе получило отрицательную оценку — на песчаной

* Позже генерал армии М. Гареев напишет книгу о тактических учениях и маневрах (Военное издательство МО, 1977) и пришлет в Кисловодск с надписью: «Полковнику Адельханяну Артуру Исаевичу, одному из создателей замечательного методологического опыта нашей армии».

местности они забивались и буксовали, а в препятствия попросту упирались. Позднее при разработке конструкций танка Т-80 была предусмотрена возможность подъема трапа.

После маневров Адельханяну присвоили звание полковника и зачислили кандидатом в Академию Генерального штаба.

XIII

Будучи в командировке в Гомеле, Адельханян пошел посмотреть на свои старые казармы, в которых его часть стояла перед войной. Здесь уже почти все восстановили. Сердце защемило от воспоминаний о последних мирных денечках перед проклятым 22 июня... Он вздрогнул от женского крика.

— Пойдите !

Через дорогу к нему бежала, держа за руку мальчонку лет десяти, красивая высокая женщина в строгом костюме. Глаза ее горели.

— Товарищ полковник!.. — сказала она, пытаясь отдышаться и внимательно вглядываясь в него. — Товарищ полковник, я вас узнала... Только в сорок первом у вас было другое звание...

Артур Исаевич напряг память, стараясь выдернуть из ее глубин это лицо, но припомнить не мог.

— Вы ведь служили здесь, в Гомеле? — женщина глядела на него.

— Да, — только и ответил Адельханян.

— Я жена старшего лейтенанта Новожилова, он был полковым уполномоченным особого отдела, — в голосе женщины слышалась отчаянная убежденность, только непонятно было, кого она убеждает — себя или собеседника. — Я столько искала, столько ждала... Вот его сын! — она поставила перед собой мальчишку, словно вещественное доказательство своей верности.

Теперь перед глазами Артура Исаевича возник белорусский лес, их проридившийся между немецкими колоннами маленький отряд, злой Толик Смирнов, выловивший пытавшегося сбежать «опера»... А тот все же сбежал!.. Но что сказать этой женщине и нахохлившемуся мальчугану?

— Да, конечно, я помню... Он... он хорошо воевал, проявил героизм и отвагу. Мы были в окружении. Потом... Иногда люди отставали от своих частей. Он от нас отстал...

Глаза мальчишки засветились, в них появилась гордость. Взгляд женщины, наоборот, потух. Она опустила голову и сделала было шаг в сторону, но вдруг резко остановилась и снова повернулась к человеку, который когда-то знал ее мужа.

— Но он не погиб?
— Я не знаю. Лично я этого не видел, и никто мне об этом не говорил, — на сей раз Артур Исаевич сказал чистую правду.
— Мне прислали бумагу о том, что он пропал без вести. Может быть, он жив?
— Может быть, — ответил Адельханян.
— Спасибо, товарищ полковник. Я буду ждать, — прошептала она и медленно побрела по улице, крепко держа за руку сына.
Глядя вслед удалявшимся фигурам, Артур Исаевич подумал, что поступил правильно. Этим людям стыдиться нечего.

XIV

Вскоре Адельханяна вызвал начальник штаба округа генерал-полковник Захватаев.

— Иди к командующему, он хочет тебе что-то сообщить.

Артур Исаевич быстро прокручивал в мозгу возможные причины: «Звание вроде присвоили. Документы в Академии Генштаба только отправили. Всех, кого надо, прошел, кандидатуру утвердили... И не проштрафился ничем». Так и не придя ни к чему, он вошел в кабинет маршала.

Завидя его, Тимошенко опустил взгляд и начал перекладывать бумаги на столе.

— Поступил вызов от командующего бронетанковыми войсками маршала Богданова, хотят вас направить на другую должность.

— Как это? — Артуру Исаевичу изменило обычное хладнокровие.

— Вот там и поговоришь, — буркнул Тимошенко, продолжая возиться с документами.

В поезде Адельханян обдумывал слова маршала и понял: ничего хорошего ждать не приходится.

У С.И. Богданова, в войну командовавшего 2-й танковой армией, разговор на самом деле получился невеселый.

— Полковник Адельханян?

— Так точно.

— Танкист?

— Танкист.

— Хотим вас направить командиром танкового полка.

Адельханян не понял.

— Товарищ маршал, полк я мог получить в Белорусском военном округе.

Ответ Богданова сразил Адельханяна.

— В армянской дивизии* сняли командование полка за очковитительство — и командира, и начальника штаба, и замполита. Вы поедете туда, наведете порядок, а со временем снова сможете поступать в Академию Генштаба.

Артур Исаевич молчал. Наверное, буря чувств отражалась на его лице. Сидевший тут же член Военного совета бронетанковых войск Н.К. Попель, в свое время служивший в 1-й танковой, не нашел ничего лучшего, как сказать с укоризной:

— Я тебе, кажется, партийный билет вручал!..

Адельханян взял себя в руки.

— Да, вы вручали. В 1943 году на Курской дуге. Надеюсь, мне не скажут, что я не достоин быть членом партии?..

Командующий и член Военного совета обескураженно переглянулись. Артур спокойно продолжил:

— Где находитсяверяемый мне полк?

... Начальник штаба бронетанковых войск Андрей Лаврентьевич Гетман, с которым они вместе служили, спросил:

— ... Значит, не ответили тебе, где твой полк находится?

— Они и этого не знают, — буркнул Адельханян.

— А я знаю. Полк дислоцируется рядом с Ереваном, в Эчмиадзине, там, где католикос всех армян. Будешь служить впритык с его резиденцией...

XV

На ереванском вокзале Артура Исаевича встречал начальник штаба 34-го танко-самоходного полка 89-й армянской стрелковой дивизии подполковник Киракосян — ему сообщили о прибытии нового комполка из штаба Закавказского военного округа. Приехали на вокзал и родственники: двоюродный брат Людвиг и сын Нерсеса Владимир**.

Адельханян не был в Армении четырнадцать лет, Клавдия вообще попала сюда впервые.

Эчмиадзин, где стоял 34-й танкосамоходный полк, впечатлял своей историей и древней суровой красотой. Но Адельханян, ставший и начальником гарнизона города, сначала меньше всего интересовался внешними факторами. Его, в первую очередь, беспокоили запущенность учебно-материальной базы полка и низкая дисциплина личного состава.

* И во время войны, и позже существовали войсковые соединения, созданные по национальному признаку.

** По примеру дяди Артура, Владимир поступил на военную службу, окончил Саратовское танковое училище. Ныне подполковник в отставке, проживает в Кисловодске.

Пришлось много поработать, но усилия не пропали даром: уже на следующий год полк при инспектировании получил оценку «хорошо». Командующий округом такому скорому результату не поверил и самолично устроил выборочную проверку с пристрастием. Как он ни придирался, пришлось согласиться с оценкой комиссии.

Здесь Адельханян услышал о смерти Сталина. По указанию Военного совета армии во всех частях прошли траурные митинги с построением на плацу, с военными оркестрами при опущенных знаменах.

Солдаты и офицеры не скрывали слез. Армия, как и вся страна, верила в Сталина, в его гений. Никто не сомневался, что победа в войне была одержана благодаря его воле, его умению быть твердым.

Тогда Адельханян еще не знал, что некоторое время спустя получит приказ отправить два танковых тягача в Ереван для демонтажа памятника «вождю и учителю»...

Командир полка должен был поддерживать тесные взаимоотношения с духовенством: во-первых, полк являлся частью национальной армянской дивизии, во-вторых, церковь предоставила полку два здания под казармы.

За весь последний период, проведенный вне национальной среды, из памяти Артура Исаевича не выветрился армянский язык. Адельханян никогда не ставил национальное выше общегосударственного, но о своем происхождении не забывал, не пытался, как некоторые, в угоду сиюминутным соображениям мимикрировать «под русского», не кичился, но гордился тем, что он армянин.

С католикомом всех армян Георгом VI (Чорекчяном) у него сразу же сложились самые теплые, уважительные отношения. Культурный и высокообразованный человек, отлично владевший несколькими языками, Георг VI был полон житейской мудрости и искренней доброты к ближнему. При встречах с полковником он живо интересовался делами полка и состоянием армии, рассказывал о древней истории армянского государства.

На традиционном празднике освящения молодого вина в августе–сентябре, куда приглашалось множество гражданских и военных должностных лиц, в беседе с Артуром Исаевичем Адельханяном католикос сказал:

– Переданные вам церковные здания можете считать своими. Хотя...

Георг VI горько усмехнулся и предъявил Адельханяну официальный документ: «... при первом же требовании католикоса здания должны быть освобождены...»

— Вот еще что. Я ехал ночью в Ереван поздравить с праздником местных руководителей. На окраине Эчмиадзина увидел двух твоих офицеров. «Куда направляетесь, дети мои?» — спросил я их. Они сказали, что также едут в Ереван поздравить родителей. Я их подвез. Только думаю мне, — католикос издохнул, — что слукавили твои подопечные. Они поехали разыскивать своих солдат. По-вашему, по-военному, такие солдаты называются «самовольщики».

Позже Артур Исаевич выяснил у своих офицеров эту ситуацию и поразился еще больше: католикос был прав.

XVI

В 1954 году Адельханяну довелось хоронить Георга VI, которого он глубоко уважал и успел полюбить.

Приехавший на похороны заместитель министра, ведавший делами церкви, встретился с начальником гарнизона Эчмиадзина.

— Вы знаете, Артур Исаевич, будет множество представителей армянской диаспоры с разных концов мира. Надо всех военных вывести из гарнизона. Ваша часть стоит впритык к церкви, могут неправильно понять.

«А раньше о чем думали? — мелькнула у Артура Исаевича мысль. — Опять очки втираем...»

— Ладно, солдат могу вывести в лагерь. А офицеров куда девать?

Замминистра нашелся быстро.

— Офицеров оденьте в комбинезоны. Скажем — механизаторы колхоза...

— Хорошо, — поморщился полковник, представляя своих офицеров в роли храбрых трактористов. — А танки и самоходные орудия как замаскируем?

Ответа не последовало.

На похороны, кроме представителей разных конфессий из СССР, приехали делегаты армянской церкви из США, Италии, Франции, арабских государств и других стран, где компактно проживали армяне. Ходить по прилегающей к церкви территории им запретить не могли и глаза зашорить тоже, поэтому вскоре многие из них вертелись возле ворот гарнизона и тарашили глаза на замасленные комбинезоны «колхозников» рядом с расположенными в боксах танками.

Артур Исаевич вспомнил войну и свою отвлекающую операцию перед Курской битвой. Здесь уже наземные наблюдатели, имеющие, к тому же, свободу передвижения, так что потуги спрятать от посторонних глаз целый танковый полк с самого начала были обречены на провал.

В общем, зарубежные гости открыто выразили свой протест, заявив, что соседство всемирно известной церкви и ординарного (как ни крути) воинского соединения недопустимо.

На место духовного пастыря претендовал заместитель покойного. Однако, когда вскрыли завешание Георга VI, оказалось, что католикос имел в виду другого преемника.

Большинством голосов был избран епископ румынской армянской церкви, получивший имя Вазгена I. Новый католикос полгода посвящал поездкам в те страны, где были армянские общины. В Москве он нанес визит председателю правительства Н.А. Булганину и передал ему мнение собора: нельзя размещать вместе церковь и воинские подразделения. При этом Вазген I предложил построить для данной воинской части военный городок с жильем для семей офицеров – за счет церкви. Булганин ответил, что государство наше не бедное и сумеет выстроить военный городок собственными силами.

По возвращении в Эчмиадзин католикос сообщил о состоявшемся разговоре Артуру Исаевичу, посоветовав тому ожидать перевод на новые квартиры. Полковник Адельханян знал советскую действительность несколько лучше, поэтому не разделял оптимизма католикоса.

Вскоре последовал приказ перевести полк в район Чобанкара, где не было ни воды, ни растительности, зато в изобилии водились скорпионы и фаланги. Узнав об этом, Вазген I попросил о встрече с Адельханяном.

– Ваш, – католикос подчеркнул это слово, – председатель правительства несерьезный человек, и попросту обманул меня. Я прошу извинения за то, что так вышло. И еще просьба: возвращайтесь в город.

– Без приказа передислоцировать полк не могу, – разрешил руками Адельханян. – Я человек военный...

– Понял, – отвечал католикос. – Тогда я позвоню вашему командующему Павловскому*.

Через два дня из штаба 7-й армии пришло распоряжение вернуться в Эчмиадзин.

* Павловский Иван Григорьевич, позднее – главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР.

XVII

Ночью в часть поступила шифровка от командующего Закавказья И.И. Федюнинского: «Немедленно вывести полк в квадрат N без боеприпасов с сухим пайком. Занять позицию, окопаться, создать оборонительные сооружения с капонирами для танков. Танки, боеприпасы для второго формирования* оставить на месте».

Адельханян отвел полк к горе Арагац и вместо отпущенных трех дней справился с заданием за два.

• Турки на границе вроде ведут себя спокойно. Учений не намечалось. Что случилось, отчего такой непонятный приказ?», — думал Адельханян. Вместо какого-либо объяснения перед ним поставили новую задачу: построить эшелонированную оборону, но уже в другом горном районе. По своим каналам Артур Исаевич выяснил, что комдив, да и командующий армией И.Г. Павловский об этих перемещениях ничего не знают.

Наспех задуманные «учения» проводили неопытные посредники. Один из них, дабы обозначить огонь условного противника, бросил взрывпакет и, не рассчитав, угодил им прямо в штабную машину, — а в нее только что пересел из танка начальник штаба Киракосян в промасленном комбинезоне. Загоревшуюся на подполковнике одежду удалось накрыть ветошью и сбить пламя, но Киракосян получил настолько сильные ожоги лица и рук, что его пришлось срочно отправить в госпиталь. (Потом на предложение кадровика: «Может, представим Киракосяна на увольнение?» Артур Исаевич ответил: «Ни за что!»).

Полк неделю гоняли по горам, специально выбирая самые трудные маршруты, заставили израсходовать массу горючего. Потом, как ни в чем не бывало, направили на постоянное место дислокации.

Оказалось, Хрушев в это время производил арест «английского шпиона» Берии и решил подстраховаться, считая, что национальные дивизии могут выступить в его поддержку.

XVIII

Из штаба сообщили, что приехала проверка из Москвы во главе с генерал-майором Петровым. Адельханян удивился: что проверять в отдаленной части главному дирижеру Советской Армии?

* Т.е. заместителя командира полка и несколько офицеров второго полка военного времени.

Петров, хоть и имел генеральское звание, по сути оставался сугубо гражданским человеком, что было заметно по непривычному в военной среде вопросу:

— Я вам не буду мешать, если прослушаю работу оркестра? Артур Исаевич не замешкался.

— Ни в коем случае. Я отдам указания, чтобы вам создали условия для нормальной работы.

На полигоне, где проводились плановые стрельбы, все было в порядке. Однако на душе скребли кошки: пусть музыкальная, но комиссия из Москвы. Черт его знает — влепят отрицательную оценку, потом отмывайся...

Начальник штаба доложил, что проверка идет полным ходом.

— Что они сейчас делают?

— Физподготовку в спортзале демонстрируют...

У Адельханяна екнуло сердце. В оркестре половина сверхсрочников, и вообще народ подобрался физически слабый. Тамадой можно выбрать любого, но какие там нормативы...

В зале Артур Исаевич увидел генерала с довольной улыбкой. И действительно, любо-дорого посмотреть: оркестранты, все, как один, лихо перепрыгивали через «коня», четко фиксируя приземление. Адельханян не поверил своим глазам, но, приглядевшись, все понял: отменный класс показывали совсем другие люди. Стоявший рядом зам по физподготовке, заметив его гнев, побледнел.

Но полковник сдержался и ничего не сказал. Не хотелось портить настроение удовлетворенному генералу. В конце концов, для музыкантов-сверхсрочников физкультура — далеко не самое главное.

А музыканты в полку все же были отличные. Такую профессиональную оценку им выставил генерал Петров. Оркестр по воскресеньям музицировал возле Дома культуры, где послушать военных музыкантов собиралось много людей.

XIX

Во время плановых ночных стрельб из танков и САУ в 1954 году к Адельханяну подбежал дежурный по полигону. Было заметно, что он в сильном волнении.

— Товарищ полковник! Сообщили, что горит ваш дом!

Когда командир полка подъехал к своему жилью, пожар уже потушили. Паниковать Адельханян никогда не любил, потому к происшедшему отнесся философски: деловито осмо-

трел помещения и прикинул ущерб. В конце концов, все целы, а мебель и другой скраб — дело наживное.

Но в ворота стучалась уже настоящая беда. Утром из Кисловодска пришла телеграмма о смерти отца.

— Прими мои глубокие соболезнования по поводу смерти Мисака Симоновича, — сказал приехавший в полк командир дивизии Сергей Миансарян.

— Я понимаю, что когда-то это должно было случиться, — Артур не скрывал слез. — Но очень больно...

— Поезжай в Кисловодск, поддержи мать. Ты ей сейчас нужен. — Миансарян сжал руку Адельханяна. — А о последствиях пожара не думай. Квартиру отремонтируем, будет как новая.

В Кисловодске Артур осознал, что с потерей отца уходит в прошлое целый пласт жизни семьи, целая эпоха в ее истории. По рассказам бывших односельчан он знал, какую роль сыграл Мисак Адельханян в спасении жителей Ханигюха, знал, как он помогал людям и как сумел в суровых условиях сохранить семью, вынести на своих плечах горькую долю беженца, как ему удалось накормить своих детей, вырастить их честными, порядочными, работающими.

Дети, родственники и знакомые, как могли, пытались утешать Перуз. Она была сильной женщиной и мужественно пережила еще одну потерю.

— Мне нечего стыдиться, сын, — сказала она Артуру, когда они остались наедине. — Твой отец, твои братья Агаси и Ваган прожили достойно. Я горжусь ими. Я горжусь тобой. Я горжусь своими детьми. Теперь я буду жить для своих внуков.

Через восемь лет Перуз Киркоровны не стало.

XX

Как-то Адельханяну позвонил секретарь райкома партии.

— Артур Исаевич, к нам приехал председатель Президиума Верховного Совета республики. Не хотите ли, так сказать, засвидетельствовать свое почтение?

По тем временам Адельханяну, как начальнику гарнизона, по штату надлежало быть членом бюро райкома и депутатом районного Совета. И хотя его слегка покорила такая форма приглашения, принять его он счел обязанностью.

А надо сказать, что тогдашний председатель Президиума Верховного Совета Армении был по моде того периода выдвиженцем из низов и слыл человеком своеобразным.

Дождавшись прихода полковника, секретарь райкома завел разговор о сборе урожая:

— Мощностей на уборку у нас не хватает, своими силами никак не управиться. Надо бы нам помочь техникой, транспортом, людей подкинуть...

Об армии партийный секретарь и слова не сказал, но момент для сетований выбрал расчетливо: высокопоставленный гость воззрился на вошедшего полковника... Лицо председателя Президиума выдавало напряженную работу мысли.

— Как ты, опытный секретарь райкома, старый организатор, можешь говорить такое? — начал он с пафосом. — Что, не можешь заставить поработать этих солдат из гарнизона? Их же там, наверное, тысячи, и сидят целыми днями ничего не делают — пусть они тебе помогут. У них машин много. А чем танк хуже трактора? Вот сидит полковник, пусть выведет солдат убирать урожай...

Адельханян не выдержал:

— Уж вам-то следовало знать, чем занимаются военные и каковы их задачи. А если не знаете, спросите у командующего армией, вы его часто видите на бюро ЦК. Кстати, можете заодно указать ему, пусть мобилизует на борьбу за урожай все наличные силы 7-й армии — это уже не одна тысяча получится...

Секретарь райкома понял, что поставил не на ту лошадь. А высокий гость бросил недовольно:

— Ну, ладно, разберусь.

Интерес к армии он совсем потерял и в тот же день уехал.

Вскоре Адельханяну приказали явиться к командующему округом в связи с переводом по службе.

Как положено по уставу, выстроили полк. Артур Исаевич попрощался с личным составом и полковым знаменем, пожелал всем успехов, пообещал помочь, если возникнут проблемы, и передал полк начальнику штаба подполковнику Киракосяну.

В Тбилиси командующий Закавказским военным округом Иван Иванович Федюнинский сообщил:

— Будут расформированы национальные дивизии, это решение правительства. Но вам я предлагаю остаться в армии.

Адельханян принял механизированный полк, а вместе с ним и большой Степанаванский гарнизон, включавший артиллерийский полк и ракетный дивизион.

Артур Исаевич сполна оценил свое назначение: по боевой подготовке полк, как и вся 26-я механизированная дивизия, справедливо получил неудовлетворительную оценку. Опять его бросили «на прорыв». Целый год пришлось посвятить напряженной учебе, и она не прошла даром: результаты неуклонно повышались. На конец 1956 года была назначена контрольная комиссия из Москвы, но Адельханян уже был спокоен.

И тут в полку стряслось ЧП.

Чтобы насолить командиру, солдат может применить три способа: уйти в «самоволку», дезертировать, спрятать оружие. Если первые два варианта возникают из-за крайнего отчаяния (они строго наказуемы, к тому же виновный налицо), то последний гораздо более изощренный и не «высвечивает» исполнителя.

Незадолго до этого в стране была объявлена амнистия, и в часть попало несколько освободившихся уголовников. Адельханян вызвал «старшего».

— Товарищ полковник, я и мои ребята этого не делали. Если хотите, мы вам в розысках поможем.

Адельханян пригляделся — вроде не врет.

— Не надо нам помогать, сами поищем.

Уполномоченный особого отдела с выделенными ему солдатами несколько дней рыскал по полигонам, близлежащим полям, горам и лесным чащобам — безрезультатно, Адельханян подумал, что оружие могли спрятать в солдатских уборных.

Сначала кликнули добровольцев на поиски автоматов, потом полковник им предложил:

— Заставить никого не могу, но... Есть кто-нибудь, кто может полезть в выгребные ямы? Выдам вам средства химзащиты с сапогами. Поощрение — хотите, деньгами, хотите, отпуск...

Возможность съездить домой привлекла семь человек. Но автоматов не было и в отхожих местах.

Однажды, когда Адельханян направлялся в отдельно стоявший батальон, шофер сказал:

— Товарищ полковник, тут недалеко, километрах в двадцати, цыгане табором стоят. Скупают все что попало. Может, и наши автоматы там?

Артур Исаевич встрепенулся:

— Слушай, это единственное, что осталось!

В Степанаване полковник Адельханян, тоже «по разнарядке», стал депутатом местного Совета и членом бюро райкома партии. Поэтому он направился в райком и изложил секретарю свои соображения. Тот вызвал прокурора и начальника милиции:

— Можем ли мы дать полковнику санкцию на обыск в таборе?

Прокурор покачал головой:

— Для этого нет никаких оснований, кроме смутных предположений. Я такого решения принять не могу.

Секретарь райкома стал убеждать:

— Товарищ Адельханян утверждает, что они уже везде искали. Кроме как в таборе, оружие быть негде...

Прокурор стоял на своем:

— А если его там нет? Я отказываюсь.

Начальник райотдела милиции, почувствовав на себе взгляды окружающих, сказал:

— Это дело прокурора. Даст санкцию — проведем обыск.

Артур Исаевич вернулся домой. Но мысль о том, что автоматы совсем рядом, не давала ему покоя. Он решил провести операцию на свой страх и риск.

Отправив под благовидным предлогом в летние лагеря полкового уполномоченного-особиста, чтобы не мешал, Адельханян поднял по тревоге часть батальона подполковника Неверова и вместе с ним отправился в табор.

Вышел ярко одетый цыганский барон и, только успел полковник спросить об оружии, ухмыльнулся:

— Ордер на обыск есть?

Адельханян отстранил его и скомандовал солдатам:

— Обыскать весь табор!

Хозяйство у цыган оказалось крепкое, большое. Кибитка за кибиткой, шатер за шатром... Ночью поиски продолжались при свете автомобильных фар и карманных фонариков. Цыгане не шумели, лишь иногда бурчали под нос что-то на своем языке — очевидно, не совсем приятные слова...

Ночью все-таки оружие нашлось — оно было припрятано в укромных уголках шатров, укрыто под хламом на телегах, зарыто под соломой в скирдах. Автоматы, пулеметы, винтовки, пистолеты, гранаты, затворы, шомпола... Большая часть оружия, правда, была либо не укомплектована, либо непригодна. Сразу по номерам определили три своих автомата. Оружие погрузили в одну машину, а в другую свалили изъятое армейское обмундирование, которого тоже было много.

Вот тут-то цыгане загалдели. Разумеется, табор не соби-
рался поднимать восстание или заниматься крупномасштабным
бандитизмом. Весь арсенал и вещевое имущество предназна-
чались для перепродажи. Оружие у цыган охотно приобретали
чабаны, пасшие свои отары в горах и не имевшие достаточной
защиты от волков и воров. А обмундирование привлекало
многих экзотикой, дешевой и хорошим качеством. Все это
цыгане приобретали на длинном пути движения табора от самой
Украины.

Оба грузовика Адельханяна пригнал во двор райкома партии.
Разбуженное начальство было крайне недовольно, однако все
приехали сразу. Артур Исаевич язвительно сказал прокурору:

— Рисковал я гораздо больше, чем вы. Осмотрите грузовики.
Это из табора.

Тут же связались с командующим. Тот прибыл в Степанаван
на вертолете. Разглядев арсенал, отвел Адельханяна в сторону:

— Тут не только из нашего округа добро... Весь скарб от-
правь в штаб. Я тебе на всякий случай за самодеятельность
объявлю выговор, потом, конечно, сниму. Но ты сделал боль-
шое дело.

Через день полковой телефон начал раскаляться — звонили
с Северного Кавказа, Поволжья, даже из Прибалтийского и
Одесского военных округов.

К вечеру взмокший Артур Исаевич сказал дежурному:

— Забодали совсем! Все спрашивают о своем утерянном
оружии. И как так быстро узнали? Отсылай всех в штаб округа,
пусть там с ними разбираются.

Чуть позже в продаже оружия уличили двух солдат. Они на
это пошли из-за конфликта с командиром роты. Один полу-
чил пять лет тюрьмы, другой пошел в штрафбат.

XXII

Поезда и автобусы из Тбилиси в Степанаван стали приходить
с разбитыми окнами. Член Военного совета сообщил, что «это
хулиганствующие молодчики безобразничают, но скоро порядок
будет восстановлен».

Через день формулировка изменилась. События в Тбилиси
переквалифицировали в «контрреволюционный мятеж».

Ночью пришла шифровка от командующего округом Фе-
дюнинского, проводившего в это время учения в Бакинском
гарнизоне: «Тревога. Полку выдвинуться в Тбилиси».

Подведя полк вплотную к городу, Адельханян отправился к генерал-майору Баранюку, командиру стоявшей в столице Грузии дивизии. Он знал его еще с войны. Мельком поздоровавшись, комдив продолжал отдавать распоряжения.

Улучшив момент, Артур Исаевич спросил:

— Где мне расположить полк?

Баранюк остановился.

— В городе?

— В городе, — подтвердил Адельханян.

— Сдурел, что ли? — комдив смотрел на него широко раскрытыми глазами. — Мне самому встать негде. На улицах полно народа. Триплексы танковые разбивают, на бортах рисуют фашистскую свастику. Совсем рехнулись. Приходят к моим офицерам домой, угрожают — сидите, мол, тихо, не рыпайтесь, мы сами со своими делами разберемся.

— А что случилось? — Адельханян ничего не понимал, но сразу вспомнил о сестрах, живших в Тбилиси.

— Черт его знает. — Баранюк начал успокаиваться. — Говорят, местные подкатили к начальнику оргмобуправления, который остался вместо Федюнинского, и спросили, почему в день рождения Сталина на здании штаба округа на главной площади города флаги не вывешены. Тот ответил, что ему не приказано. А они заставили.

Адельханян вызвал своего зама подполковника Шишкина:

— Подполковник, бери радиостанцию и дуй в город, в самый центр. Разведай обстановку.

Через пару часов установили связь.

— Нахожусь на площади Ленина. Тут сколочены деревянные трибуны, везде митинги. Тьма народу, невозможно двигаться. Еле нашел закуток, чтобы вам доложить. Боюсь, расколошматят радиостанцию... Приводили первого секретаря республиканской компартии, спрашивают: «Кто тебя человеком сделал?» Тот им: «Сталин». А они: «Что ж ты, собака, не даешь его день рождения отмечать?» — и пнули коленкой под зад...

Адельханян перебил рассказ Шишкина:

— Подполковник, в город войти можно?

Шишкин несколько секунд молчал. Сквозь треск эфира послышался его взволнованный голос:

— Только по головам, товарищ полковник. Нельзя сюда.

— Понял, — бросил Адельханян. — Выбирайся отсюда, но оставайся в городе и держи связь. Смотри, радиостанцию не разбей.

«Ну, и что теперь? — думал Артур Исаевич. — Выполнять приказ — значит давить гусеницами машины и людей... Стрелять, что ли? Нет, в народ я не стреляю».

Адельханян отвел полк к Бодниси — район, расположенный рядом со столицей Грузии, — и простоял там все три дня, что длились волнения. Запал у митингующих иссяк, и в Тбилиси само по себе восстановилось спокойствие. Откуда-то появились попрятавшиеся во время бури милиционеры и другие представители власти. Проведенное расследование выявило инициативную группу, организовавшую беспорядки. Что с ней стало потом — кто знает...

На партийной конференции 7-й армии Адельханяну напомнили невыполнение приказа командующего. Какие-либо доводы разума на функционеров никакого впечатления не производили. Только начальник политотдела полковник С. Артазов сказал:

— Все ясно. К тебе претензий нет.

Артур Исаевич был счастлив, что не пролил крови.

XXIII

Перед приездом московской комиссии Адельханяна из штаба предупредили: сейчас полк посетят командующий округом и первый заместитель начальника Генштаба генерал армии М.С. Малинин, прояви кавказское гостеприимство.

— И что это означает? — поинтересовался Артур Исаевич.

— Сам не знаешь? — удивились на том конце провода. — Выпить, там, закусить культурно... А-а, вот Федюнинский любит, чтобы самовар был.

Озадаченный Адельханян вызвал своего зама по тылу майора Шахмейстера. У бывшего разведчика все лицо было в шрамах — горел в танке. Совсем недавно в связи с общим сокращением армии его хотели уволить, но Артур Исаевич настоял, чтобы человеку дали возможность дотянуть до пенсии по выслуге лет. Тыловик он был бесценный, прекрасно умел договариваться с другими, доставать «живые» деньги на стройматериалы, оборудование для полигонов и т.д. Шахмейстер устраивал солдат подработать на стройке или сборе урожая, реализовывал продукцию из подсобного хозяйства.

— Слушай, майор, — сказал Адельханян, — к завтрашнему дню самовар надо найти. И чтоб не какой-то там замухрышечный, а старый, большой, с блеском. У нас ведь никакого нет.

Майор Шахмейстер усмехнулся:

— Самовар будет.

Придя утром в свой кабинет, Адельханян обнаружил пять пузатых, на выбор, самоваров — строгих, с плавными изгибами, вычурных, с причудливыми формами... На боках четко вырисовывалась чеканка царских времен.

— Где ты раздобыл такое сокровище?

— Забыли вы, Артур Исаевич, что здесь неподалеку поселения староверов. Они тут давным-давно живут, еще царь-батюшка их предков сослал...

Увидев огромный самовар, больше напоминавший музейный экспонат, Михаил Сергеевич Калинин изумился:

— Откуда у вас в Армении такая красотища? Помню, еще до революции в нашем селе похожий был только у старосты...

Приехавшая после московская комиссия оценила боевую и политическую подготовку на «хорошо». Черное пятно с полка смыли. Федюнинский сказал:

— Молодцом. Поедете в Москву на Высшие академические курсы.

К концу 1957 года, после годичного обучения, полковник Адельханян был аттестован на командира дивизии.

XXIV

Получив направление в Уральский военный округ, Артур Исаевич прибыл в Кунгур на должность заместителя командира 65-й мотострелковой дивизии и сразу же остался за начальника гарнизона — комдив ушел в отпуск.

Старинный купеческий городок Кунгур, расположенный недалеко от Перми, мог похвастать разве что «закрытым» заводом, обилием таких же закрытых лагерей. Их было много по всему Уралу.

К полковнику Адельханяну чуть ли не сразу обратились за помощью. В дивизию приехали первый секретарь городского комитета партии с секретарем Пермского обкома. По их мнению, ситуация требовала вмешательства армии.

Детская колония, занимавшая здание бывшей церкви рядом со штабом дивизии, взбунтовалась. Малолетние правонарушители прогнали охрану, закрыли ворота и выставили дозорного на колокольню. По словам партийных лидеров, остановилось производство в цехах колонии и существует опасность применения оружия.

— Там остались в «пирамиде» винтовки охраны. Правда, комната закрыта и опечатана, по нашим сведениям, ее не трогали...

Адельханян позвонил в округ. Командующий УрВО Я.Г. Крейзер тоже был в отпуске, а замешавший его В.А. Артемьев, смещенный перед тем с должности командующего Московским округом, спросил полковника, помнит ли он о директиве Генштаба. Адельханян отчеканил:

— Войсковые части ни в коем случае не вмешиваются в дела внутренних войск.

Артемьев сказал:

— Как написано, так и действуй!

Положив трубку, Артур Исаевич спросил:

— Слышали?

Секретарь горкома вздохнул:

— Значит, будем ждать, пока они до оружия доберутся...

Адельханян остановил их в дверях:

— Постойте-ка. Милиция ничего сделать не может?

Оба одновременно кивнули, а пермяк добавил:

— Разве что штурмовать с применением оружия.

Артур Исаевич вздохнул:

— Ладно, пойду. Ждите здесь.

Оставив табельный пистолет в штабе, полковник Адельханян пошел один.

Ворота открыл «старший»:

— Слушаю, товарищ полковник.

Отодвинув его рукой, Адельханян прошел в помещение. «Сейчас, жди, так я тебе и отдам инициативу! К вам пришел начальник!» — словно вбивая в сознание окружающих его несовершеннолетних заключенных эту мысль, Артур Исаевич зашагал в направлении кабинета начальника «зоны». И здесь, опередив «старшего», он занял стул «хозяина».

По всему было видно, что малолетним преступникам военная форма внушала уважение — в отличие от ненавистной милицейской. Один паренек не выдержал:

— А вы... и на войне были?

Адельханян посмотрел строго.

— Был, но это к делу не относится. Как же вы умудрились такую бучу поднять? Все равно с вами справятся. И сроки добавят...

Мальчишки наперебой стали рассказывать, как над ними издеваются начальство и охранники. Их избивают, а кормежка — просто жуть...

Артур Исаевич поймал себя на том, что сочувствует сорванцам.

— Говорят, вы производство разрушили, а ведь делали мебель, шили хорошую обувь...

Его повели в цеха, где работа кипела. «Да вместо целого штата чинуш и охранников дали бы им работать самим, оно б и лучше было!» — подумал Адельханян.

Из производственной зоны они вернулись в кабинет.

— Вот что, — сказал Артур Исаевич, — Сейчас приведу к вам людей из руководства города. Все, что вы мне рассказывали, повторите им и покажите цеха. Думаю, они смогут улучшить ваше положение.

— А если побоятся? — раздался голос из толпы.

— А чего вас бояться? — ответил вопросом на вопрос полковник. — Не съедите...

Артур Исаевич пригласил партийных начальников пройти с ним на «зону».

— Внимательно выслушайте ребят...

— Преступников, — поправили его.

— Ребят, — повторил Адельханян. — А меры скорее надо принимать к тем, кто их до этого довел.

Потом он узнал, что «крайними» оказались все-таки малолетние заключенные. Лагерь расформировали, а юных обитателей разбросали по другим колониям.

XXV

Дивизию Адельханян в конце концов получил, но командовать ею пришлось недолго. В 1960 году объявили о сокращении Вооруженных Сил СССР на миллион двести тысяч человек. Был расформирован и корпус, куда входила его дивизия.

Командующий УрВО генерал Д.Д. Лелюшенко, в войну возглавлявший 4-ю танковую армию, предложил Артуру Исаевичу временно переехать в Свердловск* и занять должность начальника штаба тыла округа. Но, как известно, у нас нет ничего более постоянного, чем временное: на этой должности Адельханяну предстояло оставаться целых десять лет, до самого увольнения в запас.

Полковник Адельханян был на трибуне вместе с другими официальными лицами 1 мая 1960 года в Свердловске. Когда

* Ныне Екатеринбург.

закончился военный парад и началась демонстрация трудящихся, дежурный по штабу округа шепнул на ухо командующему: только что зенитной ракетой сбит самолет-шпион. Военные тут же выехали в ракетный дивизион.

Из доклада зенитчиков выяснилось, что американский разведывательный «Локхид У-2», который за неувовимость прозвали «черным самолетом», в 8 часов 53 минуты по московскому времени вошел в зону огня и был уничтожен ракетой на высоте свыше двадцати тысяч метров. Летчик катапультировался и приземлился на парашюте в районе села Косулино, где был задержан местными жителями.

Летчика привели. Артур Исаевич заметил, что он крайне обескуражен («А-а, не думал, что на такой высоте тебя достанем?» — промелькнула мысль.) Пилот показал, что более трех часов назад вошел в наше воздушное пространство со стороны Афганистана и летел в северном направлении порядка двух тысяч километров с разведывательными целями. Командующий округом распорядился немедленно доставить разведчика в Москву.

Это был ставший потом известным американский летчик Пауэрс. После этого случая США осознали, что наше оружие в прямом и переносном смысле достигло больших высот и теперь безнаказанно летать над территорией СССР не удастся.

Кроме нормальной работы, приходилось иногда выполнять и довольно неожиданные поручения командующего генерал-полковника И.В. Тутаринова. Для приехавшей в округ военной делегации Венгрии Артуру Исаевичу надо было срочно разыскать... медвежонка. Специальной облавы не понадобилось. Во все углы огромного округа полетел запрос — проживает ли где-нибудь по соседству семейство «хозяев тайги». Выяснилось, что к повару отдаленного радиотехнического подразделения повадился ходить на подкорм трехмесячный мишка, по-видимому, оставшийся без родительского надзора. Быстро снарядили вертолет. Министр обороны Венгрии Ценеге был восхищен экзотическим подарком.

От военных строителей в штаб округа стали приходиться жалобы на плохое питание и медицинское обслуживание. Тогда военно-строительных частей было гораздо больше, чем боевых, и, хотя подчинялись они Министерству среднего машиностроения, стояли на довольствии округа. Артур Исаевич получил задание возглавить комиссию и разобраться на месте.

Факты полностью соответствовали жалобам. Мало того, солдаты постеснялись написать о том, что их заели вши. Суровые условия труда — а работали они в основном под землей — и слабая медицинская база привели к распространению тяжелых заболеваний.

Комиссия сделала все, что было в ее силах. Эта деятельность крайне не понравилась министру среднего машиностроения Е.П. Славскому, который позвонил министру обороны Р.Я. Малиновскому и пожаловался, что военные мешают работать. В Свердловске члены комиссии получили нагоняй от командующего Уральским округом И.В. Тутаринова.

В округ приехала комиссия Главной военной инспекции во главе с маршалом К.С. Москаленко. Десять дней длилась проверка боевой и политической подготовки, потом начались командно-штабные учения с привлечением войск.

Ночью на тыловом пункте управления Адельханян получил радиogramму открытым текстом от командующего: «Немедленно выезжайте на КП, захватите главного терапевта». Артур Исаевич понял, что стряслось нечто из ряда вон выходящее. На учениях радиogramмы всегда шифровались.

К рассвету Адельханян вместе с главным терапевтом округа, полковником медицинской службы Лирманом прибыли на командный пункт. Но помощь врача уже не требовалась. Умер начальник штаба Главной военной инспекции генерал-полковник Котов. Он отправился спать и отравился угарным газом в штабном автобусе — кто-то из ретивых служак приказал срезать выступавший за габариты шланг, предназначенный для отвода выхлопа.

Командира автобатальона понизили на одну ступень в воинском звании, начальника автомобильного отдела сняли с должности и уволили в запас.

Во время пражских событий, ночью, Адельханяна вызвали в штаб и объявили боевую задачу: в течение трех суток отмотилизовать за счет запаса железнодорожное отделение со всеми службами и отправить эшелонам в Чехословакию. Причиной, как сказали, была «контрреволюционная забастовка» чехословацких железнодорожников.

Мобилизация проводилась в Удмуртии и выявила кучу организационных недостатков. Доходило до абсурда: когда зашел разговор о белье для отмотилизованных женщин, выяснилось, что чулки для них находятся на одном складе, а бюстгалтеры —

в другом городе. Сами «запасники» на призыв отреагировали отчаянно и подчистую вымели с прилавков магазинов все запасы спиртного. В эшелон их грузили пьяными настолько, что казалось, будто идет отправка клиентов в огромный выпрезвитель.

Первый секретарь городского комитета партии до последнего момента пребывал в уверенности, что это учебная тревога, и поверил в реальность происходящего только тогда, когда увидел, что поезд тронулся.

Командующий округом генерал-полковник А.А. Егоровский нашел в себе мужество сообщить в Москву, что эшелон отправлен вовремя, но пускать такой контингент в Европу нельзя, и в подробностях обрисовал положение. Выговор он получил, однако потом министр обороны отметил, что Егоровский поступил честно, а потому правильно.

Уже с дороги эшелон повернули назад — пришло известие, что бастовавшие все-таки вышли на работу.

Как бы то ни было, Артур Исаевич был рад, что на этот раз наши солдаты на чужую территорию не ступили.

XXVI

Адельханян возглавлял комиссию по проверке Курганского гарнизона. После окончания ее работы начальник военно-медицинского отдела штаба тыла округа полковник Пастухов предложил посетить местную травматологическую клинику.

— Заведующий, Гавриил Абрамович Илизаров, очень интересный человек, врач от Бога, — убеждал Пастухов. — К тому же это имеет отношение к военной медицине.

Последний аргумент перевесил все сомнения Артура Исаевича. Он узнал, что именно Гавриил Абрамович Илизаров «собрал по косточкам» известного спортсмена Валерия Брумеля и бывшего командующего Московского Военного округа генерала армии А.Л. Белобородова.

Илизаров оказался радушным хозяином, проявившим истинно кавказское гостеприимство (родом он был из Дагестана), и до удивления простым человеком. Он рассказал о клинике, о своем методе и аппарате.

— Не буду влезать в подробности, но представьте, — увлеченно говорил он, — у человека сломана кость, ее вправили, она срослась. Но размер ее уже не такой, как раньше, а это значит, конечности будут разной длины. Человеку неудобно, он чувствует себя инвалидом. Мой аппарат не только ускоряет

сам процесс выздоровления, он позволяет регулировать размер сращиваемой кости...

Прибор Илизарова поразил Адельханяна. «Да это же вылитая катушка для намотки телефонного кабеля!» — подумал он. Г.А. Илизаров пояснил, как используется аппарат.

— Наши солдаты с травмами тоже лечатся у Гавриила Абрамовича, — сказал Пастухов. — В Кургане результаты лечения намного лучше, чем где бы то ни было.

— А у меня к вам будет просьба, — серьезно посмотрел на Артура Исаевича Илизаров. — То, что мы делаем здесь, в Кургане, все-таки не выходит за рамки города. А если оснастить аппаратами все окружные госпитали, врачей обучить методике? Что вы на это скажете?

Адельханяну удалось убедить в целесообразности новой медицинской технологии командующего. Вскоре примеру Уральского Военного округа последовали и другие.

Сегодня метод профессора Гавриила Абрамовича Илизарова известен во всем мире.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Не собирай земных богатств —
с огнем в очах:

Одет и сыт? Доволен будь! — Иное прах!
Мкртич Нагаш, XV век. «Суета мира»

Артур Исаевич Адельханян, награжденный 28 орденами и медалями, уволился в запас в 1971 году. Ему не стыдно оглянуться. Все, что он делал, он делал с чистой совестью. Так его учил отец и мать. Так его учила военная служба.

Он привык побеждать страх. Еще в школе погранвойск прыгал с парашютом, тогда боязнь высоты перекрывались упоительным ощущением полета и верой в себя.

Первые выстрелы в стычках при охране границы, польская кампания, первые бои в финскую войну. И высшее преодоление страха — Великая Отечественная. Сознательный риск на грани самопожертвования: если не ты, то кто же защитит родных и близких, любимый город, страну? Он был ранен в самый тяжелый первый период 1941 года, получил контузию во время Курской битвы, но оставался в строю.

Два его брата отдали за Родину жизнь.

Он знает, что военная служба в мирное время — далеко не сахар. Гибнут друзья. Полковник Кучухидзе участвовал в военных учениях, где впервые использовалось ядерное оружие. Болезнь крови обнаружилась через три года.

В УрВО, где Артур Исаевич служил под началом командующих — Д.Д. Лелюшенко, Я.Г. Крейзера, И.В. Тутаринова, А.А. Егоровского и Н.К. Сильченко — и долго был начальником штаба тыла округа, армию нередко бросали «на прорывы» в народном хозяйстве. В 1959 году он организовывал тушение лесных пожаров на севере Урала — для этого понадобилась целая дивизия. В 1970 году он был начальником оперативной

группы, помогавшей собирать урожай в Свердловской, Челябинской, Омской и Тюменской областях. Под его началом находилось двадцать тысяч мобилизованных водителей и пятнадцать тысяч единиц грузового транспорта.

После конфликта на советско-китайской границе у острова Даманский Артур Исаевич в составе отобилизованной боевой дивизии, выезжая на место, рассчитывал и подготавливал условия для развертывания общевойсковой армии. Неделю он провел в «предчувствии войны», но все обошлось.

В книге «Краснознаменный Уральский военный округ» в числе генералов и офицеров, внесших заметный вклад в решение поставленных перед округом задач и совершенствование учебного процесса, в повышение боевой готовности частей и подразделений, стоит фамилия начальника штаба тыла округа полковника А.И. Адельханяна*.

В Уральском военном округе служил он с Героем Советского Союза Ашотом Вагаршаковичем Казарьяном, ставшим впоследствии военным комиссаром Республики Армения, автором нескольких книг о войне и солдатах. Перед увольнением в запас Артур Исаевич приехал в Ереван. Казарьян очень хотел, чтобы его соратник перебрался в Армению. Адельханяну предложили министерское кресло. Артур Исаевич отказался.

Отказался он жить и в Москве. Вернулся в родной Кисловодск, в город, где похоронены отец и мать. Но сидеть без дела не умел. Работал в объединении предприятий курорта. Выступал с лекциями в школах и санаториях, на заводах и фабриках, активно сотрудничал с местными газетами.

Артур Исаевич часто встречается с сослуживцами, приезжающими на курорт. Одна встреча в 1972 году с Махмутом Гареевым запомнилась особенно. Тогда он познакомился с Константином Симоновым. На память осталась книга писателя с дарственной надписью.

К 40-летию и 45-летию Победы в составе делегации побывал он на местах бывших сражений, увидел казармы в Дрездене, улыбнулся в крепости Кёнигштайн, посуровел в Берлине.

Клавдия Георгиевна Адельханяна все эти годы разделяет судьбу мужа. Непросто было поддерживать уют домашнего очага при постоянных переездах из одного гарнизона в другой,

* Военное издательство МО, 1983, с. 239.

ждать супруга с подъема до отбоя, вместе с ним вскакивать по сигналу «тревога» — а сколько их было за тридцать пять лет! Она успевала помогать женам других офицеров, работала начальником секретной части в ГСВГ, заведовала детским садом штаба Уральского военного округа. Среди ее наград — орден Отечественной войны II степени, много медалей за ратный и мирный труд.

И сейчас, в 1999 году, Артур Исаевич Адельханян продолжает напряженно работать. Он возглавляет региональный Совет ветеранов I-й Гвардейской танковой армии, вместе с ответственным секретарем ветеранской группы Леонидом Александровичем Зориным организует встречи и ведет деловую переписку. Борется за права людей, прошедших войну, требует к ним внимания, считая, что их надо уважать при жизни, а не только после смерти.

Артур Исаевич активно участвует в деятельности Кисловодской армянской общины, ведет секцию ветеранов войны, собирает сведения об армянах — героях Великой Отечественной. Вспоминает молодого журналиста Оныка, писателя Ованеса Шираза и ратует за то, чтобы армяне могли говорить, читать и писать на родном языке.

Изучает и анализирует новые материалы о пройденных войнах. Он сохранил одно из главных человеческих качеств — заинтересованный, непосредственный интерес к жизни.

Артур Исаевич думает и о сегодняшней армии, и о военно-патриотическом воспитании молодежи. Да, солдаты нужны только в самые важные, переломные моменты в жизни страны, но помнить о них нужно всегда.

Существует множество книг о судьбах людей, прошедших через одну или несколько войн, и у читателя может возникнуть неизбежный вопрос — зачем ему предлагают еще одну? Тем более, что герой этого повествования, пройдя три войны, не стал прославленным маршалом, не совершил конкретный и всем известный подвиг. Он скорее принадлежит к тому множеству наших современников, которые на вопрос о профессии могут ответить двумя словами — защита Родины.

Но подвигла меня взяться за перо не только его безукоризненная тридцатипятилетняя служба в Вооруженных Силах нашей страны во времена самых крутых поворотов ее новейшей истории. И даже не перипетии его собственной жизни, которых хватило бы, я думаю, не на один роман. Привлекло меня более всего такое, согласитесь, редкое по нынешним временам качество моего героя, как готовность в любых обстоятельствах, пусть самых драматичных, с готовностью выполнять свой долг, каждый раз руководствуясь исключительно общенародными интересами. Есть люди, которые так выстраивают линию своей жизни, что им трудно или невозможно подражать, но можно из их судьбы черпать силы и вдохновение пройти свой собственный путь так, чтобы тоже не было причин для стыда и сожалений.

Мне хотелось бы сделать единственную оговорку. Искушенный в обширной художественно-документальной литературе читатель привычно подумает, что и в этой книге, как во множестве ей подобных, на самом деле трудно разобрать, где действительно имевшие место факты, а где игра авторского воображения, направленная на оправданную законами жанра благую цель: сделать интригу интереснее, а повествование — живее. На самом деле, жизнь моего героя настолько богата действительными коллизиями, что у меня не было никакой нужды

напрягать собственную фантазию. Ни одно событие в книге не придумано, никакой случай не приукрашен.

Мне хотелось бы поблагодарить за неоценимую помощь в работе над рукописью Клавдию Георгиевну Адельханян, которая с суровых дней Великой Отечественной войны была и до сих пор остается верным другом моего героя, разделяя с ним тяготы и испытания, выпавшие на долю их самих и их поколения. Я признателен также всем сверстникам моего героя, чьи воспоминания так или иначе нашли отражение в книге.

Особая благодарность — за мирное небо и саму возможность появления этой повести — АРТУРУ ИСАЕВИЧУ АДЕЛЬХАНЯНУ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Исход	7
Найти себя	27
Боевое крещение	49
Мы выдержим	73
Держать позицию	97
Вперед идут танки	117
Такая дорогая победа	135
От Дрездена до Свердловска	155
Вместо эпилога	195
От автора	198

ОТ ПУТЬ ОТ ТАНКОВОЙ ОТ И И

ОТ-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

СФОРМИРОВАНА 23 ФЕВРАЛЯ 1943г.

1ТА

3МК СФОРМИРОВАН ОСЕНЬЮ 1942г.

ОТ-СКИЙ ФРОНТ

ВОРОНЕЖСКИЙ ФРОНТ

ОТ-УКРАИНСКИЙ ФРОНТ

ПРЕОБРАЗОВАНЫ В ГВАРДЕЙСКИЕ

23 ОКТЯБРЯ 1943г.

6ТК - 11ГВ. ТАНКОВЫЙ КОРПУС

3МК - 8ГВ. МЕХ. КОРПУС

25 АПРЕЛЯ 1944г.

1ТА - 1ГВ. ТАНКОВАЯ АРМИЯ

